

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Анатолий Улунов

ДРУГОЙ ФРОНТ

Рассказы

Русское эхо
2015

Улунов А.Д.

У 49 Другой фронт: Рассказы. — Самара: Русское эхо, 2015. — 192 с.

ISBN 978-5-904319-4-0

Анатолий Дмитриевич Улунов родился 4 сентября 1951 года на Алтае. Окончил Военно-медицинскую академию. Военный врач. Участник боевых действий в Афганистане и на Северном Кавказе. Кавалер пяти боевых орденов. Полковник медицинской службы запаса. Заслуженный врач России. Кандидат медицинских наук. Член Союза писателей России. Инструктор парашютно-десантной подготовки. В настоящее время работает главным врачом городской больницы в г. Самаре. Поэт. Прозаик.

«Другой фронт» — одиннадцатая книга писателя.

ISBN 978-5-904319-4-0

© Улунов А.Д., 2015.

© Русское эхо, 2015.

ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

(Вместо предисловия)

...Сейчас часто доводится слышать, что время книг и литературы в целом безвозвратно прошло...

Иное время, иные интересы и иные ценности. Познание перешло на другую, следующую ступень своего развития. Информатизация, ускоренное проникновение, доступность и скорый результат. Загадкам, загадочному и романтически неизведанному — почти нет места. Утрачивается чувственная сторона бытия. Почти что сразу утрачивается, сразу по окончании детства, а то и именно в нём.

В чём-то это действительно так. А коли так, то этому же надо противостоять.

Противостоять бездуховности и безнравственности в мыслях, поступках и чаяньях.

А вот для этого-то и нужно общение, общение на творческих встречах, литературных студиях, презентациях и выставках. Нести силу духа русского слова, его глубину, многогранность и все то, чем славилась и славится до сих пор отечественная литература.

Но заниматься этим делом необходимо очень деликатно. Важно вызвать интерес у читате-

лей и слушателей к тому, что ты хочешь до них донести. В этом как раз и кроется весь смысл подобных встреч. А результат порой бывает просто поразительным.

...Февраль месяц, по-особому знаковый. В нём сошлись, казалось бы, разнополюсные понятия. С одной стороны, праздники, напрямую связанные с представлением о долге, чести, Родине, священной обязанности по защите Отечества, и тут же — День влюблённых. Хотя эти понятия не так уж и далеки друг от друга при внимательном их рассмотрении. А порой они необычайно дополняют друг друга и это становится своеобразной изюминкой на литературных встречах... Не раз в том убеждался лично...

...В том году творческие встречи с подобной тематикой начались заранее...

К середине месяца по традиции они стали приобретать выраженную «афганскую» направленность. И это вполне объяснимо. 15 февраля — день особый. В 1989 году завершился вывод советских войск из Афганистана. Уж как только эту войну не называли и в какие только идеологические краски не разрисовывали нашего солдата. Но сейчас не об этом. Поскольку бывшие воины-афганцы в этот день традиционно собираются вместе, вспоминают своих товарищей, встречи литературного плана обычно проводятся в дни предшествоующие. Так было и на этот раз.

Меня пригласили на встречу с выпускниками одной из самарских школ. Встречу назначили в городской библиотеке. Всё шло по обычному плану, я прибыл буквально за пять минут до начала. Мне предложили снять верхнюю одежду и пройти в

зал. Заведующая библиотекой, моя старая и, смею сказать, добрая знакомая, на правах хозяйки поспешила подготовить аудиторию, а я должен был войти после неё уже несколько позже.

Сняв куртку, я осмотрел себя в военной форме, увы, несколько располнел, но ничего не поделаешь, уже десять лет прошло с момента увольнения из армии. Так что ещё вполне сносно. Уже несколько отвык, но ничего, ещё действительно — сносно.

Поправив на груди ордена и медали и сдерживая их малиновый перезвон, я двинулся в зал...

— Дорогие ребята, сегодня к нам на встречу прибыл человек, о творчестве которого мы не один раз вели разговор, и вот он здесь... — заслышав такое представление, я вошёл в аудиторию, — мы специально пригласили его на празднование Дня влюблённых...

...Вот тебе раз!

Признаться, услышанное несколько повлияло на мою строевую прыть... Малиновый перезвон медалей тоже удручённо примолк... Мм... да...

...Как-то не к месту я в военной-то форме пожаловал...

...Аудитория смолкла, разглядывая убелённого сединой отставного военного, который чего-то ради вырядился таким образом... Скорее всего она, форма то бишь, знает многое о любви такого, что пока ещё не известно сидящим в зале... Хотя, судя по глазам, многие из аудитории тоже могли бы поделиться чем-то таким, чего явно не знает этот седой полковник...

Неожиданность, тематическая неожиданность смутила лишь на время...

— Милая, желанная, родная, — начинаю с самого порога, не здороваясь и не представляясь, —

полевой лазоревый цветок, неразгаданная сердцу
дорогая, ты моё знаменье и мой рок!

Зал притих, ухмылки сползли с лиц даже у сидящих на галёрке. Их явно в армию забирать сейчас не будут, а это и радует, и настораживает одновременно... Что-то уж очень неожиданно всё...

...Чувства к тебе рифмой сокровенной
передать хочу в букете слов,
ты моя надежда и отрада,
наяву пришедшая из снов...

Дальше было и про рок судьбы, и про чёрного ворона, который будет витать своим крылом над воином, но его губы, согретые лаской любимой девушки, всё равно будут шептать имя нежное...

Когда я сказал, что эти слова мне довелось прочитать в письме тяжело раненого солдата, которое он так и не успел отправить своей девушке, и вот я сейчас этим стихотворением выполняю его последнюю волю, в зале уже не было равнодушных людей.

Дальше уже было и про Родину, которую тоже надо любить и защищать самозабвенно, было и про маму, про калитку у родного порога... Да и вообще, много ещё чего там было. В вопросах и ответах. А ещё много было интереса, причём интереса искреннего, без унылой обязаловки. Короче говоря, отведённого времени нам не хватило. После встречи мы ещё долго фотографировались. Ребята подходили, как правило, с просьбой — пожать руку... Это радовало особо...

Отрадно, что подобные встречи активно проводятся во многих наших самарских школах и библиотеках, благодаря истинно подвижнической деятельности замечательных педагогов и само-

отверженных, раз и навсегда связавших свою судьбу с книгой, работников библиотек.

Многих можно было бы назвать...

Очень хочется надеяться, что если уж чему-то научить на подобных встречах так сразу и не удастся, то задуматься о ценностях вечных и непреходящих — непременно. Я в это верю.

Анатолий Улунов,
член Союза писателей России

Колокольный звон

Вслушиваясь в утреннюю тишину, Сергей Петрович ждал. Чего именно ждал, пожалуй, он и сам себе не сразу бы ответил. Может быть, выхода из церковных ворот жены с дочерью, а может быть, и совсем иного. Скажем, прозрения или завораживающей мелодии колокольного перезвона. Кто его знает... Ждал и ждал.

С некоторых пор установился у них в семье обычай: жена с дочерью воскресным утром ходили в церковь. Ходили — это значит, что Сергей Петрович их подвозил, а потом терпеливо ожидал в машине, предаваясь на досуге размышлениям, копаясь в памяти.

Нельзя сказать, что Сергей Петрович был стойким и выдержанным человеком. В смысле — мог бы долго и безропотно ожидать. Скорее, наоборот.

Время ожидания обговаривалось заблаговременно. Обязательный временной минимум воспринимался покорно, как должное. Дальше было хуже. Минутная и часовая стрелки это усвоили давно. Жена и дочь тоже, хотя и с трудом, через время и муки.

Пока же время не выходило за рамки уговора. Сергей Петрович с интересом продолжал рассматривать лица и походку прихожан. Он давно заметил, что, подходя к церковным вратам, люди отбрасывали во многом личностные осо-

бенности, являя собой смирение и послушание, готовность к покаянию и духовному очищению. Судя по всему, искренне, как могли, верили в это. В очищение.

Вот эта самая искренность в вере давно уже интересовала Сергея Петровича. Он с трудом, как зубную боль, переносил принародные жесты различных персон от власти, самозабвенно демонстрирующих свою сопричастность к вере. Показушность и лицемерие несовместимы с истинной верой. Это Сергей Петрович, по крайней мере для себя, усвоил давно.

Может быть, именно поэтому и не ходил в церковь сам. Не мог в одночасье сменить свои прежние убеждения, хотя должен был признать, что имел все основания уверовать в существование высшей силы, высшего разума. Основания имел, а вот не мог, и всё тут. С детских лет укоренилось в его сознании, что церковь — это приют для сирых и убогих старушек, а ещё — блаженных. Поэтому-то, когда властные гонения на церковь остались в прошлом, он с выраженным недоверием относился к появлению священнослужителей в мирской жизни. Особенно что касалось школы и армии.

Как же это: учить детей естествознанию, географии, информатике и прочим естественным наукам и одновременно искренне внушать им веру в существование высших сил?

Так же и в армии.

Тем более что там одновременно, в одном подразделении, несли службу как мусульмане, так и православные. Как это всё разумно выстроить, Сергей Петрович ответа дать не мог.

Хотя в армии выходило проще. Там на этот раз обошлись без обязаловки. Хотя бы в начале.

Сергей Петрович это помнил и ценил здравый подход к такому непростому вопросу.

Священники в войсках появились, но без собственных нам перегибов. К тому же появились сначала в «горячих точках», а там свои устои, свои традиции. И хорошо то, что вели они себя там приземно и не корчили святош наподобие присно памятных замполитов.

Особо в памяти своей Сергей Петрович хранил случай чуть ли не анекдотичный, но знаковый.

Довелось ему как-то в составе высокопоставленной делегации, можно сказать, представлять матушку Россию на чествовании одного прославленного соединения, которое стояло на боевых позициях в Таджикистане. Время было неоднозначное. В первую очередь, в морально-нравственных ориентирах.

Междоусобица в стране ещё не стихла, власти хоть и высказывали дружеские намеренья в адрес своего могучего соседа, но что у них было на самом деле на уме — это ещё большой вопрос. Тем не менее размах чествования был необычайно широким, чуть ли не на правительственном уровне, изобиловал как официальными мероприятиями, так и дружескими застольями. Вот тут-то русская удаль нашла свой размах во всю былинную статью! Выпить и съеденному было несть числа.

Спеть — тоже.

Отец Анатолий, дивизионный священник, был везде свой человек. Мог выпить, закусить и, при необходимости, отпустить грехи. И никакого тебе партбюро!

Про выпить, к примеру, он вообще говорил: «Могу лёжа, стоя и с колена». А это для нашего военного брата, да за рубежом, да почти что в боевых порядках означало — свой, желанный человек. Выпить

мог, но решительно пьяным его не видели. Он всегда был в одной поре. Неугомонный и неунывающий.

Чем-то это даже смахивало в нём на былинное, трепетно в памяти хранимое.

Когда же дело доходило до песен — тут вообще отцу Анатолию не было равных.

Мало того, что умение петь было определено профессией — он ещё и любил это дело!

При относительно тщедушной конструкции тела — росточком батюшка не вышел, да и вширь раздался, больше за счёт ряссы — голос между тем имел отменный. Громовой, можно сказать, голос. И песни любил всё больше удалые, да с размахом на всю честную компанию и далее. Удержу в них, в песнях, не ведал и, главное, знал слова. Как он всё это помнил, ему одному было, наверное, известно. А может быть, даже и нет.

В общем, знатный был поп! Носил на груди, рядом с крестом, гвардейский знак и какую-то медаль. Знай наших!

В последний день перед завершением торжеств пригласили гостей в загородную правительственную резиденцию. Живописнейшее место! Горная река бурным потоком перекрывала все подходы к райскому уголку. Горный воздух, хвойная растительность и всего лишь начало июня. Нет изнуряющей жары. Отдыхай — не хочу!

...Застолье шло своим чередом. Приличествующие тосты уже сказаны, наступило время песен и расслаблений...

— Ревела буря, гром гремел, — завёл привычно отец Анатолий. — Во мраке молнии сверкали...

Словно в подтверждении слов песни, где-то в горах и впрямь громыхнуло. Эхо аккомпанементом подхватило басовую партию и расплескало её по столу и горам.

— И беспрерывно гром гремел, — кананадой песенных слов сыпанул солист, размахивая рукавами рясы...

Горы подхватили, небо тоже.

— Смотри, и впрямь гроза надвигается, — кто-то из гостей указал на межгорье, стремительно скрывающееся за грозовую тучу.

— Это уже хуже... — хозяин заимки с тревогой указал на бурные потоки горной речушки, которые стремительно набирали мощь и силу. — В горах идёт ливень, скоро он и нас порадует...

— Ну и что, крыша ведь есть, — гости явно никуда сегодня не спешили.

— Так-то оно так, да вот опасаясь я за мост, по которому мы сюда проезжали: бывает, что его сносит... Другого-то здесь нет... — тень сомнения и размышлений повисла над компанией.

— Тогда давайте собираться, — старший группы гостей, несмотря на многодневные празднества и застолья, не терял рассудка и способности быть ответственным. Положение обязывало.

Немного покочевряжившись, больше даже из приличия, компания расселась по машинам и двинулась в путь.

Ливень не заставил себя долго ждать. Он словно подстерегал путников и не хотел с ними расставаться.

Перед мостком невольно остановились. Ревущие потоки яростно бились о стойки моста и во всю мощь являли свой характер, но подгулявшую компанию это нисколько не смущало. Маршрут был выверенным, тем более — единственным. Из машин не выходили.

Лишь один отец Анатолий наотрез отказался переезжать мост на машине. Заупрямился и всё тут. Смех и грех.

Уговоры ни к чему не приводили.

Когда удалая компания миновала злополучное препятствие, отец Анатолий, в гордом одиночестве оставшись на противоположном берегу, расправил бороду и, осенив себя троекратно крестом, взойшёл на мост в пешем порядке и бодро стал догонять остальных.

— Во мраке молнии сверкали... — снова понеслось над рекой удалое пение.

На противоположной стороне из остановившихся машин высунулись головы любопытных.

Отец Анатолий без малого строевым шагом преодолел качающееся деревянное сооружение. Взойдя на берег, он повернулся к мостку и снова осенил, теперь уже пройденное, крестным знаменiem. В тот же миг мост рухнул. На ветру жалобно поставывали останки сооружения.

Отвесив земной поклон, отец Анатолий молча и торжественно сел в машину...

Все в оцепенении смотрели на бурлящий поток на месте, где минуту назад ещё стоял мост и, кто открыто, кто в мыслях, крестились.

...Сергей Петрович хранил в своей памяти этот эпизод так же отчётливо, как чистое небо, которое буквально сразу же после бури приласкало их компанию.

Отцом Анатолием он ещё не раз имел возможность полюбоваться в различных ситуациях, от трагических до комически-разудалых. А на берегу Волги ещё и послушать его «удалую тройку, мчащуюся по Волге-матушке зимой». Вместе с ним почувствовать горечь от того, что «нехристь староста-татарин меня корит, а я терплю».

Полюбоваться, но, пожалуй, и всё. В остальном Сергей Петрович оставался прежним. Прежним, со своими убеждениями и жизненными ориенти-

рами. Мало кому, а со временем, уже и мало во что верящим.

Сейчас же он восседал в машине и терпеливо ожидал жену и дочь, перебирая в памяти различные эпизоды жизни...

...И память навязчиво приводила его к тёплому, даже жаркому летнему вечеру и горячей ночи, о которой с горечью и благоговением он вынужден каждый раз вспоминать.

...Специально не стал менять этот крестик из золота, чтобы он служил символом и одновременно — напоминанием. Напоминанием об излишней самонадеянности и самоуверенности, граничащей с глупостью, которые могут приводить к тяжелейшим последствиям. Так было и в тот раз, хотя началось значительно раньше.

Раньше — это когда только начинал строить баньку на даче.

Сергей Петрович приобрёл участок земли и на пару с зятем решил сначала поставить там баньку. Причём баньку обязательно срубовую, то бишь во всех отношениях экологичную и хорошо держащую тепло.

Сруб они заготовили для этого дела заранее, долго к нему приглядывались, и вот, пожалуйста, появилась возможность всё это реализовать.

Сказано — сделано.

Мастеровые работали на славу — быстро и относительно недорого запросили.

Парилка, душевая, прихожая — всё из дерева, красиво и дышится легко. Печка вставлена через амбразуру, с топкой на улице. Обложена кирпичом и асбестом. Парилка держит тепло на загляденье. А тепло в парилке — самое главное. Красота!

Блаженство продолжалось с полгода.

Сергей Петрович с зятем удержу в парилке не знали. Тем более — она же из липы! Дров и себя не жалели. Давали жару в прямом смысле. И надолго.

Первой не выдержала древесина. От изобилия тепла она стала абсолютно сухой и в один прекрасный момент вспыхнула, как порох. Всё началось с парилки. Как и следовало ожидать. Ожидать кому-либо другому, но не Сергею Петровичу и его зятю. Они-то как раз этого и не ожидали...

Они слепо уверовали в незыблемость своего строения. За что и поплатились.

Огонь охватил парилку по кругу почти одновременно. Ни вода, ни огнетушители огню были нипочём. Паники особой не было, но и результата тоже.

Баня сгорела полностью. Со всем, что в ней находилось. Пытаясь потушить пламя, Сергей Петрович вместе с зятем не предприняли ничего для спасения своих вещей, включая одежду.

Приезд пожарных был, как всегда, вовремя. Пожар уже стихал, но вода никогда не бывает лишней. Особенно на пожаре. На глазах пожарных рухнула крыша.

...После отъезда огнеборцев и ухода любопытствующих Сергей Петрович с зятем снимали возбуждение бутылкой вина. Только сейчас они начали осознавать, что это ещё хорошо, что кончилось именно так. Они не сожгли саму дачу, от огня не пострадали соседи, и, в конце концов, сами остались живы и здоровы. Что могло быть при худшем развитии ситуации летом, в жару, да при ветре — невольно приходилось содрогнуться!

— Слава Богу, хоть сами живы, — Сергей Петрович не искал в этих словах утешения, он на самом деле именно так думал. Имел на это все основания.

— Да, это так, — поддержал зять, — вот только жаль цепочку с крестиком не спас, совсем забыл про них, мать на день рождения подарила... — он удручённо стал заново обшаривать карманы. — Нет, я точно помню, снял его в бане и положил вместе с часами. Жалко...

Сергей Петрович ещё не вдумывался в утраченное, но тоже вспомнил о крестике и цепочке, они тоже оставались в бане. В какой-то момент он в темноте смахнул со стола, что попало ему под руку, и на том, пожалуй, всё.

Ему дорог был этот небольшой крестик. Дорог уже тем, что Сергей Петрович не снимал его на войне, в горячих точках, не снимал ни при каких обстоятельствах. Он был для него талисманом, и Сергей Петрович невольно верил в его силу. Охранительную силу.

И вот на тебе! Не уберёт!

...После пожара Сергей Петрович спать долго не смог. Уже через два часа он пошёл на пепелище. Ещё раз ему довелось убедиться, что пожар — это самое страшное из того, что может случиться...

Разбушевавшийся огонь не щадит ничего и никого. Обгоревший кирпич и керамзит нещадно чадили в утренней тишине. Кружилась голова, и не хотелось во всё это верить...

Искорёженный металл крыши, словно колпаком, скрывал и одновременно подчёркивал масштаб трагедии. Хотя какой там скрывал...

Сергей Петрович начал вглядываться в дымящееся мессиво на полу. Слегка пошевелив граблями керамзит, он вдруг увидел что-то, блеснувшее среди этого хаоса.

Каковыми же были его удивление и радость одновременно, когда он вдруг вытащил из-под этого

завала зятев золотой крестик и цепочку! Нетрун-
тыми огнём!

Это было чудо! Кругом оплавилось всё. От мно-
гих предметов не осталось и следа. Даже гвозди —
и те были искорёжены, а крестик остался целым и
невредимым. Чудеса!

Известие о находке вдохновило зятя на более
крепкий сон, а Сергей Петрович с завидным упор-
ством продолжал разгребать пепелище, втайне
надеясь на повторение удачи. Когда уже казалось,
что все попытки тщетны, ничего уже больше най-
ти невозможно, опять знамение свыше он увидел
крестик. На сей раз уже свой. Он тоже оказался це-
лѣхоньким! Цепочка оплавилась, а крестик совер-
шенно не пострадал. Бывает же! Сам себе не пове-
рил бы.

Позже, осмысливая происшедшее, Сергей Пе-
трович, даже не делая над собой усилия, заявил,
что, как бы там ни было, а с этого времени он верит
в высшие силы, в их разумное существование. В их
очищающее от скверны начало. Даже больше того,
заявил: «Верую». Сказал больше даже для себя са-
мого...

Последующие несколько дней Сергей Петрович
пребывал в своеобразном состоянии — подавлен-
но-отрешѣнном. Сказывались, очевидно, горечь
утраты и нервное потрясение от случившегося. Да
и угорел, наверное, на пепелище...

Встретив его на улице, один из приятелей как-то
спросил:

— Ты чего какой-то сам не свой ходишь?

— Да вот, банька на днях сгорела, — грустно по-
ведал Сергей Петрович.

— А банька-то хорошая была? — живо отклик-
нулся на ситуацию приятель. — Чего ты так убива-
ешься?

— Хорошая, даже очень: срубовая, липой обшитая, да чего там говорить, — Сергей Петрович горестно махнул рукой.

— Хорошая банька просто обязана сгореть, это уж как водится, — моментально парировал приятель.

Сергей Петрович внимательно взглянул на собеседника: не шутит ли тот.

— Я тебе серьёзно говорю: сам через это прошёл. Ты же её, наверное, обмыть-то обмыл, а освятить забыл, ведь так? Впредь умнее будешь.

— Так... — признался Сергей Петрович и уже без дальнейших слов благодарно обнял своего приятеля.

У него словно груз с плеч свалился. После этого разговора он снова, что называется, обрёл себя прежнего...

...Сейчас, вспоминая эти события, Сергей Петрович уже более благосклонно стал относиться к походам в церковь своих домочадцев. Сам, как и прежде, оставался в машине, лишь время от времени ощупывал крестик на груди, словно лишний раз хотел удостовериться в том, что всё это было с ним наяву..

По-своему он стал удивляться и даже радоваться тому, что в церковь приходят довольно молодые и, по всей внешней видимости, вполне успешные люди... Они, наверное, тоже ищут какую-то высшую в жизни опору. И веру.. Ищут, отбросив излишние гордыню и самоуверенность.

В утренней тишине, над просыпавшимся городом плыл малиновый перезвон церковных колоколов...

ПРИЁМЫШ СЛАВКА

Мне всегда казались необыкновенно загадочными декабрьские вечера. Может быть, это оттого, что зима ещё не надоела, морозец же воспринимается в охотку, а впереди Новый год, Рождество и Крещение. Сказочные видения, а оттого всегда по-особому — тёплые. Это когда на снег и изморозь смотришь сквозь окно. Снежинки, таинственно мерцая в неоновых лучах, кружась, неторопливо падают на землю. Уже видны очертания будущих сугробов. Деревья — в пушистом обрамлении. Вокруг — белоснежное покрывало. Неудержимо хочется на улицу.

Хотя бы ненадолго. Вот именно, что ненадолго, иначе пропадает очарование.

На улицу, конечно, пойду, но несколько позже. Надо закончить работу. Хотя какая это работа?! Сплошь — бестолковые бумаги, от которых одуреешь раньше времени. Словоблудие с корневым окончанием «...зация». Но... вот именно, что «но». Так что хватит смотреть в окно. Читай и принимай решения. Потом ещё надо и в стационар зайти...

...В кабинетную дверь негромко постучались. Даже не постучались, а поскреблись.

На пороге появилась унылая мужская фигура неопределённых лет.

— Мне бы главного врача... — затем последовало вопросительное молчание.

Сколько же раз за день приходится слышать этот вопрос! По телефону, в коридоре, порой на улице... Каждый раз с разными оттенками. От просительных до жёстких и категоричных. А ответ надо давать ровным, желательно заинтересованно-участливым голосом...

...И на этот раз тоже.

На лице у вошедшего следы достаточно свежих кровоподтёков и ссадин. Запахи ночлежки и безнадёги.

— Я главный врач. Слушаю вас.

— Мне бы переночевать у вас... — посетитель сделал два робких полушажка вперёд. — Я бы на кушетке, рядом со сторожем...

— Молодой человек, — теперь только я разглядел, что это действительно ещё довольно молодой человек, — мы-то, как раз и содержим сторожей в поликлинике от таких, как вы. Да, кстати, кто вы такой, и что с вами случилось?

Нотки участия в голосе главного врача, несмотря на прежнюю категоричность, явно ободрили посетителя.

— Кто я? Да теперь, наверное, никто. Паспорта нет, с квартиры выгнали, работы тоже нет. Идти некуда, замёрзну я...

— Та-ак. Надо было в милицию обратиться по поводу паспорта, да и вообще... — развожу в недоумении руками.

— Обратился... вот видите, — жестом указал на синяки, — а потом выгнали.

— А где же паспорт?

— Потерял, по пьянке... — откровенность обескураживала.

На какой-то момент показалось, что зима в буквальном смысле стала ломиться в окно. Снежинки

по-прежнему мерцали неоновым обрамлением. Но уже без загадки. И без тепла.

— Ну, не знаю. Оставить здесь, в поликлинике, не могу. Вот что, сейчас пойдёшь в стационар, это здесь, рядом. На первом этаже — приёмный покой, я позвоню дежурному врачу, там тебя на ночь пристроят. А уж на завтра — определяйся.

— Спасибо, — в глазах и голосе признательность, от которой становится не по себе.

До чего же всё-таки мы докатились.

— Да, как зовут-то тебя? — при этом набираю телефон дежурного врача.

— Славка. В смысле — Вячеслав.

— Хорошо, в смысле Вячеслав, иди, там тебя примут.

Мой звонок в приёмное отделение восторгов от подобного милосердного решения не вызвал. С тех пор, как шальные руководящие головы закрыли медвытрезвители, а взамен ничего не ввели, эпопея с загулявшими гражданами, да и просто с бомжами, камнем легла на плечи медицинских стационаров и их непонятно за что страдающего персонала.

Дебоширы, алкоголики и прочая пьяная публика теперь обычное явление приёмных покоев больниц. Всё это стало уделом слабосильного, как правило, женского персонала. Милиция, как бы её сейчас не называли, осталась в стороне от нарушителей общественного порядка. Дурь какая-то.

Увы, приютов для бездомных бедолаг тоже никто не предусмотрел. Об этом вообще властные структуры даже разговор не заводят. Не говоря уже о самой системе возвращения заблудших к нормальной жизни. Таковой просто нет. Увы. Проблема есть, а системы — нет.

...Следующий день был чередой обычного служебного водоворота. Бумаги, проблемы, бестолковая несуразица новационной штурмовщины. Короче говоря, будни. Тем более впереди завершение года. Отчёты, справки, дебит, кредит. Всё то, из-за чего трудно бывает рассмотреть живого человека с его насущным и необходимым.

Ближе к вечеру вызывают в департамент. Внеплановые вызовы энтузиазма никогда не приносили. Это всегда предполагает сумятицу и очередную чехарду, из которых просто невозможно выбраться.

Тем не менее — портфель в руке и я в пути.

Перед окном, рядом с лифтом, унылая мужская фигура. Отрепённо смотрит в окно. Невольно замедляю шаг.

— Молодой человек, вы кого ожидаете? — день решительно вошёл в вечерние сумерки, потому вопрос к позднему посетителю абсолютно уместен.

— Да это опять я... — в повернувшемся узнаю вчерашнего просителя.

— Ну а сегодня-то чего сюда забрёл? — спешу, но всё равно слегка приостановился.

— Да мне и сегодня некуда податься, оставьте меня здесь, я любую работу буду делать...

Голос затухающей надежды и безысходности. Чувствую, что если сейчас уйду — потом не найду себе места.

— А ты хотя бы пытался определиться? Ведь молодой ещё, за парня можешь сойти, а совсем раскис. В армии-то служил?

— Служил, в стройбате...

— Ну, тогда ты многое познал, что умеешь делать? — департамент издаലെка хмурил брови, но я уже не мог уйти.

— Да всё: красить, штукатурить, могу плитку положить...

— Как же ты с такими-то способностями и без работы, на улице, можно сказать, пропадаешь? — червь служебного сомнения в моей душе делал своё дело.

— Да работал по шабашке, а работу заканчивали: то деньги не отдадут, то подпоят, побьют — и снова без денег. Я ещё и снег могу с крыш счищать... — наши взгляды одновременно сошлись на вызывающе свесившихся сосульках с крыши противоположного здания.

— Верхолаз, значит, сначала на крышу, а потом в окно. Так-так.

— Нет, что вы, — это уже не только голосом, но и глазами пытается уверить меня Славка.

— Ладно, то я не знаю стройбатовские повадки, это ты расскажешь в другом месте, какой ты праведник. Сейчас мне некогда, иди снова в приёмное отделение, там тебе дадут работу на первое время, а я вернусь, подумаю, что же с тобой делать. Иди, я позвоню дежурному врачу.

Сделал всё, что мог. Дежурного врача предупредил, чтобы накормили, а затем выдали лопату и направили чистить снег перед приёмным отделением.

Утро следующего дня приятно удивило аккуратными снеговыми бордюрами перед приёмным отделением. Вечно ворчащие дворники сначала обрadowались помощнику, а затем насторожились. Конкуренция.

Славка брался за любую работу, и она с ним была в ладу. Слушался всех и во всём. Оттого, наверное, стал нужен многим и причём — постоянно. Так прошло несколько дней...

Выяснилось, что он был женат и у него даже есть дети, но пути-дорожки с семьёй, видно, давно уже разошлись в разные стороны.

Сердобольная сестра-хозяйка приодела его в рабочую форму, на кухне прикормили, и он быстро приобрёл вполне сносный вид. Но всё это временно. Ни документов, ни прав на существование у него никаких.

На вопрос сотрудников, кто это такой, один из моих заместителей ответил: «Никто, приёммыш...»

С ним нельзя было не согласиться. Его и вызываю на разговор.

— Вячеслав Александрович, поручаю вам приёммыш, я тут позвонил в управление социальной защиты, они обещали помочь, надо Славке паспорт восстановить...

Удручённость от такой задачи заместитель даже не пытается скрывать. Понимаю его прекрасно. Представляю невозмутимость чиновничьих лиц при оформлении утраченных при неизвестных обстоятельствах документах... Легче заново родиться...

Как военный в прошлом человек заместитель задачу воспринял буквально. Дотошности его можно было позавидовать. На это впрочем я и рассчитывал. Единственно, под конец разговора он спросил:

— Не боитесь и на этот раз ошибиться? У вас же подобный случай уже был... — вопрос по существу и в точку. Его я и сам себе задаю.

— Был, и, конечно, помню... Но кто его знает, может быть, хотя бы на этот раз мужика к жизни возвернём... — это уже из глубины души, хотя и через сомнения...

Про тот случай, о котором говорил мой заместитель, забыть невозможно...

Было это лет семь назад. Я только что принял на себя руководство больницей. Хозяйство большое, но запущенное до основания. Разруха была полнейшей. Запустение и безнадёга.

Схожий с нынешним декабрьский вечер, морозный и стылый.

В коридорах после рабочего дня наконец-то стихла суета. Появилась возможность вдуматься в неизъяснимую суть документов и очередность в их исполнении...

...Посетитель возник почти что бесшумно. Постоял в нерешительности в дверном проёме, потом расплылся в щедрой улыбке и гаркнул:

— Здравия желаю, товарищ полковник!

Ещё толком не разглядев гостя, тем не менее улыбаюсь в ответ и приветственно приглашаю к рабочему столу. Где-то видел я это плутоватое лицо, слегка стеснительное, но вместе с тем активно зыркающее глазами по сторонам.

— Не узнаете, — догадался вошедший. — Я Алим, прапорщик Шкиндер, вы меня ещё под суд отдать хотели; в Грозном, помните... — улыбка высветила металлический зубной протез у гостя, придающий его лицу самоуверенность подворотни.

— Как же, как же, конечно, помню, — узнаю своего гостя, — рассказывай, откуда взялся, как живёшь, чем занимаешься?

— Да что тут рассказывать, хвалиться нечем, из армии ушёл, точнее выгнали, с женой развёлся, работы у нас в военном городке никакой. Живу, где придётся, вчера вот полез в петлю, но в последний момент передумал. Знакомые по Чечне ребята рассказали про вас, вот и пришёл сюда, может быть, вы меня где-нибудь пристроите, на работу возьмёте, — глаза опущены в пол, с лица сошла плутоватость, остались только усталость и неприкаянность, но на предложенном стуле освоился быстро и основательно...

— Ну, вот так прямо и в петлю, что-то на тебя не похоже, — окончательно вспоминаю, где и при

каких обстоятельствах довелось мне встречаться с неожиданным просителем.

...Было это в предместьях Грозного в январе двухтысячного года. Штурм города принял затяжной характер. Гарь, копоть, бесконечный поток раненых. Условия для оказания помощи пострадавшим — что ни на есть полевые. Казалось, этому не будет конца. Помещение, где развёрнуты реанимация и операционная медицинского отряда, такими назвать можно лишь условно. Крыша здания сорвана взрывами, окна забиты фанерой и досками. Отопление — буржуйки. На дрова идёт всё, что попадётся под руки.

Я руководитель всей системы оказания медицинской помощи на этой войне.

Ввиду особой важности задачи, стоящей перед медицинским отрядом, нахожусь постоянно в нём. По крайней мере ночью здесь. Днём — в войсках.

Как-то раз, вечером, командир отряда, совершенно не сомневаюсь, из благих намерений преподнёс мне подарок. В буквальном смысле. Настенные часы с громадными оленьими рогами. Ручная работа, исполненная мастерски.

— Откуда сие чудо? — откровенно любуюсь произведением искусства.

— Да так, пошуршал командир хозяйственно-го взвода немного, вот и привнёс. Что-то пошло на дрова, что-то на строительный материал, а это вот — вам, подарок. Трофеи. А что? — командир отряда запоздало уловил изменения на моём лице.

Что он услышал в свой адрес и в адрес «старателя» из моих уст, описывать нежелательно. Тяжело и не сразу доходит до нашего человека, что так отчаянно противник сопротивляется потому, что защищает свой дом от подобных гостей. Подобное «ста-

вание» — выстрел в спину солдату, идущему в бой.

Короче говоря, я потребовал, чтобы прапорщик отдал под суд. Как мародёра.

Спасло его лишь то, что он был рукастый человек: смог, например, практически из ничего построить помещение под операционный блок.

Да, он это сделал. Как раз вовремя. Кровопролитие нарастало. Оперировать раненых зачастую приходилось здесь, на месте — до эвакуации.

Я, скрепя сердце, остыл. Прапорщик избегал встреч со мной.

Когда отряд уходил с войны домой, я выразил свою признательность всем, кто в нём был. В случае чего, обещал свою поддержку, по мере сил и возможностей.

Тем злополучным командиром хозяйственного взвода как раз и был мой сегодняшний гость. Наверное, судьба.

— Так, чем же я тебе смогу помочь? На какую работу ты претендуешь, в смысле специальности? — отбросив пелену воспоминаний, всматриваюсь в обветренное лицо и руки бывшего прапорщика.

— Да я всё могу, вы же знаете, даже — водителем. Права у меня есть. Хотя бы это сохранил, остальное-то — пропил.

Подобная откровенность обескураживала и обнадёживала одновременно.

Короче говоря, взял я его на работу. И не ошибся. По крайней мере, на первых порах.

Он, казалось, видел всё. По крайней мере, где что плохо лежит, и где оно всё-таки должно было быть. И какая от этого польза и применение. Закипела ремонтно-строительная эпопея во всей больнице...

Другими словами, он стал опять командиром хозяйственного взвода. Много было сделано его

руками. Сделано, пожалуй, за всего лишь год с небольшим.

А потом — пошло и поехало. Не усмотрел я, как вновь засиял его вороватый зубной протез. Упустил ситуацию. Душонка мародёра дремала в нём. Затем проявилась в полный рост. Вместе с желанием попить, погулять, поиграть в азартные игры...

...Ушёл он так же неожиданно, как и пришёл. Изрядно проворовался и сбежал.

Видели его потом ребята где-то за городом. Опустился окончательно, но на глаза больше не показывался... На душе обидно, но и жалко. А может быть, просто прошло опять много времени, поэтому обида и забылась. А вот жалость осталась. Жалко, что вовремя не остановили и не дали ему по рукам, да и по другим заслуживающим того местам...

— Помню, всё помню, Вячеслав Александрович, — снова возвращаюсь к реалиям сегодняшнего дня, — но всё равно попытаемся и на этот раз помочь мужику найти себя. Под забором-то оказаться всегда успеет, тем более он оттуда к нам и пришёл. Так что поручаю его вам. Жить будет пока что в приёмном отделении. Работой его загрузить максимально. Надо смотреть, чтобы под дурное влияние не попал: около нас немало ухарей вьётся, не сразу и поймёшь — кто есть кто...

Не буду вдаваться в подробности тех мытарств и походов по служебным кабинетам, чтобы заполучить для падшего обычный паспорт. Они — необыкновенны. В смысле — необыкновенно трудны, а без поддержки — почти что безнадежны.

Я посылал с нашим «найдённышем» своего заместителя, чтобы не сорвалось это дело. И через три с небольшим недели заветный паспорт мы смогли

вручить Славке, который теперь вновь становился Гражданином...

Надо отдать должное: всё это время, пока мы оформляли ему документы, он работал самоотверженно и безотказно, постепенно становился нужным всем и везде...

Это обнадеживало... Надо было видеть его глаза, когда он получил паспорт...

Теперь можно бы и подумать о его приёме на работу. Вроде бы ничего особенного, а для него — путёвка в жизнь. А вдруг да получится?

Меня довольно часто спрашивают: «А почему именно этому скитальцу вдруг такое внимание? Вон их сколько — бездомных да падших бродит неприкаянно?»

Ответа на этот вопрос нет. Да и быть, пожалуй, не может.

За окном снова кружились в загадочном мерцании белоснежные предвестники Нового года.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Не знаю почему, но меня всегда как-то по-особому радовала Масленица. Скорее даже не радовала, а я ей радовался. Причём с детства. Не какой-то другой праздник, а именно — Масленица.

Может быть, потому, что не надо кому-то и за что-либо быть обязанным, не нужны особые приготовления и условности. Были бы блины, ну и там, что к ним полагается, в смысле — масло. А дальше — веселье!

Веселье особое: на площади, с обязательным шестом и призами на нём, с разудалыми тройками и песенниками, разнаряженными и краснощёкими...

В воздухе — весна и капель. Снег рыхлый, словно выткан слезой, умильно беззащитный и лишь слегка — прохладный. Из такого снега хорошо лепить снежную бабу.

Люди вокруг веселы и взаимоприветливы. Песни — удалые, залихватские и душеприемлимые.

На шесте — гармошка и обязательно — сапоги. Это уже сейчас на нём — пакеты с сотовыми телефонами и тому подобными современными изысками, но гармошка остаётся символом веселья и праздника. Праздника души. А также былинной силы и удали.

Я совсем недавно понял, что веселье это стало таким лёгким и желанным ещё и потому, что Масленица всегда сочетается с прощёным воскресеньем.

То, что это очень гармонично и так необходимо, в первую очередь для души, я в полной мере ощутил на себе.

Так уж случилось, что в этом году первые дни марта выдались для меня и моих близких непростыми, несмотря на общий праздничный настрой и приход весны.

Сказывались усталость и общее напряжение.

И вот — прощёное воскресенье.

Самые обычные слова взаимного прощения неожиданно, по крайней мере для меня, имели своё благодатное значение. После них как будто тяжкий груз свалился с плеч и души одновременно.

Всё-таки какой же глубинный смысл заложен в этом празднике и самом обряде — обычае взаимного очищения души!

Насколько же прозорливы и мудры были наши предки, коль сохранили его через века и потрясения!

Да и не только этот обычай и праздник, но и многое с ними связанное...

Невольно задумываешься над тем, что во всём этом заложены высшие ценности, особый смысл, а может быть, даже и высший разум. А если так, значит, он есть, коли сохранились и доселе его проявления. В крайнем случае существовал и выкристаллизовывался высший разум в духовных и нравственных ценностях. Так вот с этого-то, может быть, и начиналась сама вера в него?

— Бабушка, а правда, что наш дед не верит в Бога? — пытливый детский взор голубоглазо вопрошал истину и ждал правдивого ответа.

Судя по тому, что бабушка не ответила сразу, наверное, непростое это дело — объяснить ребёнку многое в нашей жизни.

— Почему ты так решила?

— Ну, он же не молится и в церковь не ходит...

...Я слышу этот разговор, невольно затаив дыхание, сражённый наповал детской непосредственностью и в то же время недетской озабоченностью.

Интересно, каков же будет ответ. Как бабушка сумеет объяснить эту устоявшуюся дедовскую строптивость.

Надо же: дед, а не верит в Бога!

Ребёнок сделал это умозаключение из обрывков услышанных разговоров взрослых и их поступков.

Вот тебе и четыре года!

Всё они видят, слышат и задают вопросы. Себе и взрослым.

Попробуй на них ответить, причём искренне, по крайней мере так, чтобы тебе поверили.

А в дальнейшем чтобы в тебя ещё и верили. Вера так и приходит, с ранних лет с молоком матери впитывается. Безверье, кстати, тоже.

Может быть, я и сам-то из-за этого не могу искренне уверять себя и окружающих в приверженности к вере именно потому, что вот в таком же возрасте воспитывался на другом мировоззрении. Воспитывался искренне, почти что фанатично, кстати, что и особенно страшно...

В том мировоззрении были свои идеалы, принципы, устои. Они, между прочим, очень перекликаются в своей основе с высшими идеалами нашего бытия. В то же время категорически отрицая существование этого высшего начала.

Вот поэтому-то я и не могу полностью отказаться от взращённого в себе. Взращённого безверья и веры. Хотя, может быть, именно для веры и имею очень много оснований по жизни.

...Итум-Кале — населённый пункт на юге Чечни. Вернее сказать, на самой южной её окраине, расположенный высоко в горах, настолько высоко, что сколько бы раз мне ни доводилось бывать в тех местах, я ни разу не видел здесь птиц. Наверное, не климат им в этих местах, слишком высоко и неуютно.

Южнее, за горами, Грузия... Горные тропы — пути снабжения и отхода бандформирований.

Потому-то наши войска и стоят здесь, дабы пресечь эти каналы подпитки террористов...

Войска расположены лагерем в постоянной боеготовности, разбросаны по перевалам и отрогам гор...

Январь — лютый холод, шквальный ветер, снежные заносы — обычное в этих местах явление. Добраться сюда, равно как и выбраться отсюда в это время года, можно лишь с превеликим трудом. Даже на вертолёте.

Порой именно на вертолёте и бывает затруднительно, а то и невозможно.

...На этот раз именно так и случилось...

С утра ничего не предвещало изменений в метеоусловиях. Морозная погода, туман, но это, как и всегда, ничего особого.

Добрались без приключений, вертолётчики — ребята бывалые, хотя и молодые по возрасту, но опытные. С предельно допустимым разрешением высоты полёта. В смысле — с максимальным разрешением на бреющий полёт, что позволяет проводить вылеты в туман, да и не только.

Надёжные, одним словом.

Со мной, как обычно, несколько человек главных медицинских специалистов для оценки складывающейся обстановки и принятия решений на месте.

Собирались обернуться одним днём, потому как назревали кульминационные события в Грозном, бои за который вошли в затяжную фазу, и для кардинального изменения ситуации планировалась особая операция.

В этой связи руководители служб и управлений должны были находиться на своих местах в штабе Объединённой группировки войск. Разрешались лишь кратковременные вылеты в войска.

Ближе к обеду поднялся шквалистый ветер, строптивость которого нарастала буквально на глазах. Явный предвестник возможной бури...

Лётчики забеспокоились. Высокогорье, особой высоты для полёта не наберёшь, может наступить обледенение винтов и тогда трагедия неотвратима.

По ущельям можно лететь только в безветренную погоду и то с опаской. Теснины, одним словом. Размах винта не позволяет разгуляться, а подняться выше — опасность обледенения винтов, затем — остановка двигателя. Чем это грозит — понятно каждому. Спланировать и совершить посадку на вертолёт — невозможно... Далее — непоправимое...

— Товарищ полковник, предлагаю переждать непогоду здесь. Что-то мне всё это не нравится, — командир вертолёта озабоченно смотрел на стремительно проплывающие облака, до которых здесь, на высоте, казалось, можно дотянуться рукой. — Мороз да усиливающийся ветер — это довольно опасно. Может быть, заночуем, а?

В другой обстановке эти аргументы конечно же были бы бесспорны, я отчётливо это для себя представлял, но только не сегодня. Сам застрял, да ещё и вертолёт заблокировал в горах... Этого допустить никак нельзя...

— А если прямо сейчас взлетим, пока совсем не разгулялся ветер, должны проскочить, как думаешь? — обращаюсь с надеждой к лётчику.

— Должны-то должны, а там уж как получится, вернее как Бог даст. Летим, что ли? — уже совсем без субординационных заморочек лётчик, сутулясь больше обычного, пошёл к вертолёту, не дожидаясь ответа.

У меня заныло под ложечкой... Мысли и чувства пошли вскачь...

Через пять минут вся наша команда военных медиков, ёжась от ветра и холода, расселась внутри заиндевевшего судна...

Разговоры не вязались, все ушли в себя...

Я никогда не относил себя к разряду людей, грезящих небом, мечтающих о полётах и навсегда себя с ними связавших. Просто обстоятельства жизни и службы каждый раз вынуждали меня к этому. С раннего детства я отличался слабым вестибулярным аппаратом, что приходилось скрывать под различными предлогами. Скрывать, когда шёл в армию, когда служил в десантных войсках, да и вообще...

Вот и сейчас я уткнулся в записную книжку, стараясь не глядеть в иллюминатор, ежеминутно чувствуя всем своим существом воздушные провалы и падения.

Душа и сердце металась между пятками и затылком. В заполошном режиме... Потом всё стало одним большим провалом...

Что от меня в данном случае ничего не зависит, я понял давно и поэтому внешне был спокоен. На всё воля Божья...

В такие минуты, я так думаю, все невольно становятся верующими. Причём истинно верующими. Можешь и не знать молитв, но молиться будешь, уж это точно.

Сколько по времени продолжался этот наш экстремальный полёт — сказать достаточно трудно, но знаю точно, что в ранней моей седине есть что-то и от него...

...Когда вышли на равнинную местность, казалось, ветер стих, перепады высот стали совершенно не воспринимаемы, страхи и опасения быстро прошли, и к концу нашего полёта все были в обычном состоянии. Тем более на земле нас ждали новые проблемы, которые надо было срочно решать. А это быстро выводит из состояния излишней задумчивости и личных переживаний...

...Меньше часа лёту, делов-то.

Приземление — обычное, в штатном режиме. Вертолёт покидали с шутками и лёгкой бравадой. На земле же — теперь можно и пошутить.

— Товарищ полковник, надеюсь, сегодня уже никуда не полетим? — лётчик больше утверждал, чем спрашивал. Вертолёт насторожился, ожидая ответа, а с ним и своей участи. Поникишие его винты, казалось, даже приподнялись в предстартовом режиме...

— А что такое? Тебе обслужиться надо? — вопросы вполне приемлемы в данной ситуации и абсолютно правомерны.

— Ну, это само собой разумеется, но главное — выпить бы водки не мешало, всё-таки день рождения...

— У тебя день рождения? А что же ты молчал, извини, подарка с собой нет, но постараюсь исправиться, — говорить пытаюсь дружелюбно и доверительно, чтобы как-то вдохнуть теплоту в привычные в подобных случаях слова. Упоминание о водке умышленно не замечая.

— Да чего уж там, — лётчик махнул рукой, — какие тут подарки. Слава Богу, живы остались, это

главное. День рождения-то у нас у всех, кто сегодня был в этом вертолёте...

— Не понял.

— А что тут непонятного? Был момент — падали ведь мы. Винты из-за обледенения остановились, пошёл провал, и нас начинало вращать, но в последний момент их сорвало, и они снова стали действующими. Не пойму сам, как только мы вырулили... Кто бы рассказал, я бы не поверил, наверное... У меня вон до сих пор руки трясутся...

Словно в подтверждение своих слов лётчик попытался закурить, но сигарета в его руках совершала немислимые кульбиты, в конце концов он смял её и, не дожидаясь ответа, повернулся ко мне спиной...

Вокруг стало необычайно тихо...

Только теперь до меня дошло, что это были не просто провалы... Последствия подобных падений мне, увы, доводилось видеть. И не один раз... По спине пробежал мороз...

Вот теперь и спроси кого угодно: веришь ли ты в Бога или нет?

...Так уж случилось, что увольнение моё из армии было непростым. Во многом вынужденное и во многом обидное...

Несмотря на постоянные выезды и вылеты в горячие точки, я, очевидно, ко всему этому привык, можно сказать, врос в такую жизнь и другой её для себя не представлял...

Как часто бывает в жизни: меняется руководитель, меняется и его команда. Это как в гражданской жизни, так и в армии. Одна и та же ситуация.

Сменился командующий войсками округа, с ним к руководству пришла его команда. Меня это тоже коснулось напрямую. Да и возраст, можно сказать,

некстати подходил под увольнение. Короче говоря, увольнялся я с чувством горечи, обиды и разочарования...

Преемник мой, несмотря на совместную прежнюю службу, всячески спешил занять эту должность, что делало наши взаимоотношения далеко не простыми.

Спустя какое-то время чувство обиды у меня прошло. Наступило, можно сказать, моё воскресенье, уже в новой, гражданской жизни. Прощёное воскресенье и становление...

Я сумел найти в себе силы быть выше обид, сумел простить и где-то даже понять, в первую очередь своего руководителя и своего преемника. Другими словами, когда я получил известие о том, что они погибли, я переживал эту трагедию искренне.

Погибли оба в авиакатастрофах.

Преемник погиб, совершая перелёт на вертолёт, ситуация чем-то схожая с изложенной ранее. Командующий — двумя годами позже.

Память же о них я стараюсь хранить светлой... Судьба, возможно, была у нас такой, а может быть, это тоже провидение? Быть может, в прошлый раз она давала мне свой знак?

...Между тем беседа на кухне подходила к своему разрешению. Предупредительно поглядывая на дверь, бабушка, понизив голос, искала доступную для понимания ребёнка истину.

— Понимаешь, детка, дедушка с детства не был к этому приучен, там, где он жил, не было ни священников, ни церквей. Время было такое. Они с раннего детства, может быть, и знали немного про веру, в разговорах у них иной раз проскакивали слова про Бога, но не задумывались над тем, что он

есть и всё видит. Молиться их не учили, тогда это не было принято...

...Голоса ещё больше притихли, но всё равно можно было различить в них бабушкин такт и скрупулёзность взрослого ответа. Она хорошо знала, что дед не любил разговоров на эту тему. Знала и понимала почему.

— Взрослые тоже приходят к пониманию только через время, даже с бóльшим трудом, чем дети. Ты вот тоже не можешь научиться сразу правильно все слова говорить. До сих пор букву «р» не выговариваешь. Дедушка сколько с тобой занимается, а результат пока прежний. Всё это приходит не сразу и у каждого по-своему. Вот так же и с верой...

— Я уже научилась, — детский голосок весь из желания сделать добро.

— Конечно. Уже лучше, но ещё надо заниматься... Вот и дедушка — он, может быть, и верит в Бога, но по-своему, а так же как все — это ему надо долго учиться... Он способный, у него получится, только не надо с этим спешить.

...Стараясь не привлечь к себе внимания, прикрываю дверь.

Так точно, может быть, и верю, но по-своему. Как тогда в вертолёте, да и после него — тоже.

Бог — это не есть нечто абстрактное, а ориентир, жизненный ориентир, если хотите.

Во всех его жизненных проявлениях и ситуациях. По крайней мере я это так понимаю и представляю себе веру в Бога именно таковой. Ориентир Добра и Справедливости. А от этого и ориентир поступков, и образ мыслей. Самоотдачи и даже самопожертвования в особых случаях. Но громко об этом заявлять и лишний раз демонстрировать это — считаю ненужным.

Делать же поспешные кульбиты, тем более в своих идеалах и убеждениях, — это означает их, то есть истинных убеждений, не иметь. Вот это считаю постыдным и даже лукавым...

Мне особенно стыдно, когда люди из недалёкого прошлого, знаковые люди этого самого прошлого, вдруг начинают истово бить поклоны и осенять себя крестом, так же самозабвенно, как совсем ещё недавно исполняли партийные гимны. Так и хочется сказать, да даже не сказать, а крикнуть — не верю! Вот в это — не верю!

Не хочу верить, кстати, так же не хочу, как и в фанатичную чему-либо приверженность. Приверженность до одури. Религиозную в том числе. Потому что это крайне опасно и похоже на дурман. Очень похоже...

Это всё от лукавого или же от недомыслия одних и лукавства других. Порой необычайно трагично. В различных его, лукавства, проявлениях. Чему мы постоянно являемся свидетелями, а подчас — и заложниками тоже.

Видно, они, лукавые то бишь эти, свою букву «р» по жизни так и не научились правильно выговаривать. Не научились вне зависимости от того, в какие одежды и сутаны они рядятся и что и когда поют.

Вот им — не верю! И это уже навсегда. В то, что высший разум существует, — вот в это верю, к легендам же вокруг него — отношусь с уважением, но не более. К проповедникам — пока что — с недоверием. Считаю, что имею на то основания. По жизни имею.

А, кстати, как у вас обстоят дела с этой буквой? С загадочной буквой «р»... с её произношением, да и вообще...

...Сегодня мои внучки вместе с мамой отправляются в путешествие по святым местам в Екатеринбург. Впервые полетят на самолёте.

С некоторых пор всё, что связано с авиацией, не могу сказать, что так уж меня страшит, но создаёт внутреннее напряжение — это уж точно.

На дорожку, как это и полагается, присели. Катя начала что-то шептать мне на ушко.

Сразу не разобрал, попросил повторить.

— Дедушка, пообещай, что когда мы вернёмся домой, ты будешь верить в Бога, — в глазах её была недетская озабоченность вперемешку с озорством.

Тем не менее надо было что-то отвечать.

Сдерживая излишнюю хрипоту в голосе, я про-
ронил:

— Возвращайтесь поскорее...

НЕ УМИРАЙ, ЛЮБОВЬ

-Внимание любителям, внимание операторам. Всем, всем, всем! На средних волнах модулирует Маркиз. Внимание, внимание, даю настройку, даю настройку... — и далее, после треска и радиофырчания, вдруг раздались звуки сверхмодной по тем временам «Королевы красоты».

Рычажок переключателя волн заинтересованно замер на месте. После «Королевы красоты» пошли: Магомаев с «солнцем, шагающим по бульвару» и Майя Кристалинская с её душевными откровениями и переживаниями.

Неприхотливая домашняя обстановка приобрела от этого какое-то внутреннее тепло.

Неожиданно рык сторонней наводки бесцеремонно прервал музыку и захрипел надсадным голосом:

— Внимание, Маркиз, внимание, Маркиз, здесь Чёрный Принц. Ты какого лешего забрался на мою частоту, тебе что, юноша, места мало, что ли? — и уже миролюбиво добавил: — Послушай лучше моего Володю Высоцкого, — затем понеслось: — «Ты его не брани, гони...»

Обмен любезностями и музыкой продолжался недолго, после чего радиохулиганы, так их тогда называли, разошлись по углам средних волн, как боксёры на ринге... Места всем хватало...

...С чего бы это я? С какой стати вдруг их вспомнил? Ну да, правильно, они постоянно висели в

наше время на радиоволнах, что называется «засоряли эфир», но тем не менее мы их слушали. Интересно было послушать музыку, в смысле — современные песни, вот и слушали.

Они зачастую были неплохими режиссёрами, да и нам, неизбалованной музыкальными изысками публике, это очень даже нравилось. Нравилось, когда они «крутили» свои записи, выхваляясь друг перед другом.

По тем временам приобрести что-то музыкально-новенькое было сложно, надо было исхитриться и «достать», не иначе вот и слушали самопальных радиомеломанов, то бишь — радиохулиганов.

Да и сами-то порой не прочь были попробовать себя в этом деле. Уж что было, то было...

А вспомнил их, «радиохулиганов», вот почему. Если они засоряли эфир, то что тогда ныне скажешь о наших центральных радиостудиях, которые из желания быть продвинутыми, как бы с «изюминкой», что ли, гонят в эфир откровенную пошлятину. При этом переступая через все принятые и устоявшиеся нормы мало-мальского приличия.

Пять минут назад пришлось довольствоваться одним из рэповских «шедевров». Никак не иначе, что-то вроде:

*У тебя талия как у осы,
и сама ты вообще как часы.
Так что не раздумывай
и снимай трусы...*

Сначала я подумал, что ослышался, в машине бывает всякое.

Взглянул на водителя, лицо его невозмутимое сосредоточено на дороге. К тому же пошёл на обгон. Удалось не сразу. Водители дорожной деликатностью не отличаются.

Радиоречитатив продолжал похабничать в том же стиле. Причём с притопом и идиотским повзвизгиванием, уж тут-то о деликатности говорить вообще не приходилось.

— Выключи эту муть, — не на шутку взъярился я, — противно до тошноты, вот уже уроды...

Водитель и машина враз почувствовали свою вину...

А далее в памяти уже всплыли радиохулиганы. Как что-то доброе, подёрнутое радужными воспоминаниями, всплыли и всё тут. Вот их-то, радиохулиганов, мы сами искали на средних волнах. Приходили из школы и первым делом — к радиоприёмнику.. Порой даже перекусить забывали, лишь бы родителей не было дома. Хотя они порой тоже не прочь были кое-что послушать... Сдаётся мне, через время это так и было.

Очень уж хотелось ещё и ещё слышать:

*А я иду к тебе навстречу
и несу тебе цветы
Как единственной на свете
королеве красоты...*

Да уж, о времена, о нравы. Ни больше, ни меньше.

— А это, на домах, как называется? — Шамиль, водитель служебной «Волги», указал глазами на го-
тические и волнообразные мазюки, грязными раз-
водами украсившие стены и двери домов, примы-
кающих к проезжей части дороги.

Спросил скорее всего для того, чтобы сказать: «Вот это уже я не выключу». Даже при всём нашем желании. Обоюдном. Спросил и стал ожидать, при этом всем видом своим демонстрируя полное увле-
чение дорожной обстановкой.

— Граффити, — почти не глядя, бросаю в ответ с некоторым раздражением.

— А это как? — пытается вывести меня из задумчивости, стараясь не замечать моей удручённости.

Хотя знаю: он всё видит и всё замечает. Таков уж он, елховский татарин. Мудрый, наблюдательный, но порой играющий под простачка.

— Спрашиваешь как? Очень просто. Шашлык знаешь? — смотрю на него в упор. — Его, как правило, на мангале готовят. Так вот, первобытные люди тоже его готовили, но только прямо на костре и без мангала. А потом постепенно дошли и до мангала, это называется естественный путь развития. Цивилизация, — вижу, что понимает меня, но не совсем. — А ещё первобытные люди рисовали на скалах: бумаги же у них тогда не было. Так вот, это называлось наскальной живописью, — растолковываю больше для того, чтобы утомиться самому.

Дорога пошла под уклон как своим направлением, так и состоянием её асфальтового покрытия. Шамиль сосредоточился на дорожных неожиданностях в обстановке, я благоразумно замолчал.

Вдоль проспекта проступал апрель с его волнительным ожиданием и... неухоженностью земли, освободившейся из-под снежного плена.

Спустя какое-то время наш разговор продолжился.

— А сейчас же бумага есть, почему они тогда рисуют на стенах? К тому же так безобразно? — вижу, что моя удручённость передалась и водителю тоже. — Они что, снова первобытными стали?

— Знаешь, когда-то ещё дедушка Ленин говорил, что у нас в истории часто так бывает: шаг вперёд, а два шага назад. Вот так-то. А потом, может быть, это мы с тобой чего-то не понимаем. Отстаём от жизни, а кто его знает на самом-то деле? Сам-то как думаешь?

Шамиль удручённо засопел. Явно не читал он этого у дедушки Ленина. Да и вообще — не читал его, да и всё тут. Не довелось. А может быть, это и к лучшему — что не читал его трудов. Голову лишний раз не морочил.

— Так, а это что: вперёд или назад? — Шамиль указал глазами на молодую парочку, отрешённо от всего идущую по пешеходному переходу.

Оба причёской схожи: верх светлый, с боков какой-то грязно-коричневый цвет.

Держатся за руки, у обоих брюки типа «галифе», приспущены мотнёй почти до колен.

Лица пустые, спать прошедшей ночью, вероятнее всего, не довелось, ещё не ложились...

Судя по всему, один из них парень. Хотя... с большой натяжкой и тоже — до колен.

— Это, пожалуй, ни вперёд, ни назад. Просто вовремя не нашли туалета. Ты и без меня, наверно, догадался.

Сказал и сам поморщился от предположения. Пошловато как-то получилось, скорее всего опять от внутреннего раздражения. Хотя что-то в этом предположении есть.

— Пройдёт это, Шамиль, обязательно пройдёт.

Но вот это «что-то» и его не на шутку зацепило.

— Вот когда-то были такие «фени» и «панки», это прошло или нет? Как вы считаете? — уже не столько хитро, сколько озабоченно спросил он меня.

Всё-то он знает и понимает, причём явно лучше многих, а меня спрашивает для того, чтобы найти подтверждение своим мыслям.

— Да как тебе сказать, скорее переросло, только вот не скажу во что, сам не знаю.

— Я зато знаю, они потом на иглу подсели, это ведь тоже стало модно, да и в «кайф». А потом уже к нам в инфекцию, в отделение стали попадать со

СПИДом. Хотя можно было сразу в морг, — он неожиданно резко повернул баранку руля. — Вот ведь как гоняют, подрезают без зазрения совести, — вдогонку лихачу Шамиль яростно потряс кулаком и продолжил: — Через нашу больницу потом многие прошли. У нас получилось как специально, — он горьковато при этом усмехнулся, — заведующие реанимацией и моргом — один Терин, другой Тюрин. Если в реанимацию, то к Терину, а если в морг, то — к Тюрину. Хотя для этой публики это одно и то же, независимо от фамилии заведующего. Всё равно после Терина будет Тюрин, — он как-то враз оборвал себя на полуслове. Уже после продолжил: — А если пронесёт, когда они повзрослеют, в смысле сами станут бабушками, вот потеха-то будет, — усмешка Шамиля стала более озорной, — пирожков испечь внучатам не смогут, зато у них будет пирсинг и татуировка на ягодице. Прогресс, однако, — Шамиль вовсю предался моему настроению, наш разговор завёл его не на шутку. Вот тебе и невозмутимый татарин! Да и слова-то какие одолел, один только «пирсинг» чего стоит!

Правда, он это слово выговаривал с трудом и без буквы «р». С таким же трудом, как и воспринимал все эти «писки» моды.

— Ну, это ты совсем уже о грустном. Ладно, включи лучше свою «шарманку», — показываю на радио, — может быть, там уже утомонились с этим «рэпом».

Почти моментально попадаю в «десятку». Из радиоприёмника донеслось:

*Для меня нет тебя прекрасней,
Но ловлю я твой взор напрасно...*

— Ну вот, я же говорил, что всё ещё будет. Прекрасное — оно же вечно, дорогой мой.

Так что — всё ещё будет! А то: пирсинг да пирсинг, будут тебе ещё и пирожки! Да не просто пирожки, а настоящие, бабушкины, с капустой, самые вкусные и самые желанные!

«А я повторяю вновь и вновь: не умирай, любовь...»

Значит, точно не умрёт. Лишь бы не переродилась во что-либо схожее и не потеряла бы души, томления, скрывающейся за этим тайны.

За поворотом показались больничные корпуса. Приехали. Сейчас будет уже не до «рэпа», будь он трижды неладен. А вот любовь, любовь не должна умереть, уж это точно...

НАШИ

Ноябрь, стылый уже своим названием, бесснежно переходил в зиму. Облетевшая с деревьев листва вросла в придорожную грязь обочины, чем ещё больше вызывала ностальгию по снежному покрову и вообще по светлому, доброму, отрадному глазу и душе...

Голые кроны деревьев надёжно облюбовали стаи горбоносых хищников. В своём траурном одеянии-оперении, они всегда вызывают невольный страх и оторопь. Когда же вдруг они всей стаей одновременно взлетают, становится ещё прохладней...

...Сегодня подадут очень плохо. Так, какая-то мелочь, не больше. Лица у всех злые, угрюмые, им сегодня не до инвалида-попрошайки. Смотрят строго вдаль, при первой же возможности давят на акселератор до отказа, и будь здоров. Никому ты не нужен. Ни бедным, ни богатым. Не до тебя сейчас. Сыро, холодно и муторно, на душе — тоже. Утренняя водка уже вся выветрилась, осталась только дрожь по всему телу. Когда ещё приедут эти «хозяева», кто ж их знает. Ишь, как себя кличут: «хозяин и хозяйка». Ни имён, ни прозвищ, это для того, чтобы потом, если что, можно было от всего отказаться. Вот же сволочи! Да, но на сей раз я, кажется, попал основательно. От этих, похоже, живым не выбраться. Повязали со всех сторон. Крепко влип.

Чуть что — бьют, безбожно бьют. А как и куда от них скроешься на инвалидной коляске да без ног! От цыган далеко не убежишь: эти где угодно найдут, у них, похоже, везде всё схвачено. Попал так попал. Уж это точно — влип! Хорошо хоть, иной раз кормят, а так в основном поят. Выпивка у них, похоже, никогда не переводится. Гадость, конечно, но по мозгам хорошо даёт. Сразу всё забываешь, крышу сносит основательно. «Палёнка», видно, на табаке, не иначе, настояна. Вечером стакан выпил и спишь себе. С утра — полстакана и — на работу. Чтоб она провалилась вместе с ними, работа такая. Милостыню собирать на проезжей части дороги — каково? Докатился до ручки. Сам, конечно, во всём виноват. Ноги потерял, если честно-то, по пьянке: гололёд был — под трамвай вот и свалился. Когда-то был прапорщиком, а эти, прохиндеи, узнали, форму полевую заставили надеть, будто бы на войне инвалидом стал. Думают, так больше подадут. План установили, сволочи. Не наберёшь план — бьют и издеваются. Одно спасенье — водка. Сразу тепло становится и жить хочется, а то бы совсем — кранты. Что-то долго их нет, провалились они, что ли? Тут ханурик какой-то вертелся, может быть, сгонять его за пузырьком, а то совсем околеешь, чего доброго...

...Опорный пункт милиции всем своим внутренним убранством, запахами и устоявшимися традициями, несмотря на «веление времени» и начальства, до нового названия «полиция» явно не дотягивал.

— Ну и что мы здесь с этим красавцем будем делать, скажи мне, сердобольная твоя душа? — милицейский сержант, указывая рукой на закончневшего от холода инвалида, взывал к своему на-

парнику. — Какого лешего его к нам-то притащили? Не наш он клиент, надо было его сразу к медикам в больницу. Всё как раз сходится, как по инструкции: пьяный, инвалид, да ещё и обмороженный. Будьте добры, занимайтесь. Если что, читайте клятву Гиппократ, никуда от неё, родимой, не денешься.

— Это наши ребята подумали, что он может подойти как свидетель по вчерашнему происшествию. Он же как раз там, на дороге, болтался, как всегда, значит, всё видел. Вот почему его на ночь не отвезли к себе его подельники — тут уж я не знаю, ничего не могу сказать, теперь вот мы будем с ним возиться, — молоденький лейтенант тоже не проявил в голосе ни оптимизма, ни тем более участия в судьбе бедолаги.

Инвалид между тем начал понемногу оттаивать. Под его коляской стала образовываться лужица, что ещё больше внесло ясности в его жизненную перспективу.

— На черта он нам здесь сдался, сейчас ещё и туалет устроит там же, где сидит. Всё, звоню в «скорую помощь», пусть его везут в больницу, — сержант взял служебную инициативу в свои руки, с лейтенанта какой спрос: он же ещё совсем «зелёный» и в этом деле мало что понимает.

...«Скорая помощь», судя по диалогу с сержантом, восторга от его решения не испытала. В лучшем случае обещали приехать позже, ну, как получится.

— Послушай, болезный, тебя почему твои друзья или кто они тебе сегодня не забрали? — лейтенант проявил некий интерес к инвалиду. Скорее всего просто так, чтобы время скоротать.

Бедолага уже пришёл в себя и сидел со слегка приоткрытыми глазами.

— Холодно мне, знобит. Выпить не дадите? — он снова закрыл глаза и, казалось, впал в забытё.

— Вон тебя куда понесло, родимый, у нас выпить как раз не дают, а вот кипяточку, так и быть, найдём, — лейтенант протянул ему кружку с водой. — Смотри не обожгись и не облейся. Как же тебя угораздило, даже рук поднять не можешь, — лейтенант, по всей видимости, был из сельских, он довольно умело вдруг занялся обиходом горемыки.

Тот, снова закрывая глаза, бормотнул:

— Только не отдавайте меня цыганам. Они меня убьют.

— Причём здесь цыгане? — лейтенант заинтересованно заёрзал на табуретке. — Ты что, у них живёшь?

Тягостное молчание, на некоторое время, повисло в комнате.

— Какой там живёшь... — колёса инвалидной коляски жалобно скрипнули в унисон разговору. — Они меня в ночлежке держат, а утром вывозят на дорогу. Если с маршрута ухожу, ловят и бьют. Потом снова — на дорогу. Деньги забирают все, паспорт не отдадут, короче говоря, пропал я совсем, — на небритых щеках бедолаги искрились лучиками далёкой, но несбыточной надежды росинки оттаявших слёз. — Вчера вот выпил для сугреву, с таким же как я бродягой и попробовал сбежать, но вот замёрз. Сил не рассчитал. Они меня сейчас, наверное, ищут.

Его снова заколотила мелкая дрожь, и он инстинктивно втянул голову в своё ветхое шмотьё, пятнистое не столько от фасона, сколько от грязевых разводов.

«Скорая помощь» на сей раз почти таковой и оказалась. По крайней мере всё же приехала. Причину вызова знали, поэтому с порога и заявили:

— Вы его с таким же успехом могли и у себя поддерживать, а затем благополучно выпроводить. Чего ради его в больницу везти? Он же отрезвел, согрелся, вот и бывай здоров, — скоропомощной фельдшер без лишних сантиментов, чётко определил грани полномочий каждого этапа помощи, где бедолаге так или иначе, но рады не будут. — Больница же не приют, посидит он там в коридорчике, согреется, а потом его и отправят восвояси на своих двоих, даже если их у него нет. Там за ночь в приёмном отделении от таких вот визитёров продыху нет. Вонюща и грязь. Этот, хорошо, хоть не буянит. Попадаются такие кадры: двери и окна повыбивают по пьянке, ну и что с ними там делать? Умники, чтоб им было пусто, — это уже в адрес властей, надо полагать, — закрыли вытрезвители, ничего взамен не определили. Вот медицина теперь и отдувается за решения народных «радетелей», — фельдшер сочно приправил свою тираду расхожими эпитетами в адрес думских старателей всех уровней одновременно и сказал, уже обращаясь к притихшему страдальцу: — Поехали, что ли, меняй прописку. Но учти: довезём и мы сразу же дадим ходу, а ты уж дальше сам там объясняйся. Это уже не наше дело. Понял, да?

...Приёмное отделение больницы в предутренние часы невольно напоминает о бренности земного бытия и о том, что райские кущи начинаются не здесь. Явно не здесь.

Здесь же — неистребимый запах давно не мытых тел вперемешку с вулканическими извержениями, исходящими от кое-как угомонившихся пьяниц, нашедших укорот своему строптивому нраву на больничной кушетке, а то и просто — на полу.

Госпитализировать подобных «пациентов», как положено в лечебных учреждениях, нет ни возмож-

ностей, ни тем более персонала, способного выдержать эти буйства, брань и мерзость алкогольного безумства.

Утром, немного проспавшись, они, как правило, покидают это временное пристанище сами. Особо буйных забирает наряд полиции, затем тоже отпускает на все четыре стороны, отпускает — до новых встреч. Причём без санкций и без последствий.

И те, и другие говорят одинаково: «Не наши это клиенты-пациенты, чего ради мы с ними будем возиться?»

...Доставленному в приёмное отделение инвалиду-колясочнику обрадовалась только входная дверь. Открылась, кланяясь в пояс. Оказалась сорванной с петель буйным предшественником, оттого и бьёт поклоны в пояс, а так же по ногам тоже бьёт. Всем бьёт, кто пытается войти, по крайней мере, в эту ночь и в эту дверь.

В помещении было душно, но тепло. А это уже хорошо. Ворчание дежурного медперсонала и их перепалка со «Скорой помощью» не в счёт. Тепло и не быть — это уже немало. Жить можно.

...Утром он разговорился, даже согласился написать заявление в полицию. Заявление по поводу цыган.

Осмотр врачом и его предварительное заключение: болезней у пациента много, но они все вне обострения, не внесло ясности в основной вопрос: что же с ним делать дальше? Жилья нет, паспорта нет, передвигаться может только на коляске. На улице — зима. При упоминании о приюте инвалидов затрясся и вновь впал в душевную сырость.

— Да я уже там бывал. Тюрьма это, и порядки там такие же как и у цыган. Не сладко там нашему брату приходится. Прошлый раз я сбежал через

два месяца, в Ставрополе было дело, — признался он, опустив голову. — Без паспорта, без верхней одежды, в чём был — так и ушёл при первой же возможности. Добрые люди помогли, — и почти без перехода: — Отправьте меня в Ростов, может быть, там «наши», они помогут. Мне бы только в поезд попасть, — его снова начал трясти мелкий озноб.

Тягостная картина. Почему именно в Ростов он просился, было непонятно, да и сам он ответить не мог.

Видеть чьи-то слёзы тягостно бывает всегда, но когда плачет мужчина, даже если он инвалид и глубокий пьяница, всё равно слишком безысходно и безотраднo. Уж очень тяжело становится на душе.

— Так, нечего здесь слякоть разводить, обживёшься, отоспишься, ещё и Маресьевым у нас станешь, а то гляди: ещё и женим тебя. У нас и не такое бывало. А сейчас — везите его в терапию, к ним в отделение оформлять будем, — дежурный врач решительно прервала развивающуюся на глазах сентиментальную трагедию. Каждому нашлось своё дело, и через полчаса помытый и переодетый инвалид был отправлен по назначению.

...В палатах свободных мест не было. Как и всегда. Определили его проживание на кушетке. В фойе. Несмотря на проведённую санитарную обработку, его появление в отделении стало узнаваемым сразу. По запаху. И по виду. Кудлатое, загнанное существо. К тому же — без ног. Взгляд затравленный, но на вопросы отвечает охотно. Сердобольные бабушки из разряда постоянных пациентов отделения, посетовав на судьбу, начали подкармливать его кто чем мог.

Наступило временное блаженство.

...Гомонящая стайка черноволосых и длиннобочных «родственников», неожиданно появившихся в отделении, в один миг разрушила зарождавшуюся идиллию. Родственники назвались армянами. Как и всегда в подобных ситуациях. Беженцы, армяне, ну и так далее. Жалейте нас тоже, а его, инвалида-то бишь, они забирают к себе. По-родственному, да и по-божески...

Инвалид сжался в комок, закрыл руками голову и начал заунывно скулить. Скулить одновременно с рессорами коляски. В такт друг другу.

Решительный голос дежурного врача и его попытка вызова милицейской группы быстрого реагирования напрочь рассеяли родственные чувства у галдящей черноволосой публики. В мгновение ока, каркая на ходу, они растворились среди близлежащих строений.

— Они вернутся, они обязательно вернутся, я же говорил, что они найдут меня где угодно, это же цыгане, — инвалид снова впал в мелкую дрожь и слёзную хлябь.

Тягостно и мучительно.

...Пациент спал дни и ночи напролёт.

Поднимался лишь на приём пищи да по естественным надобностям. Угол больничного коридора обжил уверенно и основательно.

Попытка перевести его в обычную палату вызвала стойкое негодование и неприятие временных её постояльцев.

Особо негодовал по этому поводу роскошный, обрамлённый смуглыми с проседью волосами и бородой пациент, внешне очень похожий на Карла Маркса. Ранее он иногда подходил и беседовал в коридоре с инвалидом, причём всегда увещевательно и душеспасительно. Представлялся священником,

ранее служившим в армии. Что-то типа воспитателя, скорее всего — политработник, в смысле — бывший. Уж очень смахивал своими разговорами на этих ребят. Да и не только разговорами.

О, как же он возмущался, когда инвалида попытались перевести к нему в палату!

Своими стенаньями дошёл до депутатов Думы. Там был услышан.

Люди-то свои...

...Инвалиду же было хорошо и в углу. Он так там и остался. Лишь бы не били и не отдали цыганам.

А ещё он по-прежнему просился в Ростов, говорил, что там «наши».

Наверное, так оно и есть.

Почему бы и нет?

Ведь где-то же они должны быть?

НЕ РУБИ МОЕГО КОНЯ

-По итогам проведённого праймериз признанным лидером народного доверия является... — хрюкнув, приёмник вдруг обиженно умолк на полуфразе. Алексей Павлович, не дожидаясь результатов, с явным раздражением выключил автомагнитоу и надал газу, невольно стараясь убежать от надоевшей до оскомины политической шумихи и всего, что с нею связано.

«Интересно, а как же они старушкам разъясняют, что такое эти праймериз, рейтинг, мониторинг? Вот уж словоблудие развели. Во имя чего это всё проводится? Так и хочется сказать, что от лукавого. Слова, похожие на жевательную резинку или на элементы нижнего белья. Вот раздолье для юмористов. Только почему-то смешно не всегда. Может быть, слова такие специально подбирают, чтобы непонятнее было, а это похоже на что-то новенькое. А коли новенькое — значит, уже есть надежда на перемены. Своих-то русских слов для этого уже не хватает. А может быть, они их уже и не знают? Э-хе-хе».

Въезжая во двор, Алексей Павлович долго искал место, где можно приткнуться машинёшку. Иноземные автолошадки презрительно косились на менее удачливых собратьев.

«Неужели всё это трудами праведными нажито, не жалея, так сказать, живота своего?» — видя это изобилие, рассуждал сам с собой Алексей Павлович.

Стараясь отогнать мрачные мысли, он взглянул на окна восьмого этажа, с явным удовольствием отмечая, что они светятся, значит, жена дома, а с нею и внучата. Вот уж действительно, эти существа — свет в окошке в нашем суетном мире.

Берёзовая листва приветливо раскланялась с ним, шелестя золотистым ожерельем.

В один миг помолодев, Алексей Павлович заспешил к своему подъезду.

Ещё бы: вчера договорились со старшей внучкой, что будет учить её играть в шахматы. Алексей Павлович восторгался энергией внучки и желанием познать всё, что вокруг происходило. Правда, с усидчивостью было сложнее, интересы ребёнка меняются так же стремительно, как и возникают, но она схватывает всё на лету, при этом бурно реагируя на происходящее. Бурно — означает, что рядом и всегда наготове радость и слёзы, доброта и детский эгоизм, шалость и понятие меры. С ней всегда надо быть настороже. Если шалит — не спускать с неё глаз, если вдруг где-то затихала — туда бежать бегом. Иначе это добром не кончится. Возраст такой. Как-никак — четыре с половиной года. Да и характер уже проявляется. Так что — держи ухо востро.

Со словами и выражениями — тоже.

Как услышит что-то расхожее — сразу оно у неё и на языке. Ещё и младшую научит. Значение слов воспринимает буквально, запоминает надолго, чем порой явно обескураживает взрослых. И заставляет размышлять... Что, как оказалось, далеко не лишнее в повседневном словесном обиходе...

Вот случай был в сельском магазинчике, куда довольно часто заезжали родители вместе с детьми. Продавец, явно желая сделать ребёнку приятное, предложила поиграть с котёнком, которого прию-

тили в своём нехитром хозяйстве. Машенька, внучка Алексея Павловича, с удовольствием откликнулась на это предложение и поинтересовалась: как же звать котёнка?

— Да тоже Машей, как и тебя, — ласково улыбаясь, бесхитростно ответствовала продавец.

— Назовите её лучше Катя, — тут же заявила Машенька.

Катей звали младшую внучку Алексея Павловича.

Взрослые невольно засмеялись на такую реакцию ребёнка. Маша выждала, когда веселье стихнет, и абсолютно серьёзно заявила:

— Вообще-то животных детскими именами называть нельзя: это неправильно.

Последовала немая сцена и удручённое почёсывание взрослых затылков.

На звонок во входную дверь последовал стремительный вопрос:

— Кто там? — не дожидаясь ответа, щелчок поворотного замка и радостный детский возглас: — Деда пришёл! Раздевайся быстрее, сейчас будем в шахматы играть! — ребёнок с восторгом запрыгал по коридору, считая всё на своём пути.

— Тише ты, егоза, — бабушка укоризненно намурила брови, — успеешь ещё наиграться, дедушка сначала должен умыться, покушать, а потом с тобой будет играть.

Алексей Павлович быстро уяснил, что его дальнейшая вечерняя судьба определена и послушно въехал в домашние тапочки.

...Расставлять шахматы — это очень интересное занятие. Одни только названия фигур чего стоят: сразу попадаешь в сказочный мир: король, королева, офицеры...

Порядок передвижения фигур по шахматной доске внучка уяснила достаточно быстро, только никак не могла понять, почему конь, которого она именovala лошадкой, мог прыгать через фигуры, а другие — нет.

Тот факт, что пешка может стать королевой, искренне заинтересовал Машеньку. И порадовал. Она упорно утверждала, что эта пешка, наверное, была принцессой, только об этом долго никто не догадывался. У неё был волшебный башмачок, только его не видно под одеждой.

Очень хотела, чтобы кто-либо из офицеров оказался принцем...

— Пешка всегда ходит прямо, а нападает на фигуры — в сторону, — дедушка терпеливо объяснял тактику действий фигур на доске. — Если вовремя не уберёшь фигуру, я её съем пешкой.

— Зажаришь и съешь? — любознательно поинтересовалась Машенька.

— Да нет же, это просто так называется действие, если кто-то может срубить фигуру у своего соперника.

— И лошадку тоже?

— Конечно.

Над шахматной доской повисло молчание. Губы ребёнка задрожали, и в следующее мгновение последовали горькие слёзы, сквозь которые прорвалось:

— Не руби моего коня, он такой хороший...

Увы, по миру волшебства прошёлся слон расхожих бытовых выражений, о значении которых уже никто и не задумывается...

Больших усилий стоило успокоить ребёнка, объясняя шахматную лексику. Впрочем какая она шахматная? Прижилась как-то, и вот её последствия...

Условились больше не рубить, а выигрывать и только забирать.

— А потом отдашь?

— Конечно, отдам, ты даже сама будешь их потом собирать, считать и складывать.

Дед всячески старался замять огрехи своего преподавания, так ранимо воспринятые ребёнком.

Из кухни доносились осуждающие звуки перемываемой посуды. Бабушка всё слышала и делала выводы. Дед сконфуженно кряхтел. Чувствовалось, что сегодня ему перепадёт на орехи. Но несколько позже. Педагог, тоже мне, нашёлся...

Шахматную школу на сегодня надо было закрыть... Удалось с трудом, но, слава Богу, уже без слёз.

В следующее мгновение внучки приступили к игре в дочки-матери. Здесь всё, как всегда, по-доброму. Наступило затишье и взаимное понимание, лишь изредка трогательно попискивали переворачиваемые куклы и то, пожалуй, от удовольствия и глубокой признательности...

Приход родителей всегда вызывал искренний восторг. Детский и взрослый. Затем следовало одевание наперегонки. Так же было и на сей раз. Всё как обычно. Тепло, независимо от погоды...

Прощаясь, Машенька поинтересовалась:

— Деда, а завтра мы будем играть в шахматы?

— Конечно, моя дорогая, — дед растроганно умилился вопросу.

— Только не руби моего коня, — губы её опять начали угрожающе подрагивать.

Дедушка подозрительно закашлялся.

...После их ухода Алексей Павлович долго не мог определиться с телевизионным каналом. Новости разочаровывали пустотой. Слишком много расхожей фальши и словоблудия. Устоявшиеся выражения. А перед глазами всё время стояли дрожащие детские губы.

Вот тебе и слова с их значеньями. В своих, русских-то словосочетаниях не можем до конца определиться, а нам подавай «праймериз, рейтинг». Теперь ещё «модернизацию» при каждом удобном случае стали припечатывать. Где надо и не надо.

Ну, делаете что-то там полезное и нужное, молодцы. Но зачем же об этом кричать на каждом шагу. Вот это-то и вызывает недоверие и настороженность, а затем и разочарование. Чем больше говоришь, тем больше вреда. И самим себе — тоже.

Травмируем психику с малых лет, а уже про взрослых и говорить нечего. Рубим по живому. Словами, выражениями, а затем — и поступками...

Из кухни доносилось понимающее молчание... Там, по счастью, переживали вместе с ним...

Да, но шахматы-то надо бы собрать. Вон они стоят неприкаянные. Белые и чёрные вперемешку и уже друг другу не угрожают.

Завтра будем играть снова. Будем составлять фигуры и нападать ими друг на друга. Забирать тоже будем, в смысле — выигрывать. А как же — игра такая.

А ещё завтра офицеры будут снова защищать своего короля и королеву. Как мушкетёры, бесстрашно и беззаветно. А у пешек будет своя туфелька. Волшебная. И какой-то из них обязательно повезёт...

Служу России

—Здесь что, очередь, что ли? Вот это я попал! Кто же тогда крайний? — вопрос на мгновение всколыхнул одурь душного почтового помещения и замер в слегка повёрнутых на голос лицах, ожидавших манной почтовой.

Ответа не последовало.

— Так здесь очередь или кто как сможет? — густой, основательно требовательный баритон, налегая на «кто как сможет», наконец привлёк должное внимание у слегка сомлевшей, но ещё бодрой на вид старушки.

Она уютненько расположилась в уголочке и блаженно уткнулась в свои мысли. Ответствовала не спеша, но с готовностью, основательно:

— Я, милоч, крайней в это окошко буду я, — бабушка оживилась и, более того, словоохотливо развила свою мысль: — А я за вот этой дамочкой, — и она указала рукой на молодую женщину.

Та в ответ и плечиком не повела. Оно и понятно: больно надо, она же — впереди, да и голос был явно не в её вкусе, больно самоуверенный и напористый. Таких сейчас — пруд пруди, а очередь от этого не меньше...

— А сюда, в это окошко, кто последний? — не унимался хозяин баритона, слегка вынув из ушной раковины клешню плеера. Фартовая кепчонка на

его коротко стриженной голове согласно пружинила в такт вопросов.

— Да тоже я, — с готовностью пояснила всё та же бабулька. — И вот она, — рукой повела в сторону молодой женщины, — тоже впереди.

— Узнаю Россию, в оба окошка одни и те же люди. Мне ведь только письмо заказное получить, — сбавив напор, попытался воздействовать на ситуацию молодой человек. — К тому же всё уже заполнено...

Понимание нашлось только в глубоких вздохах и устремлённых в томительное ожидание глазах.

Почтовые служащие, не поднимая головы, вершили своё малопонятное действо.

Душно и тягостно...

Суббота клонилась во вторую половину дня, забирая стрелками благодатное время.

Очередь вздыхала и рассматривала безучастный потолок.

Треньканье сотового телефона обрело своего хозяина. Всё тот же баритон начал объяснять далёкому другу, что «он, кажется, основательно попал». Здесь «всё, как везде в России», поэтому — задержится. Потом его озарило.

— Да, прикинь, надо вот так же, как на почте, по Интернету для предков в поликлинику на все свободные талоны забить место, и пусть они потом «швыряются» по врачам из кабинета в кабинет и нас благодарят. Каково?

Телефон пискнул в ответ одобрением и восторгом.

Очередь старалась не смотреть на молодца и не разделять чувств говорящих. Да не тут-то было, в ней, в очереди, как в подводной лодке: все и всё — рядышком. Хочешь ни хочешь — слушай да помалкивай.

Заботливые какие, надо же. Одним махом всё определили для своих стариков. Живи да радуй-

ся! Продвинутые до слёз. Слёз умиления и обиды... Обиды за всех остальных, не причастных к «продвинутым».

Константин Аркадьевич скромно ожидал своей очереди, восседая на приставном стульчике. Скромно, потому как настроил себя на ожидание ещё с утра, когда заскочил сюда в надежде побыстрому разрешить такую же проблему со своим заказным письмом.

С утра не удалось. Пришёл после обеда. Ситуация прежняя. Казалось, люди заняли этот оборонительный бастион с рассвета, и теперь только остаётся ждать. Ждать обречённо и бессловесно. Обучены всем укладом нашей прошлой жизни. И, увы, не только.

Константину Аркадьевичу подобное утром было не с руки, и поэтому-то он повторил свой поход уже после обеда.

Заказное письмо было долгожданным, он надеялся на то, что в этом письме разрешится наконец-то его многолетняя тяжба обманутого дольщика. Позади были походы: за справками, реестрами, суды и молчаливые укоры супруги. Он всё это пережил и вот сейчас готов был ждать своего вердикта.

Ждать пришлось долго. Несмотря на внешний вполне приличный вид недавно отремонтированного помещения, обслуживание клиентов здесь шло по старому затяжному принципу. Как сказал этот приткий юноша — «как в России». Обидно, конечно, за Россию: её, где надо и не надо, нелестным образом стараются помянуть. Причём здесь она?

Лишь мысль о том, что вот сейчас разрешится проблема долевого кабала, позволяла Константину Аркадьевичу стоически переносить черепаший бег времени и бремя унылого ожидания. На память упорно карабкалось когда-то слышанное выра-

жение о том, что величина минуты определяется стороной двери туалета, в смысле — где ты находишься по отношению к двери, с какой её стороны. Несмотря на вульгарность выражения, с истиной его трудно было не согласиться.

И всё-таки даже столь долгому ожиданию наступает конец.

Выданное заказное письмо было увесистым и солидным.

Вскрывать его прямо на почте Константин Аркадьевич не стал. Дома оно ведь всегда лучше, даже если там будет отказ: легче будет перенести. Привычнее.

На выходе в почтовом коридоре его несколько покорило то, что на полу вывалилась плитка. А ведь ремонт, судя по всему, был выполнен совсем недавно... Стены вон какие, опять же потолок, освещение.

В другое время Константин Аркадьевич непременно бы посетовал на качество работы, отругал бы горе-строителей хотя бы в душе, но сейчас не до того. Он слишком спешил.

Спешил домой, обходя выбоины на асфальте проезжей части дороги, которую тоже ремонтировали, как и почту, совсем недавно; но что-то там разрушили в технологии или украли чего, в результате дорожное покрытие не держалось и всё тут. Смыло его талой весенней водой.

Оно, покрытие это, напоминало Константину Аркадьевичу воронки от артиллерийского залпа. Увы, ему довелось за свою жизнь немало их повиждать. Потому-то он так болезненно реагировал на всё, что было сделано через пень-колоду: оно больно ранило его тягостными воспоминаниями о трагических событиях своей Родины.

Опять стало обидно за Россию, так же как и на почте, особенно когда стриженный молодец, отгорожен-

ный от всех своим плеером, с таким презрением и так потребительски говорил о всём российском.

Но почему так? Кто же во всём этом виноват?

На душе стало тоскливо и невыразимо досадно.

...Письмо он вскрывал не спеша. Для начала снял верхнюю одежду, водрузил на нос солидные очки, удобно расположился в кресле. Серьёзный вопрос, соответственно — основательный подход.

Сначала — ничего не понял. Лишь спустя некоторое время, несколько раз осмотрев солидную открытку, которая возлежала в конверте заказного письма, он уяснил себе, что это банк поздравляет его с праздником. Вот те раз! Это в середине-то марта! С днём защитника Отечества! Вот как.

Поздравляет заказным образом, спустя месяц после праздника и после двухчасовых ожиданий в очереди! Осчастливили своим вниманием и памятью. Заботливые — ни дна им, ни покрывшки!

В названии бланка и в тексте открытки опять болью в сердце отозвалось слово — Россия!

Да что же это за наваждение такое?! Козыряют этим словом, направо и налево. Все кому ни лень!

Как где какая несуразица, так обязательным образом приплетут священное название Родины! Они что, издеваются, что ли? Вот уж торговцы-беспредельщики. Беспардонные пустозвоны!

Константин Аркадьевич был вне себя от возмущения. Допекли! Вот тебе и суббота, отдохнул, называется.

...Телефонный звонок, как спасательный круг, на какое-то мгновение вывел его из состояния крайнего негодования.

— Да, слушаю вас, — всё ещё жёстко ответил он в трубку и неожиданно посветлел лицом.

— Дедушка, привет, это я, — пискнуло ему в ответ из телефона, — докладываю, товарищ коман-

дир, ваше приказание выполнено! Вечерняя проверка проведена, лиц незаконно отсутствующих нет. Игрушки собраны с пола и уложены спать! Доклад закончен.

Дед принял строевую стойку и голосом батальонного командира отвечал:

— Равняйся! Смирно! За проявленную инициативу и добросовестное выполнение боевой задачи от лица службы объявляю благодарность!

— Служу России! — телефонная трубка, казалось, сияла восторгом детских глаз, и в ней явственно слышался лихой пристук каблуков и... память, дедовская память о былой службе и готовности к выполнению любой задачи.

— Вольно, разойдись!

Константин Аркадьевич уже не вспоминал больше ни беспардонность банка, ни утробный эгоизм стриженного молодца, и даже разбитые напрочь дороги отошли на задний план.

Перед ним во весь рост стояли детский восторг и это залихватское «Служу России!»

Нет, на самом деле ещё не всё утеряно, жизнь продолжается, и в ней всё ещё будет.

С нами или без нас, но будет!

И пусть это пока только игра такая у них с внучкой, но, как знать...

Игра, основанная на понимании величия своей Родины, а она, Родина, ждёт истинной самоотдачи и энтузиазма в любом деле. В большом и малом.

Даже если это пока касается только игрушек. Пока — игрушек, а там... В общем — «Служу России!» И этим всё сказано.

Молодцевато расправив плечи, дед прошествовал на балкон... Неизъяснимо хотелось неба и высоты... Мартовское солнышко, клонясь к закату, таило в себе тепло и загадку.. Наступающей весны...

Родина-мама

-Уважаемые пассажиры, приготовьте паспорта, личные вещи и багаж к таможенному осмотру. Поезд прибыл на государственную границу. Из купе никому не выходить, наберитесь терпения. Детей от себя, пожалуйста, не отпускать, — таможенник строго погрозил указательным пальцем выглянувшей из купе улыбчивой детской физиономии, в тот же миг исчезнувшей в глубине купе.

Вагонные разговоры стихли, наступило время тягостного таможенного любопытства, уяснение «что везём, нет ли оружия, наркотиков, старинных икон, монет и вещей». Вопросы больше для проформы, а ничего не попишешь, надо. Неясно только — кому и зачем.

Привычно оглядывая соответствие паспортов с лицами пассажиров, таможня послойно вершила служебное действие.

С верхней полки соседнего купе, кряхтя и охая, спустился вниз здоровенный мужчина средних лет, с лицом, опухшим от сна и, очевидно, вчерашних прощаний с друзьями и роднёй.

Вращая по сторонам похмельным взором, слегка пригладив на голове остатки коротко стриженных волос, он усиленно стал сдирать целлофановую обёртку с корочек паспорта.

Крупные его пальцы с фиолетовыми разводами татуировок непослушно вгрызались в паспортную

броню. Всем своим видом он вызывал к себе настороженность и опасения со стороны окружающих. Да, пожалуй, и не только у них.

— Что везём, цель поездки и куда следуем? — таможенник, сыпанув вопросы, внимательно всматривался в колоритную мужскую фигуру.

Явно ощущалась таможенная умалённость в росте по сравнению с пассажиром. Таможенник с лихвой старался компенсировать её служебным рвением и озабоченностью.

— От мамы я еду, вот и подарков она для внучат понадавала, — неожиданно для такого внешне-го вида мягким и даже ласковым голосом отвечал пассажир. Особенно поражало, как он тепло и проникновенно говорил «мама».

У таможенника, казалось, поколебалась даже его неукротимая служебная окаменелость.

— Маму давно не видел, вот за сколько лет наконец-то проведаль, теперь домой, на Урал еду, — от такого признания заулыбались все присутствующие.

Из соседнего купе вновь явно заинтересованно выглянул ребёнок.

А как же. Здесь что-то говорили про маму! Как тут не полюбопытствовать.

Мужчина расплылся в умильной улыбке и подмигнул ей:

— У меня младшая тоже такая, дома осталась, — говорил он как-то по-свойски, доверительно и с добродушной улыбкой. — А что с собой везу? Да что там везти: гостинцы деткам, да вот себя любимого, жив и почти что здрав!

Таможенный досмотр между тем уныло продвигался по салону...

— Рубли за гривны, гривны за рубли, кто желает поменять, хороший курс, — горбоносый удалец,

не обращая внимания на служителей таможни, уверенным шагом являл себя возвращающимся из ближнего зарубежья пассажирам. — Рубли, гривны, кто желает поменять, — несло по коридору.

— Опять фальшивку подсунут, — встревожено остановила благие обменные намерения своего супруга одна из пассажирок в соседнем купе. Тот обескураженно замер на месте.

— Какая фальшивка, слюшай, какая фальшивка, тебе же лучше делаю, не надо будет по обменникам бегать и курс такой хороший, мамой клянусь, — вагонный меняла даже подпрыгнул от возмущения, резко повернувшись на голос. Он всё слышал и всё видел. Сказывался опыт в этом деле.

— Слышь, ты, малый. Ты маму в свои делишки не впутывай. Давай дуй отсюда да побыстрей, а то я вот слезу с полки, да потрясу тебя как следует за ноги. Мало не покажется, — добродушие пассажира, едущего от «мамы на Урал», явно прошло, он свесил голову с полки и гневно глянул на торговца гривнами. — Запомни накрепко, мамой не клянусь, а наоборот, клянусь именно маме!

Аргумент был весомым и безоговорочным. Меняла усвоил его суть мгновенно. Почти бегом. Не впервой, стало быть...

В вагоне вновь наступил чинный порядок, лишь изредка прерываемый таможенными вопросами.

...Убаюканный мерным перестуком вагонных колёс и однообразием донских степей, я дремотно погрузился в далёкие, но по-прежнему близкие воспоминания. Незабываемые события.

...Дагестан в августе-сентябре красив и уныл одновременно. Горный ландшафт изумителен даже сквозь иллюминатор карабкающегося вверх вер-

толёта. Покоряет застывшей мудростью природы и дыханьем вечности. Даже на войне, а может быть, особенно — на войне.

Хотя и говорят, что все горы по-своему одинаковы, по крайней мере, схожи между собой — на самом деле это не так.

Вглядываясь в горный пейзаж, вижу большие отличия между горами Афганистана и Дагестана.

А может быть, это от того, что уж больно разными оказались одни и те же люди, которых я знал по Афганистану? Разными оказались здесь, у себя на Родине? Здесь они повели себя совсем по-другому. Увы. Не все, конечно, но ведь это было!

Из головы никак не выходит наш разговор с моим сослуживцем по Афганистану, больше того — бывшим подчинённым.

Тогда, пятнадцать лет назад, на афганской войне, это был вполне состоявшийся офицер, способный выполнять боевые задачи. Может быть, несколько самоуверенный и даже нагловатый, но в тех условиях это не считалось пороком. Как и многие выходцы из кавказских республик — пластичный с начальством, но не прятался от войны.

И вот — события на Кавказе. В огне Дагестан. Родина моего сослуживца. Бандиты нагло вторглись на сопредельную территорию. Творят свой бандитский беспредел, взрывают дома, больницы... Дагестан теперь уже осознаёт, кто есть кто.

Федеральные войска начинают ощущать поддержку местного населения.

Формируется народное ополчение. Патриотический подъём и одновременно гнев в адрес бандитов стали принимать устойчивый характер, причём — повсеместно.

Своего бывшего сослуживца я искал среди воинов-дагестанцев. Увы, не нашёл.

Узнал, что из армии его уволили, далеко не с почётом. Но это было раньше, а сейчас шла настоящая война, но его на ней не было. Отсиживался в горном ауле. Это я узнал уже позже...

Когда же наступил победный перелом и война отодвинулась на сопредельную территорию, он вдруг прозрел и позвонил мне. Просил содействия по восстановлению в армии или, на худой конец, в милицию. Клялся, что всё осознал и больше не подведёт. Был неправ, а сейчас прозрел. Клялся — мамой.

Помню, что именно это-то меня особенно и покорило тогда. Вообще-то на его Родину-мать напал враг, он же в это время — трусливо прятался, а сейчас ею же и клянётся.

Беспардонно и отвратительно.

В ходатайстве ему я тогда отказал. Посоветовал идти в народное ополчение, а дальше будет видно. Может быть, этим самым хотя бы в какой-то мере попытаться загладить свою вину перед «мамой», которой они почему-то так часто клянутся.

И тут же приходит на память другой случай из тех же событий.

Для беспрепятственного передвижения по Дагестану у меня был легковой автомобиль с гражданскими номерами и водителем из местных жителей.

Когда вооружённое противостояние достигло максимального накала, мой водитель попросил у меня автомат.

— Зачем тебе он нужен, ты же гражданский человек, из-за него у тебя могут быть неприятности, — я добросовестно отговаривал водителя, беспокоясь о нём и его семье.

Оказалось, именно для их защиты этот самый злосчастный автомат ему был и нужен.

— Ночью к нам домой могут прийти бандиты, они знают, что я вам помогаю. Мне надо будет защищать свою семью, свою маму..

Дальше можно было не расспрашивать и не отговаривать. При первой же возможности я позволил ему выбрать автомат из числа трофейного оружия и десяток гранат.

Не имел на то права, но сделал это. Я очень хорошо понимал его просьбу, душой...

— Вставай, иди скорее сюда. Мы сейчас будем проезжать мимо памятника, Родина-мама называется... — выбегавшая поглазеть на таможенников девочка упорно тянула свою младшую сестрёнку к себе, пытаясь вызвать у той интерес к проплывающим за окном поезда видам и панорамам волгоградской земли.

Я очнулся от своих воспоминаний...

Хотя причём тут Волгоград? Ни та, ни другая из девочек и близко себе не представляли, что это за город, что это за земля и почему здесь стоит этот величественный монумент, который связан с именем «мама».

Причём именно мамы, а не матери. По крайней мере, так им хочется.

И это вполне объяснимо.

Детские души необычайно чувствительны, и, когда девочке сказали в купе, что этот памятник носит название «Родина-мать», она никак не хотела с этим согласиться.

Как-то слишком уж категорично, что ли. А мама — это всегда тепло и ласково.

Для неё в слове «мать» слишком много суровости и жёсткости, граничащей с обидой. С обидой за маму. К иному восприятию этого слова детская душа была, очевидно, не готова.

Ребёнку непросто было объяснить, что в данном случае памятник и являл собой суровую обязанность и ответственность каждого за свою Родину. За Родину-мать...

Они, дети, с раннего возраста знают, что если им говорят «мать сказала» или «отец велел», это означает строгость и ответственность и возможное наказание в случае неисполнения сказанного. Всё это, конечно, правильно, но исчезает главное — чувство доброты, к которой особо чувствительны детские души.

«Мать поругает, она же и пожалеет», — с раннего возраста знают все дети.

Может быть, в том и таится смысл воспитания?

Но ведь где-то в этом и заложен смысл кнута и пряника? А это — уже жестоко, да и слишком уж примитивно. Хотя, может быть, и справедливо.

Родина-мать — памятник, суровый своей историей. Величественный, но суровый.

А так хочется добра. И не только детям.

— Ого, какая большая! — сестрёнка с интересом всматривалась в монумент. — Она, наверное, больше дома и всё вокруг видит с такой высоты.

— Да она же памятник, как же она может видеть, — старшая девочка назидательно пытается втолковать сестрёнке истину, не до конца понятую ей самой. — Она для всех — мама.

— И бабушке, и дедушке? — дети начинают по-смаатривать на взрослых, дальше становится для них совсем уж непонятно.

За окном поезда во весь свой исполинский рост высилась над городом и временем зовущая в бой Родина-мать...

Казалось, что она не сводит глаз с окружающих её людей и событий. Непроизвольно наступает минута молчания.

— Это памятник всем нашим мамам и папам, дедушкам и бабушкам, но об этом потом, а сейчас — мыть руки и за стол. Сейчас кушать будем.

Мама по привычке взяла бразды правления в свои руки. От этого сразу всё стало понятнее и теплее. Привычно повеяло добротой и лаской. Она же — мама...

ДРУГОЙ ФРОНТ

...Шквалистый ветер, хозяйничавший на протяжении нескольких суток, к вечеру наконец-то утомился. Вдоволь похулиганив, он согнал зацепившиеся за Гиндукуш дождевые тучи, и они расплакались от всей своей исстрадавшейся по взаимному участию души. Затем наступила пора тёплых туманов. Тёплых, но крошечных...

...Трое шли по вымощенной грубым булыжником тропинке, которая вела к такому же, сложенному из крупного камня, забору, отделявшему инфекционные отделения от остальной территории медицинского батальона. И не только территорию, а, казалось, даже саму жизнь, потому как по верхнему краю забора была протянута в несколько рядов колючая проволока. По периметру территории, с её внутренней стороны, несли вооружённую охрану часовые...

Забор, можно сказать, разделительная полоса между инфекционными и остальными, по-своему — привелегированными, отделениями.

Ничего не поделаешь: это же Афганистан, где к тому же идёт война...

Война с душманами и... и с инфекцией, а также — крамолой в воинском бытии...

Победы пока что не видно ни на одном из фронтов...

...Луч фонарика суматошно метался в такт шагов впереди идущего.

Все трое кутались в порядке промокшие плащ-палатки и, по всему было видно, спешили завершить свой обход, то бишь патрулирование, будь оно трижды неладно, так же как и всё это их пребывание здесь, на земле афганской.

Земле, по-своему, может быть, и благодатной, но капризной и неласковой...

А теперь ещё и дождливо-туманной.

...Бесформенный силуэт метнулся в тень стены. Затаился.

— Не понял, кто это? — старший патруля указал рукой. — Посвети вон в тот угол.

Фонарь же упрямо скользнул по кромке облаков и уткнулся в брусчатку прямо под ноги патрульным.

— Товарищ капитан, не надо. Давайте пройдем дальше, я сейчас всё объясню. Я вас очень прошу, — сержант, крепкий в голосе и фигуре, заслоняя собой злополучный угол, отвёл в сторону фонарь.

Начальник патруля, в воинском звании — капитан, слегка поколебавшись, двинулся вперёд по тропинке, патрульные — за ним...

Пройдя метров тридцать, сержант подал голос:

— Спасибо, товарищ капитан. Я ему, конечно, всыплю по-своему. Накажу, как положено. Это санинструктор, Андрей Гришин, из моего отделения. Он дружит с медсестрой из «инфекции», не подумайте чего плохого: она очень хорошая девчонка. Правильная, и у них любовь. Настоящая любовь. Он за неё что угодно может сделать. Я знаю про все запреты и приказы на этот счёт, но тут случай особый: завтра он с разведбатом уходит на боевые. А там — всякое бывает, вы же сами понимаете: разведбат в бирюльки не играет.. пусть попрощаются.

Мы не успеем дойти до штаба, как он уже будет в казарме. Отвечаю за это, — они молча прошли ещё несколько шагов. — А за Ирину — тоже спасибо, она на самом деле очень хорошая, и нам бы не хотелось, чтобы её вольно или невольно обидели. Ведь она нам как сестра...

Капитан молчал, закусив нижнюю губу, слушал внимательно. В глубине души он упрекал себя за мягкотелость и малодушие, но уж больно убедительно и проникновенно говорил сержант. По-иному поступить он просто не мог.

Твёрдо помня инструктаж начальника штаба батальона, тем не менее поступить иначе он не мог.

Солдат срочной службы встречается с медсестрой — казалось бы, что в том особенного?

Ан нет, есть приказ, и об этом постоянно напоминают им на совещаниях. Причём напоминают — это ещё мягко сказано. Зачитывают приказы, акцентируя внимание на меры наказания, а они — очень жёсткие. Для командиров и начальников — дисциплинарная ответственность, партийная проработка, а для служащих, имеется в виду женщин, — выдворение в Союз за 24 часа. Короче говоря, наказывают досрочным возвращением на Родину. Ну, понятно, если оно с безнравственным подтекстом, совращение, не дай Бог — коммерция — это одно. А если это действительно — любовь? Тогда как?

В приказах этой градации нет. В Союз, и точка!

А каково потом бойцу? Он ведь и отчудить может что-либо. Вот то-то и оно. Конечно, может.

Короче говоря, мы ничего не видели, да и начштаба с комбатом ничего не знают, и им от этого спокойнее будет. Капитан таковыми рассуждениями ублажил своё собственное честолубие и уже без излишней суровости в голосе объявил:

— Наша смена закончилась. Оружие сдадим и в казарму. На территории нарушений нет. Ясно?

— Так точно! — солдаты подчёркнуто продемонстрировали строевую выучку и облегчённо вздохнули.

«Лишь бы комбат с начштаба не узнали», — пронеслось в голове капитана.

...Узнали, вернее — и без того знали. В батальоне утаить такое просто невозможно.

А комбат не только знал, но и отчётливо представлял последствия, в том числе и для себя. Уже испытал, правда, пока лишь слегка, и то — слава Богу.

...Не успел он как следует по прибытию на новое место освоиться, как вызвали его в политотдел дивизии. Подобные вызовы никогда и никому добра не сулили. Или отругают, или предложат что-либо, как правило, вопреки твоим внутренним принципам, устоям и желаниям. Вот и на этот раз именно так и вышло. Оказывается, упущена работа по поддержанию должного порядка среди подчинённых. Пример тому — стоящая, в буквальном смысле, на ковре перед начальником политотдела, с опущенной головой и потупленным взором медсестра.

Атмосфера кабинета была наполнена негодованием до краёв.

Она, медсестра то есть, стоит на пути подрыва боеготовности и морального духа среди личного состава батальона. Замечена в предосудительных связях с солдатами. Замечена и, кажется, этого не отрицает.

Вердикт: медсестру убрать в Союз и причём — немедленно! Комбату на первый раз — строго указать и предупредить: «Вы там смотрите! Если что, то мы можем и ваш партийный билет потревожить». Вот так-то.

Медсестру убрали. Правда, в последний момент удалось её спрятать в другой гарнизон, но считается — убрали. В смысле — зло наказано!

Хотя, по большому счёту, было ли это злом, на самом-то деле? Оговорили, отыгрались, сгустили краски, причём всё так стремительно, что никто в батальоне, ни сам комбат, ни его заместитель по политчасти, не успели отреагировать, как их самих начали пропесочивать на более высоком уровне и там же принимать категорические решения.

Они в политотделе, дескать, зорко следят, то есть стойко держат оборону на этом фронте, а вот в батальоне близорукие собрались, да ещё и безответственные!

...Так что знал комбат, но жизнь есть жизнь, и у неё свои законы. Это он тоже знал.

...Разведбат уходил в рейд в направлении Файзабада. Планировалась проводка большой колонны с материальными запасами для мотострелкового полка, который находился, можно сказать, в отрыве от всего мира. Как там говорили: «Это у вас мир, а у нас — Памир». И этим всё было сказано.

Так что в зиму им всегда подвозили всё необходимое большой колонной. Проводка же этой колонны была, по сути дела, полноценной боевой операцией. Душманы тоже готовились встречать колонну... Потому-то наши сначала и направляли разведбат.

А как долго он будет решать свои, разведбатовские, задачи, и какие они на сей раз — никто из простых смертных не знал и не ведал. Да так и должно быть. А то ведь «духи» не посмотрят на былую славу и прошлые боевые заслуги и так отметелят, что мало никому не покажется. Да и вообще — война план покажет. Это про них.

Усиление для разведбата — подвижная медицинская группа. Вот с ней-то санинструктором и уходил ефрейтор Гришин. Для кого ефрейтор, а кому-то — судьба, наверное. Да вот горькой она оказалась, почти с самого начала. Наверное, от запретов, тревог и ожиданий. Хотя на войне это обычное дело...

Вернулся разведбат дней через десять. Вернулся с потерями. Увы, редкий выход обходился без этого. Вот и на сей раз были и «двухсотые», и не менее десяти «трёхсотых».

Да и вернулись не все.

До полувзвода солдат осталось на вновь созданном блокпосту. Так стало надо. Оседлали караванный путь, и этот пост надо было сохранить. Медиком с ними остался ефрейтор Гришин. Остался или оставили — кто же его знает, значит, так действительно было надо.

Снимут пост или придёт замена, вот тогда и вернутся. В том числе и он, ефрейтор Гришин.

Ирине сочувствовали как могли. Она старалась не подавать виду, но разве скроешь боль и тревогу.

Так прошло несколько недель, затем месяц, известий с блокпоста не поступало.

Это было хуже всего.

Проводка колонны постоянно переносилась по срокам. Были на то основания.

Зима не заставила себя ждать. Перевалы засыпало снегом, и все планы сковала неопределённость... Вот она-то и вызывала различного рода толки и слухи...

Сослали, дескать, парня отцы-командиры от греха подальше и тем довольны.

— Что-то я майора-рентгенолога, из прикомандированных, давненько не вижу, ни в строю, ни в столовой. Он чем у нас так захлопотан? Передвиж-

ка стоит, а его нет, другое дело — выехал по точкам, но машина-то его постоянно здесь, это как понимать? — комбат взглядом и словом в упор впился в начальника штаба. — Раньше, насколько я помню, вы всегда его в наряд ставили, а сейчас что, поблажка вышла, что ли?

— Да нет, здесь другое, — начальник штаба усердно стал выкладывать на стол комбата бумаги, — подпишите вот здесь, а то проверка из дивизии предполагается: опять начнут канючить, что комбатом бумаги не подписаны.

— Не подписаны, потому что вовремя не представили, а не представили, потому что не отработали так как надо. Вы не ответили на мой вопрос: так что там всё-таки с майором случилось?

Комбат, очевидно, что-то знал, коль так выпытывал. Неспроста это, явно неспроста. Знать, шила в мешке не утаишь, это уж точно.

— Да как сказать, асфальтовая болезнь у него приключилась, я так думаю, — начальник штаба сосредоточенно начал складывать документы в портфель.

— Это что-то новенькое в медицине. Асфальтовая — это как?

— Да очень просто: вечером шёл себе человек по асфальту, никого не трогал, но неожиданно запнулся и упал. Упал лицом об асфальт. Сейчас его честному народу показывать нельзя. Пока — нельзя. Разве что в маске. В маске от противогАЗа, — начальник штаба распрямился и уверенно посмотрел на комбата. — Замполит разве ничего не докладывал на этот счёт?

— Да от вас правды, доложенной вовремя, разве добьёшься. Вечно вы всё стараетесь спустить на тормозах. Надо не надо — скрываете, а потом расхлёбывать приходится ещё тяжелей. Замполит сам

по себе, а вот вы обязаны были по службе сразу мне доложить докладной запиской. Так что там случилось?

— Да в целом-то обычная история: решил майор приударить за одной тут медсестричкой. Как там и что, я точно не знаю, короче говоря, прохода ей не давал. Его предупредили — по-хорошему. Всё равно, видно, не понял человек, вот потому и упал. Это он уже потом упал, а сначала-то предупредили. Ходил бы своей выверенной дорожкой, ничего бы тогда и не случилось. А так — пойдёшь теперь разберись. Никто ничего не видел и не слышал. Так всегда бывает с непонятливыми. Поздно доходит, но сейчас пошёл на поправку. Уже работать рвётся, — начштаба выложил информацию с некоторой удручённостью на лице, но с твёрдой уверенностью в правильности подходов в обучении.

— Вы представляете, какой шум будет, если это дойдёт до политработников? — комбат без всякой рисовки схватился за голову. — Ужас! Не напрасно, знать, приказы запретительные по такому поводу пишут. Бойцы подняли руку на офицера! Трибунал и всё такое, можно заранее сушить сухари! — он в раздражении смял пачку сигарет и бросил её в мусорное ведро. — Накурился уже до тошноты.

— Ничего не дойдёт, пусть меньше пьёт, тогда и падать не будет. А потом, почему обязательно бойцы? Офицеры наши тоже порядок знают и своих в обиду не дадут. Так что майор науку переживёт. Не будет впредь на два фронта работать. Болезнь это такая — асфальтовая. О ней лучше молчать и лечить её втихую, в смысле — остороженько так, без огласки. Зато другим будет неповадно, — и уже совсем по-деловому начштаба добавил: — Мы его на днях в Пули-Хумри спровадим, пусть косточки свои поразомнёт, засиделся тут у нас.

— Ладно, педагоги грешные, познания у вас в этом вопросе, я посмотрю, основательные. Расследование этого случая всё равно проведите. Хотя бы негласно. И вот ещё, скажите, что там с блокпостом разведбатовским: сколько они там ещё пробудут? Уже вроде бы и проводка колонны состоялась, а они всё не возвращаются. Какая по этому вопросу есть информация? Мне этим Гришиным уже все уши прожужжали: когда да когда его вернут. Это ведь из-за его Ирины, медсестры из инфекционного отделения, майор-то захворал? — комбат неожиданно проявил свою осведомлённость, разом помягчев в голосе, начштаба про себя ухмыльнулся, но вида не подал. — Любовь это. Понятно вам, товарищ майор? А всем остальным — сделать прививку, чтобы не болели больше. Пусть по асфальту строем ходят да с песней, тогда и падать не будут.

— Да, говорят, из-за неё... А про блокпост выясню... — начштаба в глубине души сделал выдох: кажется, обошлось.

...Блокпост сняли только лишь после Нового года. Вернулся вместе со всеми и ефрейтор Гришин. В батальоне облегчённо вздохнули. Живой. Вернулся.

Весной — на дембель. Сколько там осталось — всего-то ничего...

...Оно так и случилось. Уезжали они вместе с Ириной. Уезжали к нему на родину. В Казахстан. Были счастливы и обручены. Всем приказам и установкам вопреки.

А если это любовь?

На жизненном фронте было без перемен... По-прежнему...

Уха

Уха, ну и что из того, что уха. Уха, так уха, нравится, ну и пусть так себе называют этот суп из рыбы. Казалось бы. Что в ней такого особого нашли? Вода да рыба. Ну, да ладно, согласен, рыба рыбе рознь. Это уж точно. Для этого дела рыба нужна особая, желательно хищная и не всегда жирная. Обязательно — свежая, а закладывать её тоже надо не сразу, а порциями.

Это вообще — процесс. Да, там же от самого процесса — пальчики оближешь! Да, ещё с луком! Вот с солью — переборщить нежелательно. Всё остальное в ней — по желанию. Кроме перца, лаврового листа и... водки. Водка, не в смысле во время поедания ухи, а в конце её приготовления. Немного надо, обязательно. Водку — в уху, для начала. Смысл в том особый.

Хотя после, то есть во время поедания, — тоже надобно, причём тоже по желанию. Но если без водки, это точно — рыбный суп. И не иначе.

Ведь под уху-то и разговор вяжется. Без напряжения, сам по себе.

Уж это — как водится. Вот как сейчас, к примеру.

...Но чего это я вдруг про уху вспомнил? Тем более когда? Ранним утром, выбираясь из цепких объятий благодатного сна. Ведь это же надо. Про уху, да ещё и про водку.. Вот тебе и утро...

А всё это, наверно, от того, что перед сном просматривал фотографии прежних лет.

Детские — не в счёт. Из взрослой жизни. На них старые друзья, некоторых, без преувеличения, можно назвать не только старыми, но и боевыми.

А иных, увы, уж нет...

Да, всякое бывало. В том числе и уха была. Да такая, что пальчики оближешь.

Потому-то детские фотографии и не в счёт, ничего мы тогда в ухе не понимали. Нам главное тогда было сбежать на рыбалку, а что там и как из наших пескарей да гальянов приготовят, это уже не имело никакого значения. Ровным счётом. Главное — из дома вырваться и надолго...

У каждого возраста свои ориентиры и свои ценности.

...А вот на фотографиях первого периода воинской службы, ныне уже изрядно далёкого, но, пожалуй, самого трепетно близкого — там уже просматривается понятие ценностей рыболовецких. Как до неё, так и после.

Только представьте себе: десантная бригада в летних лагерях. Украина, благодатный край, мы все молоды, жизнерадостны, полны служебного и воздушно-десантного задора.

Порой и бесшабашности тоже.

С раннего утра — парашютные прыжки. Затем укладка парашютов и попытка отдохнуть после обеда. Солдатские щи, несмотря ни на что, быстро надоедают.

У нас гражданский врач — Цегельный Глеб Михайлович. Этим всё сказано. Крепок духом, телом и жизненными устремлениями. По принципу: «Бац, бац — и мимо».

Причём — во всём. Кроме рыбалки.

А рыбалка здесь отменная. На удочку — окунь, плотва, ерши. Большие и маленькие. Чаще, конечно, маленькие, но — много. Клёв обеспечен всегда — лёжа, стоя и с колена. А что ещё для ухи надо?

И так каждый день.

Рыбу Глеб Михайлович ловит с утра, как и положено, на утренней зорьке, независимо от погоды.

Мы, офицеры, — медики и прапорщики — на прыжках с парашютом. Каждый день, как и положено. На обеспечении прыжков, да и сами умудрялись прыгать вместе со всеми. А то как же...

У нас небольшой, но отдельно расположенный медицинский городок.

Уютненький и обжитой.

Обеденный стол прямо на свежем воздухе, под навесом.

Уху готовит Марья Александровна. Она старшая медицинская сестра. Фронтовичка, между прочим.

Расторопная, неунывающая, готовая всем и во всём помочь, скорая на слово и дело.

Вот такие-то и выиграли войну. Да они в неё и не играли. Они воевали наравне с мужиками. Поэтому-то всё знают и всё умеют.

При случае — за словом в карман не лезет, невзирая на должность и воинское звание собеседника.

А уж в ухе-то она знала толк. Это точно. Особенно — что за чем туда надо положить и чего потом туда же и добавить... Хоть и говорят, что приготовление ухи — дело мужское, но тут совсем другой случай. Здесь Мария Александровна — царь и бог, да и воинский начальник — одновременно.

Во время того и после того.

Потом, после её ухи, наступало блаженство. Земное, в палатке с приоткрытым пологом, не раздева-

ясь, но с упором на спину. Блаженство с душевным храпом...

...Вот и на этот раз наша Марья-искусница, как всегда, на высоте.

Мы, человек пять нас офицеров и прапорщиков, вкусив её божественное блюдо, можно сказать, прилегли, лишь изредка перекидываясь отвлечёнными фразами.

...Марья Александровна собирала посуду. Червь сомнения между тем не давал ей покоя, и она громко, внятным командирским голосом попыталась уточнить для себя обстановку:

— Глеб Михайлович, а вы-то сами, уже уху ели или ещё нет?

Полог палатки на мгновение вздрогнул, приподнялся и замер, а затем, казалось, взлетел от дружного хохота.

Оттуда, из палатки, в несколько голосов хахакнули:

— Да, давно уже, с самого спозаранку.. — и снова хохот.

Для сердобольной хозяйки это был не ответ.

— Так вы да или нет? — на сей раз она уже была осторожней со словом «уха», чувствуя в том явный подвох. — А то сам, понимаешь, ловил, ловил, а за стол вместе со всеми-то и не пришёл.

Палатка, зайдясь в истерике, мелко постанывала, она, палатка то бишь, вместе со своими постояльцами всё воспринимала по-своему — и заботу, и слова тоже.

Глеб Михайлович выглянул из приёмного кабинета.

— Милочка, я в этом деле-то первым как раз и был, её, уху, ел самым первым. Пробу, так сказать, снимал...

Палатка неистовствовала с новой силой.

— А эти-то олухи чего там заходятся? — Марья Александровна никак не усматривала подвоха ни в словах, ни в действиях...

— Да юмор у них такой, словесный, можно сказать, воздушно-десантный, не обращайтесь на них внимания, пройдёт это, с годами пройдёт, ведь должны же они когда-либо поумнеть, что, мы их зря с вами ухой кормим.

...Уха у нас бывала часто, но эта запомнилась особо.

...Перебираю фотографии дальше... А вот это — уже Дагестан. Нет, рыбы на фотографии нет.

Там тогда было совсем не до рыбалки. Там шла война. Жестокая и коварная.

Они нас или мы их. Другого не дано.

Небо-то какое бездонное и без единого облачка. Хотя и жаркий августовский день, а оно суровое и напряжённое. И — холодное. В буквальном смысле.

Тогда, как сейчас помню, с большими потерями удалось сбить бандитов с господствующей горы. Господствующей — в оперативном отношении. Звалась она — Ослиное ухо. Упрямой гора оказалась. Точно соответствовала своему названию, как по внешнему облику, так и по характеру, вернее норову.

Вокруг тоже — горы. Свесили свои усы, утомлённые собственной мудростью. Или обречённостью. С уверенностью сказать затрудняюсь.

Внизу вдоль дороги располагается аул. Название его — Тандо. Сколько буду жить, столько его буду помнить. Да, наверное, и не я один.

Когда спустя четыре года я случайно разговорился с одним молодым человеком, у него на лацкане пиджака я увидел нашивку ордена Мужества, он оказался участником событий именно в Тандо, то

обрадовался ему, как родному и близкому человеку. Мир действительно — тесен.

Там, в Дагестане, он был лейтенантом, командовал взводом, чудом остался жив. После войны уволился, вот встретились здесь, в Самаре. Прошло уже четыре года, а ему по ночам снятся кошмары. По-прежнему. Оттуда. С гор.

...Бандиты засели в заранее подготовленных убежищах, прямо в ауле. Да и не убежища это вовсе были, а настоящие доты. В несколько этажей, с хорошо развитой сетью подземных сообщений. Даже не подземных, а подскальных. Никакой артобстрел либо огневой налёт авиации им не был страшен. Отсидаются в схроне и снова ведут огонь.

И так день за днём.

А Дагестан тогда стоял перед выбором. За кем идти.

Россия — в упадке. Ослаблена, как никогда. С силёнками подсобиться — и ты автономен, а то и вообще суверен. Как Чечня, к примеру. А что, выход к морю есть, нефть тоже, чеченцы — исторические братья, да и по крови — тоже. При случае — помогут. Вот и сейчас, они ведь пришли протянуть руку помощи свободолюбивым народам Дагестана! Лови момент!

Да и армии, по крайней мере, прежней, подготовленной армии, у России уже нет. Так, несколько батальонов, да и то разбросаны по всему Кавказу.

Пытаются силами десантников что-то сделать, но сколько их? Горстка!

Есть над чем задуматься. Надо посмотреть — чья возьмёт.

...Тандо не даёт возможности развернуть преследование противника, сбитого с Ослиного уха. Там

которые сутки идёт бой. Большие потери. Очень важен фактор времени.

Бандитов надо выкурить либо уничтожить.

Командование решилось на применение сверхмощного оружия. В смысле его проникающих огневых возможностей. Использование его грозит информационным скандалом, но другого выхода нет. Дагестан контужен происходящим. И ожиданием.

...Этот удар был решающим. Тандо замолчало. Наступление пошло с нарастающим успехом. Войска воспряли духом.

— Ухи бы мне, горяченькой ухи да с перчиком! И побольше!

Довольно молодой по возрасту полковник, восседавая на придорожном валуне, повторял одну и ту же фразу. Руки его сотрясала крупная дрожь, глаза расширены, устремлены в никуда.

Я знал его раньше: уверенный в себе, ничем, при любой ситуации, не смущаемый, с большими жизненными и служебными перспективами. И полномочиями тоже. Таким он был, но днём раньше.

Сегодня он руководил огневым налётом и, как выяснилось, видел его впечатляющий результат.

— Ухи бы мне, — я стою напротив — он смотрит сквозь меня. Слегка приобняв, поднимаю его, и мы идём к палатке медицинской роты, развёрнутой прямо на передовой.

В медицинской роте все сотрудники при деле. Лишних разговоров никто не ведёт и докладов по форме не требуется.

— Налейте полстакана спирта, — пользуясь своей командирской властью, даю команду в приёмном отделении. — Пей, брат, так надо, это медицин-

ский, — говорю я своему подопечному, лишь слегка разбавив содержимое стакана водой.

Лекарство подействовало. Дрожь в руках унялась. По крайней мере — тогда.

Думаю, что с душой будет всё намного сложнее. Но ничего не поделаешь. Так было надо.

...Эффект от огневого удара был для многих отрезвляющим. Как по результату, так и по его последствиям. Отрезвляющим и переломным, по крайней мере — на тот момент.

Он породил патриотические и центроостремительные настроения в Дагестане. Да, пожалуй, и не только в нём.

Кавказ оставался верен себе во всём. Он по-прежнему уважал силу и непреклонность в достижении цели.

...Я после того случая как-то охладел к ухе. К тому же и не до рыбалки нам было в те времена... Да и воспоминанья сказывались, наверное.

Слава Богу, время всё-таки — хороший лекарь. Охладел, но не навсегда, а это уже радует.

Если что, то готов хоть сейчас. Как на рыбалку, так и на уху.

Жизнь продолжается.

А рыба для ухи должна быть хищной. Желательно. И уж обязательно — свежей.

И не иначе. Надеюсь, что и вы такую уху пробовали, а может, даже и ели...

А если нет, то милости просим, давайте к нам, всё будет по-настоящему, без подвоха, уж это — точно...

МЫКЫТА

-Ну и фамильцей же вас Бог сподобил... — Это не Бог, а отец. Ничего особенного в моей фамилии нет, бывает и хуже, а здесь всё становится понятным сразу: Кошмар, и этим всё сказано. От слова — кошма, сумка, карман, ну и тому подобное. Для моей работы очень даже подходит...

...Такой диалог произошёл у меня невольно при знакомстве со своим заместителем по тылу. Заместителем по тылу в медицинском батальоне, куда я прибыл командиром.

Тоже ничего особого, но только этот батальон был в Афганистане. Да ещё раненых и больных в нём находилось порою свыше тысячи. Одновременно. К тому же ещё каких больных: гепатит, брюшной тиф, малярия, ну и тому подобное... Короче говоря, весь спектр инфекционных заболеваний того времени и того места. Одним словом — кошмар.

А тут ещё и заместитель с такой же фамилией. Одно к одному.

Казалось бы, а он-то тут при чём? Больные, раненые — это удел врачей, медицинских сестёр.

Да вот при том. Все они должны быть накормлены, напоены, размещены и обеспечены всем необходимым. Даже если это Афганистан и к тому же — независимо от времени года и боевой обстановки. Должны быть обеспечены по полной программе, и точка!

Вот в этой-то точке, и было всё дело.

Потому как поставка всего потребного производилась с Большой земли, то бишь из Союза, через Хайратон, что на северной границе Афганистана, на другом берегу Амударьи. А до Хайратона от нас — 150 километров. Можно добраться вертолётном либо колонной. И то, и другое — в идеале. А если туманы и нет возможности авиации совершить вылет? А без сопровождения авиации и колонну-то не выпустят. Тогда что? Короче говоря, кошмар.

Вот именно в такой обстановке и нужны такие как Кошмар или ему подобные.

...Если Кошмар идёт по батальону с горящим, устремлённым в перспективу взором — значит, выпил. И не только выпил, но и ещё хочет выпить. Хуже того — обязательно выпьет.

Он весь такой — высокий, сухой и жилистый, сорокапятiletнего возраста мужичок.

В воинском звании — майор. В графе образование — прочерк. Из сверхсрочников. А это означает — может сделать всё, даже если что и не по силам — всё равно может.

И обязательно сделает, правда потом может об этом и пожалеть, но сделает — обязательно.

Оттого глаз да глаз за ним нужен. Бойтся парткомиссии, но вполне её заслуживает, в смысле вызова на парткомиссию заслуживает, с вытекающими обстоятельствами, естественно... Я тоже не один раз порывался его туда сдать, но удерживал себя от этого... Грешным делом удерживал...

Удерживал, потому как не решил для себя ещё окончательно, что же мне с ним делать — сдать ли его в парткомиссию или представить к ордену. По заслугам, для него и то, и другое — в самый раз... Достоин то есть, да и заслужил...

Когда он трезв — спуску не даст никому и ни в чём. Вьедливый и неугомонный хохол.

Вот из таких всегда выходили лучшие сержанты и старшины. Этот хуже того — вышел в майоры. Под конец службы, но вышел.

Меня он иной раз называет «батей», хотя старше возрастом без малого на полтора десятка лет. Мне это лестно, но вида стараюсь не подавать. Как-то раз меня так же попытался назвать один из заместителей — получилось неестественно, пришлось напомнить, что меня следует называть «товарищ майор». Подействовало. А его, заместителя по тылу, одёрнуть не пытался. У него это как-то получалось к месту и по делу.

Я же к нему обращался по имени отчеству — Владимир Артёмович и лишь в отдельных случаях величал его «Мыкытой». Это когда он неуклюже пытался сделать благое, а получалось наоборот.

...Однажды к нам в батальон с дружеским визитом прибыла команда афганских волейболистов. Больше некуда их было во всей дивизии в тот день направить, вот нас и подвигли на это благое дело.

В смысле — провести с ними товарищескую встречу и всё такое прочее.

Встреча состоялась. Проиграли мы тогда всухую, как и положено. Волейбол — дело, конечно, хорошее, но к нам привезли команду мастеров, пусть — афганских, но — мастеров. Наши возможности оказались куда как скромнее... И это ещё хорошо сказано...

Сухонькие афганцы взлетали по пояс над сеткой, и нам оставалось только бегать за мячом.

Бегать, но не всем. Зам по тылу, а он тоже играл в волейбол, пожалуй, один из немногих, кто представлял для афганцев достойного соперника и «мо-

чил» мяч своей рукой, больше похожей на клешню, со всей пролетарской ненавистью.

А в остальном — кошмар.

После волейбола мы предложили гостям отобедать в нашей столовой.

Сам я сказался занятым и поручил это дело своему заместителю.

Он же, в свою очередь, проникнутый уважением за поучительную игру, решил накормить наших гостей настоящим деликатесом. От всей своей прижимистой, но сердобольной души.

Хранил он его, этот самый деликатес, как зеницу ока. Только в самых ответственных случаях выставлял на стол.

Ещё бы, это же была тушёнка из свинины — редкостное событие в воинской столовой!

...Ко мне в кабинет заместитель по тылу вошёл явно удручённым.

— Вот уж темнота бестолковая, даже пробовать не стали! Только чай попили — и на том всё... ну, ещё бутерброды с маслом и то — для виду. И так быстро начали собираться, а потом живенько так же и ушли... Столько тушёнки перевёл! Каждому, считай, по банке открыл. По целой! Вот, смотрите, — при этом он выложил на стол свою драгоценность.

С яркой наклейки на меня задорно уставилось умильное свиное рыльце.

— Мыкыта, ты Мыкыта, совсем уже с ума спятил, ты хотя бы подумал, кому же эту тушёнку предлагаешь! Это же мусульмане!

— Так сало же... — зам по тылу даже представить себе не мог, что кто-то может усомниться в ценности этого продукта, — сало же там, такое замечательное, черниговское...

Ну, кто он после этого?! Мыкыта и даже хуже!

Я замахал руками, словно от зубной боли:

— Всё, всё, свободен, как ветер, можешь сам съесть эти консервы, коль не понимаешь, с кем имел дело. Это же Восток! Всё, всё — свободен.

Смех и грех, конечно.

Но вот как-то по осени, во время сильнейших туманов, когда проводка колонн с грузами застопорилась, а количество раненых и больных у нас оказалось запредельным, зам по тылу проявил себя уже в другом качестве.

Как-то под вечер он вошёл ко мне в кабинет с крайне удручённым видом и без обиняков заявил:

— Завтра еду в Хайратон. Нечем кормить больных, на одной тушёнке с перловкой их держать не могу, да и та уже заканчивается, — при этом он плюхнулся к столу и выложил путевой лист, вроде как уже всё решил сам, а я только должен выполнить формальность — подписать.

— Владимир Артемьевич, вы разве не знаете, что колонны временно не выпускают за пределы гарнизона? В крайнем случае можно только выехать на наши дивизионные склады в Северный и на том всё. Есть же приказ по этому поводу, да и кто вас выпустит в Хайратон без поддержки с воздуха и без бронегруппы? На первом же посту остановят и вернут восвояси...

— Да это я знаю, но всё равно сидеть и просто ждать не могу. И так уже больше двух недель ждём с моря погоду, будь она трижды неладна... Этот туман, да он, может быть, ещё месяц простоит, тогда что? Отпустите тогда хотя бы в Северный, — он удручённо мям свою полевую шляпу.

— А броня: её вы заказали или нет?

— Да что броня, возьму наши БРДМки, мы, что же, зазря их из оврагов вытаскивали да ремонтировали, пулемёты же на них стоят. Вот и всё, с ними

и пойдём, как-нибудь обойдёмся. А потом, не первый же раз. Прорвёмся, батя.

— Ну вот что, не дави мне на мозоль. На Северный отпущу, так и быть, давайте сюда путевой лист. Продумайте там с начальником штаба состав группы, готовьте её, потом доложите. Да, порядок связи отработайте, проверьте рацию и всё такое... Но только — в Северный, ясно! — суровым голосом стараюсь подчеркнуть категоричность решения.

— Ясно. Ну, я пошёл, — совсем по-обыденному ответил заместитель по тылу и, больше прежнего сутулясь, вышел из кабинета.

...Поездка в Северный и обратно занимала, как правило, двое суток, это максимум.

К концу вторых суток я задёргал начальника штаба по поводу связи с колонной. Почему не отвечает зам по тылу?

Наконец меня обрадовали: он в Хайратоне, якобы приступил к погрузке продуктов в авторефрижератор.

Гнев мой был неукротимым и без тени притворства.

Как только он удосужился пойти без прикрытья? Да ещё такое отклонение от маршрута, в нарушение приказа комдива! Это же без малого — преступление. Риск — невероятный!

Видно, поэтому, когда я требовал на связь своего заместителя, связь сразу прерывалась, начинались мыслимые и не очень помехи и тому подобное. Он знал, что ему за это будет, потому и скрывался от меня.

Между тем туман не спадал. Воздушное прикрытие обеспечить не было никакой возможности.

Колонны стояли безвыездно. Продукты, даже в рефрижераторах, могли испортиться.

К исходу четвёртых суток, где-то под вечер, начальник штаба доложил мне о том, что майор Кошмар со своей колонной стоит у городка на КПП и его не пускают в гарнизон. То есть он вернулся, прибыл то бишь...

— Как на КПП? Да кто же его выпустил из Хайратона? — я вскочил с места и в буквальном смысле прижал начальника штаба к стене. — Вы же докладывали мне, что он стоит вместе со всеми на месте?

— Говорить-то говорил, но он как-то вышмыгнул, наверное, накатил бакшиш кому положено, вот его и выпустили, это же Кошмар, — начальник штаба понимающе улыбнулся, — теперь-то надо его здесь пропустить, пока до комдива не дошло, иначе будет хана...

...Комдив тогда ничего не узнал, а я, хоть и крыл заместителя последними словами за самоуправство, но, как говорится, победителей не судят.

— Ладно, Артёмыч, давай отдыхай, за продукты, конечно, большое спасибо, но по-доброму за такой «подвиг», взгреть тебя как следует надо бы, но вижу, ты очень устал. Так что отдыхай. Иди отоспись и поменьше об этой проводке распространяйся, а то быть беде... Это же хорошо, что так всё обошлось. Везёт тебе, да и мне, пожалуй, тоже...

Это я уже на радостях был такой миролюбивый...

...Спал он тогда, по меньшей мере, сутки напролёт...

Под вечер следующего дня ко мне в кабинет вошёл прапорщик — начальник морга.

— Товарищ майор, а чего он не забирает его, сказал, что для комбата, а сам не забирает.

— Кто «он», и кого он не забирает, говори толком? — с этим прапорщиком я был всегда предельно жёстким и категоричным, заслуживал он того...

— Да барана этого...

— Какого барана? Ты что, опять пьян? Причём тут морг и баран? — я жёстко взглянул на прапорщика: водился за ним грешок, потому и не стоило с ним особо церемониться.

— Да вчера майор Кошмар притащил ко мне живого барана, сказал: «Пусть побудет пока», потом я его заберу, это подарок для комбата...»

— Какой подарок, какого барана, вы что, ошалели там совсем в своём морге? — при этом яростно жму кнопку селектора. — Дежурный, вызвать ко мне зам по тылу. Разыскать и немедленно ко мне! Вот Мыкыта! Ну, держись! А вы, — обращаюсь к прапорщику, — идите к себе, сейчас он его заберёт и... — дальше я уже не мог говорить от гнева и только махнул рукой.

...Живых баранов из Союза нам, естественно, никто не поставлял, здесь была явная крамола. Ох уж этот расторопный зам! Кошмар, одним словом, да и только!

Сколько бы он тогда ни объяснял мне, что этот подарок ему сподобил приятель, начальник базы в Хайратоне, я тому не верил.

Украл, скорее всего, по дороге, в лучшем случае выменял в кишлаке, это действительно — в самом лучшем случае.

Короче говоря, кошмар!

Из-за этого барана могло быть такое, чему точно не возрадуешься. Если это чудо природы украли у афганцев — они потом отомстят. Не важно кому, но отомстят. А как мстят в Афганистане — тоже понятно.

Велико было моё желание в тот раз расправиться с замом по тылу по всей строгости, но удержался.

Уверен, что делал он это по каким-то внутренним добрым, но крамольным убеждениям.

А ведь те продукты, которые он доставил тогда таким самоотверженным способом, были нужны больным, пожалуй, больше, чем само лечение.

Все мы тогда уповали на погоду, ждали манны небесной, в буквальном смысле.

А он не мог ждать. Вот и рисковал собой и своими подчинёнными. И ему в том везло...

И мне вместе с ним...

...Убыл он в Союз, к новому месту службы через три месяца после того случая.

Убыл с орденом. За службу Родине.

И это по заслугам, моё глубокое в том убеждение...

БОБОЧКА

-Ветер умеренный, 5-7 метров в секунду, местами кратковременные дожди, — Анатолий Хаджибекович, вслушиваясь в монотонный голос диктора, постепенно возвращался в реальность. Было уже довольно поздно, телевизор рассказал все новости, как глобальные, так и местные, но Анатолий Хаджибекович, погружённый в свои мысли, лишь изредка улавливал отдельные фразы телеэфира...

Было от чего...

Вот тебе и бренность бытия. Загадала свою загадку там, где бы уже и не подумал. Ведь это же надо: прошло почти тридцать без малого лет; всё, что было, стало восприниматься совсем по-другому, и вдруг такое!

Конечно, в жизни бывало всякое: были и друзья, совместные шалости, были и подружки. А как же — всякое бывало. На то она и жизнь. Но тут... ничего себе шалости: двадцатishестилетняя дочь отыскалась! Да ещё как. Через Интернет дошла до истины и начала переписываться со своей, как оказалось, сестрой. Родной сестрой по отцу. По нему то есть.

Вот так-то, Анатолий Хаджибекович!

Да и не Анатолий он вовсе, а Тоскали. Привыкли здесь всё на свой лад перекраивать, вот и имена тоже. Ничего не поделаешь: на родину, в Таджикистан, теперь — только в гости. Давно уже обрусел, что называется. Хотя и не во всём.

Когда-то во время учёбы возмущался по поводу имени, а потом свыкся. Пусть будет Анатолий, если так удобнее. Да, наверное, свыкся. И не только с этим...

Вон дочь-то почти два года с ним не общалась. Вернее он с ней. Не знал и до сих пор не хочет признавать никаких гражданских мужей и гражданских браков! Нет, и всё тут! Ноги его в этом доме не будет! Вот поженятся, тогда всё понятно: он зять, таковым его знать будет.

А так, кроме возмущения, и к нему, и к дочери — никаких чувств. Ишь ты: «притираются» они друг к другу, присматриваются, всё характеры изучают! Потом вот дети при живых родителях сиротами и становятся. Дожили. Знаем мы, что это такое...

«Пусть кто хочет, притирается, а у нас это всегда считалось позором для отца, — Анатолий Хаджибекович поперхнулся своими мыслями. — Знать-то знаем, а вот теперь ещё и знаем, что же из этого получается. Дети получают. А потом они ещё и начинают задавать вопросы, кто же такой их папаша разлюбезный...»

Он машинально потянулся за сигаретой...

Зарок себе давал: бросить курить или хотя бы дома не курить, а оно, видишь, как получается... Где уж тут бросишь. Рыльце-то у самого в пуху...

Ну, положим, не рыльце — там были чувства. Причём взаимные. Влечение души... Слово «любовь» Анатолий Хаджибекович так и не выучился произносить. Такое избитое и двусмысленное выражение. То ли дело — влечение души...

Влечение влечением, но были ещё и обстоятельства.

Ведь к тому времени он уже был женат и даже дочь родилась. Женат был на русской, от этого тоже многое пришлось пережить... Родные долго не

хотели признавать их брак... Домой зачастую удобнее было приезжать одному. Меньше слёз и укоров. И вот, поди же ты, а потом ещё появилась в сердце заноза... Ничего с собой поделать не мог. Ещё неизвестно, чем дело кончилось, если бы не уехал тогда учиться в Ленинград... Из далёкого воинского гарнизона уехал, можно сказать, в столицу.

Она работала по контракту в военном госпитале медицинской сестрой. В Забайкалье это было, небольшой военный городок... Там всё было по-особому. В смысле жизнь — особая, гарнизонная. Она — операционная сестра, а, значит, для него первый помощник. Ведь он хирург, тем более ведущий хирург. Тем и запала в душу...

После отъезда старался забыть о ней, помогало время и расстояние. Кроме того, в семье вскоре по приезду в Ленинград родился сын, а это для любого отца — особая статья...

Воспоминания о прошлом, конечно, были, но потаёнными для семьи и даже для себя... Того, что у него может быть ребёнок от той женщины, он не исключал, но чтобы точно знать... Нет, не знал...

Прошло время, многое в жизни поменялось. О службе в армии теперь уже вспоминалось реже... Повседневная кутерьма, взрослеющие дети и больная жена — всё это отодвигало прошлое... Дети пошли по его стопам — стали врачами. Но и только-то. Работа по специальности не привлекала ни дочь, ни сына. Дальше — хуже. Профессионального языка с отцом они не находили, а тут ещё и конфликт возрастов, характеров и жизненных устоев... Разошлись в жизненных интересах и месте проживания. Отцовский домострой никого из них не устраивал. К тому же вскорости ушла из жизни мать... Дети стали жить сами по себе. По праздникам обходились телефонными звонками... Он сам в

гости не приглашал, они откровенно побаивались его нравоучений и категоричности во взглядах на жизнь, на выбранных друзей и на уровень общения с ними.

Увы, не он первый и, наверное, не последний... Каково же пожилому человеку ощущать себя посторонним и одиноким в своём семейном клане!

И вот — надо же....

— Отец, скажи, но только честно, ты знаешь, что у тебя есть ещё одна дочь? Внебрачная. И вообще, возможно ли это, ведь ты такой моралист?

Гром среди ясного неба мог быть более ожидаемым, чем подобный вопрос. Глаза дочери не столько ждали ответа, сколько реакции на сам вопрос.

Анатолий Хаджибекович подавил сиюминутный гнев, так как почувствовал в словах дочери искреннюю заинтересованность, какую-то особую глубину переживания и... готовность к пониманию. А ещё — вопрос-то был явно неспроста задан. Значит, что-то знает. Может быть, даже больше, чем он сам.

— Не понял, поясни...— руки его непроизвольно стали искать зажигалку. Сам же он не отрывал взгляда от дочери. Он давно уже не видел её такой, она вдруг предстала перед ним в другом свете: взрослая какая-то и неожиданно рассудительно-мудрая...

— Я познакомилась с молодой женщиной. Она живёт в Харькове, на Украине. Познакомились по Интернету. Так вот, по всем данным она твоя дочь, а нам, соответственно, сестра.

— Кто её мать? — Анатолий Хаджибекович затянулся сигаретой и, не дослушав ответа, выдохнул: — Ты можешь мне показать её фотографию?

Миловидное молодое женское лицо с едва уловимым восточным росчерком миндалевидных глаз

рассеяло все возможные сомнения. Глаза были точно такими же как у его сына и дочери, да, пожалуй, и у него самого. Он, как в полусне, слушал о том, что его вновь обрётённой дочери уже двадцать шесть лет, у неё есть ребёнок, она педагог по образованию... В себя пришёл лишь после того, как дочь дважды повторила:

— Теперь ты дедушка, Бобо то есть. Ты же любишь, когда тебя так называют на работе. Вот теперь ты настоящий Бобо! И вообще, она хочет к нам приехать в гости... Так что ещё можете и повидаваться...

Для одного дня, пожалуй, слишком много новостей, пусть даже и хороших.

Анатолий Хаджибекович вроде бы хотел что-то сказать, но закашлялся, тяжело поднялся с кресла и ушёл курить на балкон. Это негласно означало, что он хочет остаться один...

Дети, а они пришли на сей раз вдвоём, что было крайне редко и, пожалуй, удивительно (брат и сестра тоже давно отдалились друг от друга), ушли к себе домой, не особо задерживаясь и без лишних слов прощания. Видели его смущение и несвойственную ему растерянность... Сын вообще за весь вечер произнёс в лучшем случае с десяток слов. Было непонятно: он этим самым осуждает отца или же просто настолько погружён в свои мысли.

Анатолий Хаджибекович ещё долго смотрел на закрывшуюся за ними дверь...

Память невольно приоткрывала тронутые временем страницы... Слышался звонкий заразительный смех неунывающей хохотушки, которая всегда была в хорошем расположении духа и казалась неутомимой в работе, да и в самой жизни... Расторопная, внимательная и... нежная.

Равнодушным к ней остаться было невозможно...

Интересно, какая же она сейчас?

Нет, конечно же нет, после стольких лет забвения пытаться склеить то, что не срослось, да и не могло срастись тогда... Не об этом сейчас речь...

Это просто любопытство. Сколько лет, сколько зим? А теперь вот ещё и дочь...

Здесь ещё сложнее... Спросит: где же ты был, отец разлюбезный, когда я только родилась, когда училась ползать и ходить, когда болела или когда меня обижали? Когда пошла в школу, да и потом?

Где же ты был?

От этих вопросов становилось не по себе, и конечно же ему оставалось только одно: знать, что она есть, и не более. На что-то надеяться, чего-то ждать — невозможно.

Какие чувства она может к нему питать? Лучше уж об этом и не думать...

Это так, только вот куда ты от них, мыслей этих, денешься?

На следующий день Анатолий Хаджибекович, всегда собранный и конкретный в действиях и указаниях, немало удивил своих сотрудников какой-то отрешённостью. Был неразговорчив и угрюм. Вечером, сославшись на нездоровье, отказался даже от похода в баню. Любимое его занятие, а вот, видишь, что-то, значит, не так...

Дома долго рассматривал старые фотографии. Армейские — в особенности. Ещё — много курил. Во сне тоже был беспокоен. Проснулся рано. Ощущал себя невыспавшимся, а оттого раздражённым уже с утра. Бреясь, обратил внимание на поникшие усы, особенно с левой стороны, и почему-то слезящиеся глаза.

«Да, дожился, Бобо. Посмотри, на кого ты стал похож. Довольно себя терзать. Не ты первый. Этому, может быть, радоваться надо. У тебя же ещё один ребёнок появился! Да ещё и внук в придачу! Это же счастье! — внутренний голос пытался верховодить мыслями Анатолия Хаджибековича, хотя и удавалось это с трудом. — Слыхал, даже приехать хочет! Это тебе как? Жизнь продолжается, не вешай нос, старина!»

Весна утопала в тюльпанах. От них исходил парной аромат земли и зелени, казалось, что это аромат самой жизни...

— Бобочка, Бобочка, — маленькое босоное существо, зажав в ручонке цветы, бежало к разлапистому карагачу, в тени которого нежилась пожилой аксакал. Ласково жмурясь, он внимательно следил за ребёнком, радуясь за него и одновременно опасаясь за его неугомонную натуру, которая получила волю и всю проявляла интерес и любопытство.

Ребёнок, самозабвенно смеясь, бежал к бабушке, но расстояние между ними не сокращалось. Он по-прежнему лопотал:

— Бобочка, Бобочка, — но, казалось, между ними была невидимая стена, которая непреодолимо отделяла их друг от друга...

Анатолий Хаджибекович попытался приоткрыть глаза...

— Бобочка, Бобочка, — явственно слышалось ему. Не было поляны с тюльпанами, ушёл в небытие карагач вместе с аксакалом, но голос ребёнка оставался...

Он вдруг почувствовал детское прикосновение к его руке и только тогда увидел маленькое вихрастое существо.

— Бобочка, — это к нему обращался ребёнок, рядом с ним стояла молодая незнакомая женщина.

«Какая красивая, — подумал Анатолий Хаджибекович и только тогда ещё раз, уже более внимательно, посмотрел на неё. — Да ведь это же...» — и он снова впал в забытьё.

Когда он снова очнулся, в больничной палате уже никого не было. Мерно работал кондиционер. Капельницы с лекарствами делали своё дело...

«Сколько же времени я здесь нахожусь, и что со мною случилось? — он вполне осмысленным взглядом осмотрел палату. — Всё понятно: реанимация, но что у меня? Неужели инсульт?»

Он попытался пошевелить руками — удалось с трудом. Память постепенно возвращала его в те размышления о бренности бытия и зигзагах жизни. Именно тогда он почувствовал слабость в правой руке и головокружение, и... Дальнейшее он уже и не помнил.

Не помнил и конечно же не знал о том, как у него случился инсульт. Что вот уже без малого неделю он находится в реанимации, что его дочь позвонила на Украину своей вновь обрётённой сестре, рассказала о случившемся, и та, истинно святая душа, прилетела сюда самолётом и не одна, а с сыном.

Ей очень хотелось увидеть отца и показать его сыну...

В дороге она рассказывала ему, что его дедушку ещё раньше, много лет назад, когда он служил в армии, солдаты называли «Бобо». Они его любили, и вообще он очень хороший, только вот сейчас сильно заболел...

Ребёнок же перевёл всё на свой лад — Бобочка... Дедушку он не знал, но из рассказов о нём уже заранее любил всей своей чистой детской душой.

«Бобочка» — и сразу стало теплее и даже лететь на самолёте оказалось совсем не страшно... И дедушка — почти такой же, как он его себе представлял. Добрый и ласковый, только без бороды... И — очень больной...

Но Бобочка поправится, обязательно поправится, его только надо погладить по руке, и ему станет сразу же легче... Так мама сказала... А она всё знает и никогда не обманывает...

А ещё мы потом поедem туда, где цветут в поле тюльпаны. С дедушкой поедem...

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

-Нет, вы только послушайте, что они пишут!
В кабинете главного врача воцарилась вопрошающая тишина.

— «Настоящим предлагаю вам прибыть для дачи показаний в качестве свидетеля по делу о получении незаконного денежного вознаграждения сотрудником подчинённого вам учреждения...» — главврач обвёл выразительным взором присутствующих в кабинете. — «...В случае неявки вы будете доставлены в принудительном порядке...» Интересно, как же оно будет выглядеть. Неужели маски-шоу? Вот это будет номер!

Возмущению в кабинете по поводу предписания, казалось, нет предела. Настольная лампа, жалобно моргнув, выключилась самопроизвольно.

И кто же, интересно, автор этого, так сказать, приглашения? Ну, так я и знал! Лейтенант юстиции, следователь! Дожили, однако! Насколько мне известно, факт взятки определяет суд, а не следователь. Суд, именно он выносит вердикт виновности того или иного лица, а соответственно, и жёсткие меры реагирования в зависимости от степени вины.

Участковый врач продлил больничный лист пациентке, она же в виде благодарности положила на стол врачу конверт с содержимым в одну тысячу рублей. В тот же момент в кабинет вошли сотруд-

ники ОБЭП, и дальше всё пошло по детективному сценарию. Допрос подозреваемых, свидетелей, руководителей, причастных и не очень к процедуре амбулаторного приёма. Отпечатки пальцев, оттиски печатей на бланках и ещё целый ворох премудростей следственного протокола.

А вот откуда следователь узнал о возможном факте предосудительных действий медика? Уж не наигранная ли это схема? Провокационная, кстати. Провокационная до слёз! Или они, быть может, надеялись, что врач будет с возмущением гнаться за пациенткой и попытаться возвернуть её подачку? Он что, подопытный кролик, что ли?

Кстати, там же есть телефон следователя. Не сподобится ли он прояснить ситуацию, пролить свет, так сказать.

— Уважаемый лейтенант, не знаю, к сожалению, вашего имени-отчества, — после краткого представления пытаюсь говорить внятно, сдерживая внутреннее негодование, насколько это возможно, — поясните мне, пожалуйста, вот вы начинаете вызывать меня, моих сотрудников в удобное для вас время, так, да? А то, что они в это самое время должны смотреть больных людей, у которых, кстати, талоны на руках на это время, что прикажете с этим делать? Их, сотрудников моих, тоже будете доставлять в принудительном порядке? — скрывать своё возмущение уже не могу, поэтому категорично заявляю: — Ни я, ни мои сотрудники не располагают возможностью в рабочее время ходить на допросы. Если есть такая необходимость и тем более основание — будьте добры, на нашем рабочем месте задайте эти вопросы. Так, пожалуй, будет уместнее. И, пожалуйста, не будоражьте наших пациентов. Не провоцируйте их! Всё. Точка, — казалось, даже телефонная трубка съежилась от моего гнева.

— Может быть, не стоило так-то, чересчур категорично разговаривать, — присутствовавший при разговоре мой коллега пытается меня урезонить, — всё-таки как-никак правоохранительные органы...

— Да кто же возражает по поводу того, что они — эти самые органы, — всё ещё ершисто реагирую на реплику, — вот виновника, другое дело, пусть приглашают или вызывают, как угодно называйте, но всех подряд — увольте. Это уже слишком! У врачей это время — время амбулаторного приёма! Ладно, кончаем этот разговор, может быть, я действительно резко высказался, но зато доходчиво.

В кабинете наступило временное затишье, после чего разговор сменил своё направление. Работа есть работа.

На следующий день ко мне в кабинет беззвучным шагом вошёл молодой человек. Магическое словосочетание «следователь прокуратуры» обезоружило секретаря, поэтому молодой человек вошёл без положенного доклада... Не скажу, что после вчерашнего разговора этот визит был для меня неожиданным: что будут последствия, никто не сомневался.

Представившись, молодой человек без предисловий приступил к делу:

— Мне поручено задать вам как руководителю учреждения ряд вопросов. Учитывая ваше прошлое, мы не стали прибегать к вполне оправданным мерам по ведению следственных мероприятий, вызывая вас к себе, а прибыли к вам сами на работу, так сказать...

— Спасибо, весьма признателен, а особенно если вы и моих подчинённых опросите на местах. Это, по крайней мере, будет наиболее приемле-

мо, — голосом стараюсь показать своё расположение к следствию и готовность к совместному поиску истины, хотя в глубине души негодование во мне не остыло.

Вопросы, кстати сказать, по большинству своему носили формальный характер и ответами совершенно не проясняли ситуации. Да и что там прояснять. Благодарили пациенты врачей и будут благодарить, по крайней мере, в обозримом будущем. Что прижилось в обществе — очень трудно искоренять. А в данном случае, как позже признался сам следователь, была обычная «разработка». Был, понимаешь ли, сигнал.

Плохо, конечно, плохо, что медики клюют на такую вот наживку, но оно есть и, увы, будет. Наверное, во всяком случае, пока будет.

— Да, а что там с прошлым? Вот вы упомянули о нём. Что имелось в виду и причём тут оно?

— Прошрое-то? Ну, вы же военный врач в прошлом, так ведь? К тому же руководили медицинской службой армии, военного округа впоследствии, так?

— Да.

— А у меня отец тоже военный медик в прошлом, он вас, кстати, помнит и мне, соответственно, говорил об этом.

— Вот даже как. Я сначала как-то не обратил внимания на вашу фамилию...

— Смородников...

— Ну, да, конечно. Помню. Правда, давно это было, и он в то время был всего лишь капитаном, но всё равно я его помню... Кстати, где он сейчас, чем занимается? — голос мой явно потеплел, хотя вопрос прозвучал несколько отрешённо. Были на то основания.

— Да всё там же. Из армии уволился, но живёт в военном гарнизоне. Сейчас вот вышел на инвалидность. Болеет. Сахарный диабет у него. По большому-то счёту ничем особым-то и не занимается. Болеет в основном.

— Что-то уж больно рано он в хвори ударился. Хотя кому что определено, здесь, может быть, не всё от тебя самого зависит...

...Память быстро восстановила образ упитанного, пожалуй, даже через меру для военного человека упитанного капитана-медика. Ещё тогда я понимал, что эта холёность и внешнее благополучие для этого молодого человека не есть показатель здоровья, а скорее, наоборот.

Но в то время приходилось думать о другом. Впереди была командировка в Чечню. Да не просто в Чечню, а в неизвестность, скорее всего — на войну. Может быть, кто-то в том далёком теперь уже декабре 94-го года и рассчитывал, что там, на юге России, всё само собой успокоится, но только не мы, военные. Нам уже тогда было понятно: впереди трагедия, а мы её заложники. А ещё нам надо было исполнять свой долг, как бы ни высокопарно это звучало... По крайней мере в моём понимании военного медика это так и было... Такого же понимания я старался добиться и от своих подчинённых. Увы, получалось не всегда. Да и как могло быть иначе. Страна развалилась, промышленное производство стоит, зарплаты не выплачиваются, у военных сплошное безденежье и безквартирье. Полная безнадёга, а тут ещё и война. Сложно было говорить о долге и требовать его исполнения. Даже военно-медицинского. Хотя его тоже нельзя отличать от общегражданского долга. В общем, холёный капитан в Чечню не поехал. Вернее не доехал. Дезертировал вместе: двумя другими горе-защитниками. Тогда я

был возмущён их поступком до предела. Сейчас — отпустило.

— И что же отец тебе рассказывал, уж не о Чечне ли? — задаю вопрос с внутренним напряжением. Неужели сейчас откроется ещё один «непризнанный герой».

Напряжение не напрасное. Весьма обусловленное. Жизнью и событиями в ней, а также людьми. Совсем недавно один пациент, именуя себя «афганцем», беспардонно, да что там беспардонно — просто по-хамски, требовал к себе особого порядка обслуживания в поликлинике, не стесняясь в выражениях и действиях, буквально терроризировал медперсонал. Все болезни его якобы результат афганской войны: контузии, травмы и прочие душевные терзания.

Когда же, пригласив его на беседу, я начал расспрашивать его о службе в Афганистане, называя даты, имена и события, он как-то странно себя повёл, а потом вскочил и вовсе — убежал из кабинета.

Позже выяснилось. Ни в каком Афганистане он не бывал. Военкомат подтвердил, что ему была выписана туда командировка, но он в Афганистан не доехал. Почему? Оставим без комментариев.

Выздоровление его было чудодейственным. Больше в поликлинике он не появлялся. Знать, полегчало.

— Да он о Чечне и не вспоминал, говорил, что уволился в самом начале событий, — следовательно лучезарно улыбнулся при этом.

Хорошая у него улыбка, между прочим. Добрая. Да и парень-то, по всему видно, неплохой... Сколько же ему было в то время? Лет пять-шесть, да, скорее всего именно так. Ладно, капитанский сын, считай, что я тоже об этом не вспоминаю.

— Ну, передавай привет отцу, он же вроде бы в частную медицину уходил вместе со своими друзьями,— выказываю при этом некоторую осведомлённость о судьбе своих бывших подчинённых. — Как они там работают, надеюсь, успешно?

— Да я бы не сказал. Что-то они там не поделили между собой. Они же занялись частной медициной как раз в те времена, про которые вы говорили. Ушли же из армии все вместе и пытались организовать своё дело, но потом поссорились. Короче говоря, он сейчас не у дел. Ждёт от меня внуков, чтобы ими заниматься.

— Что ж, внуки — это дело хорошее, и заниматься ими надо обязательно. Так что успехов вам в этом деле, обоим.

Неожиданное окончание нашего разговора перешло в благостный тон, и я где-то даже порадовался за то, что не пришлось дальше ершиться и накручивать сложности в данной ситуации. Парень-то оказался вполне симпатичный и располагающий к себе, а то, что по службе требования протокола бывают до обидного категоричные и несуразные, — увы. Хотя посмотрим, чем дело закончится.

Закончилось оно, дело это, нескоро. Штрафом для врача в сорок тысяч рублей и отстранением от работы по специальности на год. Вот так-то.

...Когда я читал постановление суда, в это время по телевизору передали: бывшего министра обороны, отстранённого от должности за громадные хищения в его ведомстве, назначили руководителем целой отрасли... и дальше шло название, в котором первым словом значилось «Российское...»

Ну, вот так. Дело Оборонсервиса ещё не закрыто, а новое назначение фигуранта уже состоялось.

Дело и назначение на новое дело — они, очевидно, пребывают в различных плоскостях. Наверное, так же как и долг.

А может быть, это и есть вознаграждение?

Вопрос.

А хотелось бы поставить кавычки...

ЗАВТРА БУДЕТ ПО-ДРУГОМУ

Нет, это всё-таки здорово — так вот собираться! Подумать только, двадцать лет прошло после десятого класса. Конечно, со многими мы и до этого частенько виделись, иной раз даже помогали друг другу по жизни, но чтобы вот так как-то собраться — не получалось. Тогда выпорхнули из школы, и у каждого началась своя жизнь. Конечно, первое время ещё собирались вместе, но небольшими компаниями, в школу даже приходили, а потом и это отошло. Разлетелись в разные стороны и края. Кто куда. Институт, армия, некоторые сразу и семьями обзавелись...

Словно продолжая недавний разговор, Витька Герберт шёл по направлению к своему дому, а мыслями по-прежнему был там. В компании с одноклассниками, на дружеской юбилейной встрече. По-прежнему говорил с ними, рассуждая о жизни, одновременно ей и удивляясь.

Странно было слышать вчера, что у кого-то дети уже студенты. Мы и сами вроде бы ещё молодёжь и вдруг — взрослые дети.

И собрались — достойно, в ресторане, не как-нибудь — с воспоминаниями и рассказами о себе, своей жизни.

Это всё, конечно, наши заводилы постарались. Раньше их между собой больше баламутами звали, а видишь, как они нас, «осёдлых», растормошили, расшевелили. Э-эх, жизнь-то продолжается!

Словно в подтверждение своих слов, он по-футбольному подскочил на одной ноге и «сухим листом» пробил подвернувшуюся пустую бумажную коробку.

Надо же, приехали ведь они издалека, быстренько всех разыскали, обзвонили — и вот собрались. Баламуты, одним словом.

Всё так замечательно вышло. Наиболее стойкие ушли продолжать это дело к Тамаре Гориневской, по старой привычке пошли. Раньше, бывало, провожали её и у дома, где она жила, засиживались, а то и просто — стояли подолгу. Ходили-то все вместе, на пары тогда ещё не разбивались.

Это уже потом вдруг стали для себя открывать друг друга. Во всех смыслах.

А к Тамаре приходили по-прежнему. Приходили парами, компаниями, а то и поодиночке.

По-дружески посидеть, песни попеть, кстати, если и выпивали, то всегда немного. Она всегда в этом отношении была строгой.

Семейная жизнь у неё как-то не сложилась. Непонятно даже.

С нашими ребятами она дальше приятельских отношений не заходила, а там, где училась после школы, видно, было не всё так просто.

Потом она родила себе девчушку. Хорошенькую такую Настеньку. А сама — прежняя Тамара, только по жизни более мудрая, что ли.

Она как будто заранее знала, что с кем произойдёт. И ведь почти всегда так и случалось.

Про меня вот она сказала, что жена меня будет «пилить», особенно за друзей и всякие там посиделки, так оно и вышло.

А сказала то ещё задолго до моей женитьбы. Вот так-то.

Чувствую, и сегодня перепадёт мне на орехи. Жена всегда «концерт» устраивает, если поздно прихожу.

Концерт ни концерт, а разбор полётов будет. Хотя какие это полёты. Да и звал же её с собой. Не захотела. Вот ведь характер. Но на орехи перепадёт — это уж точно, скорее — для отстрастки или же — по привычке.

«На кого мне там смотреть» — видишь ли. А смотреть-то как раз и было на кого.

Домой идти совсем не хочется. Я бы ещё с ребятами погулял, попели бы, посидели бы вместе.

Хотя из меня певец — одно название. Я в основном слушаю.

Жаль, что ребята так быстро разошлись. Да нет, не быстро, это просто вечер так стремительно пролетел...

Тамара, кстати, никуда и не спешила, можно было ещё погулять, но одному загорелось идти, вот и все разом потянулись на выход.

А я вот сейчас развернусь и пойду опять к ней, к Тамаре.

Ничего такого не будет, я это понимаю, а поговорить-то с ней можно. Вот хочется поговорить, и всё тут.

С женой-то у нас давно уже таких разговоров не бывает.

Она тут же начнёт сравнивать нас между собой, и я окажусь самым хлипким и ни на что по жизни не гожим. Скажет, что я — её «горе» и к тому же «навязался на её шею, откуда я только взялся такой, недотёпа». После чего отправит спать, праздник сразу на том и закончится.

А праздника вот душе как раз и не хватает.

Жена этого, как всегда, не поймёт и сразу всё тем самым испортит. Будет по привычке «пилить» и тем всё испортит.

Точно, пойду-ка я обратно, к Тамаре — что будет, то и будет. Могу я себе в этот день хотя бы что-то позволить?!

Она ведь, если и отправит восвояси, то как-то по-особому, обиды и не почувствуешь, да ещё и посмеётся по-дружески.

Я ведь к ней и раньше заходил, то кран починить, то что-либо из мебели передвинуть надо было.

Она меня, кстати, всегда приглашает. Без всякого умысла приглашает, по старой привычке. Я же чувствую это. Мне с ней тепло, я сразу же с ней становлюсь большим и умелым.

А главное — нужным.

Рассуждая сам с собой, Витька повернул вкрутую от своего дома и через десять минут снова был у поворота к желанному подъезду.

Внезапно он услышал голоса и смех явно допоздна загулявших мужичков.

Непроизвольно прижавшись к стене дома, Витька стал ждать: голоса показались ему очень знакомыми.

— Пойдём, я тебе говорю, она точно нам обрадуется. Тебе-то куда спешить, ты же в отпуске, приехал к матери, семья далеко. Гуляй не хочу и ни перед кем отчитываться не надо. Вольный казак, можно сказать.

Даже завидно.

— Это тебе-то завидно? Ты же сам говорил, что опять свободный, как ветер, так что казак как раз — это ты. Холостой, а значит — свободный!

— Да это так. Только не как ветер, а ветродуй. Куда ветер, туда и я.

Услыхав эти слова, Витька сильнее прижался к стене. Это как раз и были его одноклассники, заводилы-баламуты.

Сейчас они решали извечную проблему недогулявших мужичков: куда идти дальше, ведь «если мы не парни, то и Волга — не река!» Жизненный принцип у них оставался прежним. Несмотря на прожитые годы.

Из обрывков разговора он понял, что друзья намеривались вернуться снова к Тамаре. Вот тебе раз!

От этого ему ещё больше захотелось стать незаметным. Ишь ты, вернуться они захотели, а зачем же тогда уходили? Баламутами были, баламутами и остались! Хотя и взрослые уже, но — прежние!

— Нет, ну зачем я-то пойду? Ты — это понятно. Вы же с Тамарой ещё в школе вроде бы немного дружили, я вам буду только мешать, — двое вышли из тени высотных домов. Витька понял, что не ошибся.

Точно, это Ванька Нечитайло и Толян Кочкарёв. Вот уж гулёны.

Толян вроде бы в очередной раз развёлся со своей «красавицей», у него это бывает. Иван же, наоборот, степенным стал, служит где-то далеко отсюда, сейчас в отпуске, но на сей раз приехал без семьи.

— Зачем, зачем, долго тебе надо объяснять, раньше ты понятливее был, — Толян слегка хохотнул, сразу становясь серьёзным, — да меня-то одного она в дом не пустит. Уж я-то её знаю, держит на коротком поводке, но к себе не подпускает. Вот так всегда, ещё со школы.

— Всё равно не понял. Ну, зайдём, а потом мне что, надо будет уйти, что ли?

Иван словесно сопротивлялся, но шёл тем не менее впереди. Вот тебе и непонятливый.

— Да там видно будет. Вот хочется с ней ещё побыть и всё тут. И так всегда. Женат на другой, а тянет к Тамарке, хотя у нас с ней так ничего и не получилось. Как отшила меня ещё в школе, так и до сих пор я у неё на особом счету. В смысле — не доверяет.

— А со мной, значит, доверится, — Иван всё ещё продолжал топорщиться.

— Смотри, кто-то к стенке жмётся, это ещё что за фрукт? — друзья уставились в сторону прятавшегося Витьки.

Поняв, что его вычислили, Витька вышел из своего укрытия.

— Значит, так, нас спровадили, а сами пошли догуливать, — он решил не таиться и не конфузиться, — а ещё друзья называются.

— Дружище, прости подлецов за нашу дурь, но у нас сейчас может сватовство получиться, — это уже Иван взял бразды в свои руки. — Вот этого шалапута сейчас за приличного человека представлять будем. Пошли с нами, сгодишься.

— Если вы к Тамаре, то я пас, — Витька решительно замотал кудлатой головой. — Она для меня слишком дорога, чтобы её за баламута сватать, — и, поворачиваясь к Толян: — Да ведь ты ещё и не разошёлся толком со своей женой, чего голову-то людям морочишь?

Витька уже говорил серьёзно, хмель, казалось, покинул его.

— Нет, мужики, тут без бутылки точно не разберёшься, — Толян одолел минутное смущение и стал усердно чесать затылок. — Я просто, по-дружески вот, предложил зайти, а вы меня сразу и сватать собрались. Хотя, по-честному, я был бы не прочь.

— Ты вот так всегда, начинаешь за Ерёму, а кончаешь за Фому, — Иван цыкнул зубами и потянулся за сигаретой.

...Ночные улицы спящего городка чутко вслушивались в словесную дуэль давних приятелей. Редкие уличные фонари подмаргивали спорщикам, раскачиваясь в такт их рассуждениям. Гулкое эхо

перестука кованых каблуков привлекло внимание притаившихся зданий и запоздалых гостей. Они почти одновременно стали всматриваться в сторону приближающегося звука.

— Так, ребятки, я, кажется, знаю, кто это будет, — Толян увлѣк приятелей в тень стены. — Сейчас нас станет четверо, почти как у мушкетѣров... Вот «кадр», я ещё раньше удивился, чего это он засобирался на трамвай, причѣм так ретиво и без возражений... Раньше за ним такой домашней привязанности что-о не наблюдалось. Посмотрим, что он нам споѣт, на сей раз. Аркашкой он был, Аркашкой и остался.

Угол соседнего здания почти вытолкнул на всеобщее обозрение статную мужскую фигуру, размашисто шествующую по направлению к уже знакомому подъезду.

— Стой, ни с места! Руки за спину! Головой не крутить!

Строгий командный голос из ночной темноты ошарашил своей категоричностью даже самую засаду.

От неожиданности фигура сделала замысловатый кулбит и вдруг расплылась в роскошной улыбке.

— Фу, напугали, черти полосатые. Чуть было коньяк из-за вас не выронил. С вами точно не соскучишься. Вы кого здесь пасѣте?

— Мы-то не пасѣм, а идѣм. А вот ты, друг ситцевый, куда направился? Сейчас скажешь что-либо про трамвай, на который ты не успел, а такси здесь отродясь не водилось, так, что ли?

— Ну да, хотел жену порадовать, вовремя прийти домой, она меня предупредила: если до утра загуляю, то больше к моим родителям не приедет. Она же прикатила со мной в отпуск. Сейчас у них, в смысле у родителей моих, дома с детьми осталась, я

её с собой на вечер специально не взял, чтобы быть посвободнее, — Аркашка вновь засиял лучезарной улыбкой вольной птахи.

— А на трамвай я опоздал, это точно, про такси вы и без меня всё знаете, вот я и заскочил в кабак, взял бутылку и пошёл к вам.

— Вот уж уважил так уважил, к нам он шёл. И как же ты догадался, что мы здесь, вуйко?

Иван Нечитайло в особых случаях всегда переходил на украинский язык.

— Так я и пошёл напрямик через этот двор, а вы-то тоже, я смотрю, напрямик ходите, касатики неразлучные. Так что будем делать?— Аркашка решительно перешёл в наступление. Предлагаю пойти к Тамаре, по-новой голосовать не будем, вижу и так, все «за». Иван, давай команду, тебе это с руки. Напугал меня до смерти, вот поэтому тебе меньше всех и налью.

— Да я не из-за этого вовсе и иду...— начал было Нечитайло, но, получив предупредительный удар в бок от Толяна, умолк на полуслове.

С минуту шли молча.

— А что мы ей скажем? — остановился Витька Герберт: он вообще понял, что того уюта и душевного тепла, из за которого он шёл, уже не будет. — Что-то мне не по себе, я, пожалуй, не пойду.

— Пойду не пойду, уже поздно рассуждать, мы у цели, — Аркадий рукой потянулся к входной двери.

Скрип дверных петель, казалось, отозвался в самых дальних уголках спящего города.

В подворотнях коты воинственно выгнули спины. От неожиданности.

Решительности у наших друзей явно поубавилось, но и обратного пути уже не было.

...Тамара, казалось, не сомневалась в том, что всё так и будет и они вскоре возвратятся. Она хоть

и была в домашнем халате, но дверь открыла без лишних вопросов, с улыбкой, покачивая головой, запустила поздних гостей, лишь пронзительно взглянула на колеблющегося Витьку. Он от этого взгляда запунцовел ещё больше. В квартиру вошёл последним.

— Так, братцы кролики, как это вы надумали возвратиться? Гулёны вы, однако. Ну что же с вами поделаешь, проходите, будем пить чай. Я ещё и не всё убрала после вашего ухода, — широким жестом, продолжая приветливо улыбаться, она направила ночных визитёров к столу.

— А у нас есть ещё кое-что и посерьёзнее, чем чай, им же нас не угомонишь, — это уже Аркашка оседлал своего любимого конька. Он привык всегда и везде быть желанным гостем, при этих словах водружая коньяк на стол. Хозяюшка, хорошо бы сюда ещё и рюмки спроворить, — коньяк загадочно подмигнул своими пятиконечными звёздочками и, повинувшись Аркашкиной руке, разместился на середине стола...

— Так, мирком-ладком — да за свадебку, — это уже Толян обрёл себя, расплываясь в улыбке.

— Кто про что, а Сенька всё про шапку, Тамара, а ты знаешь, что Толян-то опять ведь развёлся? — Иван хитро взглянул на входящую в зал хозяйку.

— Это у него сезонное, пройдёт, как лихорадка, — Тамара поддержала шутливый настрой компании, тем не менее жёстко взглянув в сторону Толяна.

— Ты вот не пошла тогда за меня, вот потому-то я теперь и мучаюсь, — Толян неотрывно следил за Аркашкиной рукой, разливающей коньяк по рюмкам. Спинай же напрягся, как перед прыжком.

— Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло, — Аркашка выпрямился во весь свой знатный рост, — ну, Тамара, за тебя. Каждый из нас

среди ночи сказал себе, что снова хочет тебя видеть, вот потому-то мы сейчас здесь и находимся. Ты у нас самая лучшая. Будь счастлива.

Чокаясь, все встали. Выпили.

— Выходи, Тамара, за меня замуж, — неожиданно звонко сказал Витька. Все опешили. Аркашка, хохотнув, вдруг неожиданно умолк. Его поразили Витькины глаза. Они сияли лучистой самоотверженностью.

— Ты женат, Витенька, иль забыл на радостях, — Толян слегка привстал, чувствуя, что упускает момент, и тоже замер, словно под гипнозом. Витька был необычайно серьёзен.

— Э-э, мальчики, так мы далеко пойдём, обо мне больше ни слова, иначе отправлю всех домой. Сейчас вы от избытка чувств готовы на всё. Завтра же всё будет совсем по-другому, — Тамара решительно и беспрекословно, она это умела делать всегда, поставила всё по своим местам. И не только. — Так что не спешите в завтра. Сегодня вы у меня в гостях и мы друг другу рады. Это надо ценить и не спутнуть этого мгновенья. Ведь завтра — всё будет по-другому. Мы друг другу дороги своим — вчера. Увы, но это именно так. Не путайте его с «завтра», милые и дорогие мои одноклассники и не пытайтесь в завтра войти через нашу память и наше вчера...

...Чай пили долго. Были очень предупредительны друг к другу. Шутили осторожно, по-доброму. Немного даже пели, вполголоса. Было тепло и необычайно уютно.

Всё личное отошло на второй план. Расходиться не хотелось, а за окном тем не менее вставало неумолимое Завтра.

Мудрая она всё-таки, наша Тамара... Хорошо, что она есть в нашей жизни...

БОТАНИК

...Ну и как же эта штуковина открывается? Оп-ля, да всё предельно просто! Так же как и в отечественном автомобиле. Слава Богу, что хотя бы в этих мелочах мы не отстали от них!

Андрей Петрович, выходя из машины, удовлетворённо хмыкнул и принялся поднимать «штуковину», то бишь капот своего нового автомобиля.

Поддавшись на уговоры друзей, он приобрёл себе «иномарку» и теперь с опаской вникал в её суть.

Вникал — это ещё громко сказано. Познавал! Да ещё как! Методом проб и ошибок.

Основной метод в этом деле у него был методом «научного тыка». Метод древний и не один раз им испытанный, а главное, надёжный — как сама жизнь. Впрочем как всегда в вопросах освоения техники его знание шло через осознание. Своей технической никчёмности... Иначе у Андрея Петровича просто не получалось.

Ну, вот никак он не мог усвоить премудрости технического языка, будь то даже элементарная инструкция по вкручиванию электрической лампочки!

Не его это был профиль. Не усваивал он, ну вот хоть убей.

Андрей Петрович — гуманитарий. Так он объяснял свою техническую немоощь друзьям и особо — жене.

Именно от неё-то он больше всего и познавал, насколько же неприспособленным к жизни человеком он зачастую предстаёт. В смысле всё в нём есть, но вот руки, они-то как раз «не из того места растут». С головой — сложнее. Жена опасалась вести разговоры на эту тему, зная, какие порой незаурядные способности мог выказать её Андрей Петрович. Тем когда-то и увлёк её за собой.

А ещё он писал стихи. Да к тому же неплохие. Читал он их тоже умело да так, что заслушаешься. Это возвышало. В такие минуты она ему всё прощала.

Но вот что касается техники — это особый разговор. Пользоваться техникой он ещё как-то мог, а обслужить, что-либо там подкрутить или ещё чего — здесь уж извините, лучше уж ему этого дела не доверять! Не его это профиль! Гуманитарий он!

Зная за собой такие «способности», Андрей Петрович обычно поручал или просил кого-либо устранить возникшую неисправность.

Сам — боже упаси! Только в крайних случаях.

Вот и автомобиль — то же самое. Водить транспортное средство он ещё мог, а вот обиходить его, подкрутить, долить, прокачать и тому подобное — лучше пусть это сделает кто-то другой. Иначе дело — швах! Он обязательно что-нибудь там перепутает: контакты, жидкость, гайки, краники. Растеряет или не закроет как надо, не закрутит и так — до бесконечности. Одним словом гуманитарий!

Когда выбирал этот автомобиль, то основным аргументом для Андрея Петровича была фраза, сказанная близким ему человеком:

— Бери, под капот здесь можешь вообще не заглядывать. Пригонишь только на станцию техобслуживания, согласно регламенту, и всё. Тут всё сделано с умом и для человека, в смысле — для его же блага.

Подобный аргумент из уст технически грамотного человека был для Андрея Петровича решающим. А то как же. Сел, завёл — и поехал! Красота!

Потом он так именно и делал. Не вдавался там для себя ни в какие вопросы и загадки.

Что будет написано на дисплее, то он и выполнит.

Вот когда появилась информация о недостаточном количестве омывающей лобовое стекло жидкости, Андрей Петрович только хмыкнул и оставил решение этого вопроса до утра. А чего? Ведь завтра выходной, и он с утра раненько собирается на дачу, вот как раз и дольёт всё что там надо. Перед поездкой и дольёт.

Может быть, даже и сам это сделает. А почему бы и нет? Неужели он и в этом деле хуже других?

Утром, выгнав машину из гаража, он именно так и сделал.

По крайней мере — открыл капот. После нескольких минут раздумья он всё-таки определил, куда надо доливать эту «омывающую жидкость». В смысле — воду.

Дальнейшую операцию Андрей Петрович выполнил вполне успешно.

Довольный собой, он закрутил колпачок и задумался.

— А как же здесь капот закрывается?

У них же всё не по-русски, не руками это надо делать, а нажать на какую-либо кнопку надо? Багажник ведь тоже так открывается и закрывается — с помощью кнопок.

Так где же она здесь?

Андрей Петрович в раздумье начал ощупывать всё, что внешне могло напоминать эту пресловутую кнопку.

Капот глубокомысленно взирал на его потуги и... молчал, пребывая без движения.

— Что-то здесь явно не так.

Андрей Петрович попытался воздействовать на опорную штангу капота. Подёргал её для порядка. Осторожненько так подёргал, опасливо и с уважением.

Она, штанга эта, осталась безразличной к его усилиям.

Время шло. Попросить подмоги в этот ранний для выходного дня час было не у кого.

Воскресное утро умиротворённо и безлюдно располагало к отдыху и познанию...

Андрея Петровича осенило: да это же в салоне, скорее всего, и находится та кнопка управления злополучным капотом! Как же он сразу не догадался! Там она, так же как и для крышки багажного отделения, там они её приспособили. Ох уж эти немцы!

— Сколько же здесь всяких значков, однако! Пойди разберись в них.

Может быть, про этот злосчастный капот что-либо написано в умной книжке? Надо бы непременно в неё заглянуть.

Андрей Петрович стал лихорадочно листать техническое описание автомобиля, делая для себя открытие за открытием.

— Действительно, стоило бы, наверное, это всё почитать на досуге...— бормотал он про себя.

О том, что это не художественная литература, которую, действительно, можно было «почитать», Андрей Петрович не догадывался даже и сейчас...

Лишь где-то в глубине его гуманитарного сознания проскакивала мысль: «Не читать, а изучать это всё надо и твёрдо знать, чтобы умело применять в любой ситуации...»

Удача на мгновение улыбнулась Андрею Петровичу. Есть! В разделе «Капот» была подробно

расписана последовательность его, капота, открывания... Про то же, как его закрыть, было достоверительно написано: «Закрыть капот». Вот тебе раз! И всё на том?

Андрей Петрович ещё долго машинально листал руководство, но больше, увы, о крышке капота там не было ничего...

Он с выраженным негодованием отбросил в сторону ставший в один момент ненужным манускрипт и уставился на внутреннее содержимое под капотом. Перед ним в полной своей красе благоухала неизвестность...

Слегка подёргал сам капот. Пружинит, однако.

Не дай бог ещё сломать по недомыслию! Вот тогда точно ничего уже не исправишь...

А так — ну не могу я закрыть этот чёртов капот, но ведь ничего же не сломал, не испортил наконец! А ведь мог бы!

Надо вызывать подмогу. Ну и что, что раннее утро. Но ведь обстоятельства, они же заставляют! Можно сказать, диктуют необходимость! Они ведь превыше всего, и честолюбие тут не в счёт!

Да, мысль глубокая. Дорого за неё потом придётся расплачиваться, но ничего не попишешь. Надо!

Давай-ка так: кто тебе посоветовал купить этого зверя, вот пусть тот и обучает, как его правильно обихаживать! А что тут такого?

Андрей Петрович окончательно убедил себя в правомочности раннего утреннего звонка к другу... Почти как у Якубовича с его пресловутым «Поле чудес»...

...Телефонная трубка, однако, тоже имела свой строптивый характер. Она предлагала оставить сообщение, как бы намекая на слишком раннюю инициативу телефонного контакта... Одно к одному!

Андрей Петрович распалялся всё больше. Теперь уже вина в сложившейся ситуации равномерно распределялась на вещи, предметы и людей, хоть как-то причастных к его автостраданиям. Он позвонил жене своего молчаливого друга...

— Ирина, здравствуй, это я. Не пугайся, Бога ради, и извини, но мне нужен Сергей. Позарез нужен. Да нет, ничего серьёзного не случилось, в смысле — почти ничего. У меня тут небольшая авария произошла. Ну да, да, с машиной, конечно, иначе-то чего бы я ни свет ни заря стал вам звонить. Я, кстати, около вашего подъезда стою. Разбуди, пожалуйста, Сергея, и пусть он срочно спустится вниз. Вот в каком он виде есть, так пусть и спускается. Нужен срочно. Всё. Жду. Объясню потом, ну сделай это ради меня, — Андрей Петрович взял верхний аккорд своего мужского обаяния.

Понимая всю абсурдность звонка и разговора, Андрей Петрович тем не менее знал, что чем непонятнее он изложит свою просьбу, тем вероятнее будет скорейший приход Сергея.

В ожидании приятеля он ещё раз помассажировал все доступные и видимые бугорки и заклёпки на капоте в надежде найти эту злополучную кнопку.

Тщетно.

Это было похоже на заговор.

Андрей Петрович уставился взором на синеву майского неба и, стараясь унять клокочущее в нём негодование, начал отсчёт времени.

Однако Сергей пришёл достаточно быстро.

Ещё издали Андрей Петрович, с неожиданным для себя удовольствием, обнаружил на его лице явную тревогу. Наверное, от этого он расплылся в дружеской улыбке и почти без приветствия указал на своего строптивного иноходца.

— Привет, Сергей, извини меня, но или я ненормальный, или они там со своими фокусами чересчур далеко зашли. Скажи мне на милость, как здесь закрывается этот капот, будь он трижды неладен? — Андрей Петрович располагающе чертыхнулся и вопросительно уставился на Сергея. — Измучил он меня, проклятуший, ещё немного, и я сверну ему шею...

Сергей пытливо посмотрел на Андрея Петровича, стараясь уловить в голосе или мимике того хотя бы проблеск подвоха...

— А ты колёса попинал? — он одним движением руки просто и без особых усилий опустил капот на своё место. Опустил рукой, без участия и нажатия там каких-либо кнопок.

Легко и просто!

У Андрея Петровича пропал дар речи... он ошалело озирался вокруг, казалось, бедняга сейчас заплачет от глубины и степени своей технической немочи...

— Неужели это так легко и просто?! Ведь я же пробовал рукой, но капот пружинил и я побоялся сломать там чтонибудь... Наверное, действительно, надо было там колёса попинать, капот от амортизации и закрылся бы, — сморозил он очередную глупость.

— Да, конечно, но лучше всего это делать головой, коль на большее она не способна, — Сергей всё ещё недоверчиво озирался по сторонам, пытаясь усмотреть возможные следы аварии.

Убедившись, что таковых нет, он дал ещё один совет:

— Если понадобится фары или ещё чего там протереть — звони, я и это могу сделать. Пока, счастливо оставаться, Ботаник, — он чертыхнулся и пошёл домой.

Андрей Петрович стоял с открытым ртом. Ему сейчас больше всего на свете хотелось забросить подальше ключи от автомобиля и никогда больше не приближаться к нему.

Потом он обошёл вокруг машины, закрыл дверцу, зачем-то действительно попинал колёса, многозначительно хмыкнул и вдруг рассмеялся.

Он понял, что ему надо будет сделать!

В тот день он так и не поехал на дачу, а засел писать рассказ на эту тему для поучительности отдельным, шибко умным...

Затем, он вручил его мне... Родственные души как-никак... Гуманитарии!

КУРЬЁЗНЫЙ СЛУЧАЙ

Междугородный автобус, а попросту «газель», импульсивно маневрируя среди автособратьев, тем не менее уверенно двигался к своей цели.

Пассажиров в салоне было немного. Они цепко держались за поручни сидений и открытыми ртами пытались впитать в себя хотя бы частичку прохлады из потоков горячего воздуха, врывавшегося через открытые верхние люки.

Было по-летнему жарко, зной не спадал даже к вечеру. Вот тебе и май месяц!

На заднем сидении автобуса трясло особенно выразительно, тем не менее расположившийся там пассажир, казалось, получал от этого особое удовольствие.

Это был ничем особо не примечательный мужчина, что называется, средних лет.

Короткая стрижка, лицо, подтверждающее, что ничего человеческого ему не чуждо. Пожалуй, даже более того. По всему было видно, что человек он азартный и неутомимый в своих страстях и приверженностях. Старомодные роговые очки лишь слегка прикрывали горячечный блеск его глубоко посаженных глаз. Они говорили о многом. Такими глазами обладали очень счастливые люди да ещё, пожалуй, блаженные.

Он так и жил.

Жилистыми руками он держался за поручни, пребывая как бы на растяжке, и при этом благостно улыбался... Потом, хуже того, начал в голос смеяться...

Другие пассажиры старались не обращать на него внимания и, избегая встречи с его глазами, усердно изучали придорожные достопримечательности.

Только один, довольно внушительного вида пожилой мужчина, строго и как бы даже укоризненно время от времени посматривал на весельчака.

Тот воспринял его взгляд как возможность разговорного контакта.

— Бога ради, извините меня, — в этот момент автобус качнуло особо сильно, мужчина чуть было не сорвался со своей ручной растяжки и тем самым вплотную приблизился к пассажиру, — дело в том, что я поэт.

Такое сообщение мало что и кому прояснило, скорее — наоборот, насторожило ещё больше.

— Я детский писатель, поэт и бард, вот возвращаюсь из творческой командировки, вернее со встречи с читателями и ещё не совсем отошёл от впечатлений и вообще от всего этого, — тут он широко повёл руками и снова чуть было не свалился на пассажира.

— Оно и видно, что детский писатель, — пассажир ворчливо и по-прежнему укоризненно посмотрел на собеседника.

— Да нет, если вы про это, — мужчина выразительно щёлкнул себя по горлу, то это уже потом, после концерта, с организаторами, на дружеском обеде-ужине, да и то — чуть-чуть. В этом-то как раз вся суть и кроется, — он покопался в своём нехитром багаже и вскоре извлёк оттуда небольшую книжицу. — Да, вот, пожалуйста, это вам на память, — он

протянул её пассажиру, — это один из моих сборников, так что — дарю.

Пассажир всё ещё недоверчиво взглянул сначала на мужчину, затем на обложку книги, где, так же широко улыбаясь, сидел, приобняв гитару, автор книги.

— Да-да, это вам от автора, от меня то бишь, просто сейчас в автобусе слишком трясёт, я не смогу подписать её, но это вам.

Через какое-то мгновение он снова засмеялся и, усмотрев со стороны пассажира явную заинтересованность, пояснил:

— Мы сегодня с коллегами выступали во дворце культуры города Ч. Очень хорошо нас встречали, можно сказать, получился настоящий праздник. Было много зрителей, да что там много — полный зал! — к их разговору начали прислушиваться другие пассажиры. — По нынешним временам это большая удача, администрация города подготовила свои творческие коллективы, мы, областная писательская организация, тоже приехали большой группой, так что всё было на высшем уровне. Уверен, что никто не был разочарован... Столько песен было спето, звучали замечательные стихи, был действительно настоящий праздник музыки и слова!

Подбадриваемый потеплевшей и явно заинтересованной улыбкой собеседника, он на некоторое время замолчал, очевидно, вновь возвращаясь в атмосферу праздника, а потом вдруг снова рассмеялся.

— Но ведь, как всегда, без курьёза не обошлось, — пересев поближе к новому знакомому, он уже по-дружески, доверительно и с упоением начал рассказывать, мимикой и жестами воспроизводя действие. — Понимаете, каждый артист, поэт, пи-

сатель, какой бы он величины и востребованности ни был, он всегда волнуется перед своим выступлением. Правда, одни, очень в себе уверенные и собранные, это могут ничем ни выказывать, другие же — наоборот. Вот, к примеру, я перед выступлением уже ничего не воспринимаю со стороны, а полностью живу тем образом и событиями, о которых буду читать стихи или исполнять песню. Соответственно, ни о чём другом, кроме текста, я думать не могу, и в такие минуты меня лучше ни о чём не спрашивать и вообще — оставить наедине с самим собой. То есть желательно — не трогать. Обо всём — потом, после выступления. Вот и на сей раз. Поскольку, как я уже говорил, организаторы праздника отнеслись к своему делу очень добросовестно, было заявлено много творческих коллективов и авторов, то решили, что поэты будут выступать группами, в смысле выходить группами на сцену и по очереди читать свои стихи. Кому-то пришло в голову, что мы все друг друга знаем и, соответственно, сами будем представлять следующего выступающего. Публика тепло и даже, не побоюсь этого слова, восторженно встречала особо полюбившегося им автора. Был явный успех всего задуманного, и конечно же каждый выступающий хотел блеснуть своим талантом. Нашу группу поэтов, человек, наверное, пять, пригласили на сцену всех вместе. Я вышел, как и подобает маститому автору, последним и встал несколько в сторонке от группы. Всё пошло согласно сценарному плану. Неожиданно для себя я услышал из-за кулис шёпот одного из помощников ведущего: «Вы какого вина, скажите?» Я ошалело переспросил: «Не понял? Причём здесь вино, мне же сейчас выступать!» — «Ну, вы только скажите, какого вина, и всё», — помощник ведущего умоляюще смотрел мне в глаза. «Вот же, напасть какая, —

пронеслось у меня в голове, — опять эта внешность со мной сыграла злую шутку. Почему-то меня очень часто принимают за алкаша. То ли глаза у меня такие или ещё чего, не знаю, но это уже который раз со мной такое случается...» Ну, да, я могу выпить, хотя всегда знаю меру в этом деле, но причём здесь сцена, тем более — сейчас! Надо же знать время! «Да какая разница, какое вино я пью, отстаньте от меня, за ради Бога, мне сейчас выступать!» Я почти бегом переместился на другую сторону авторской группы, чтобы только уйти от глупых и навязчивых вопросов. Бестактность какая! Да я вообще, если хотите знать, стараюсь не пить вина, а уж в крайнем случае, но тогда — предпочитаю водку. Но не сейчас же! Мой ошалелый вид, очевидно, вызвал сумятицу среди выступающих, они подумали, что я хочу выйти вне очереди. По крайней мере, они заволновались ещё больше. Нервы, однако. У публики появились тоже свои вопросы и сомнения. У меня же в голове промелькнула лихорадочно мысль, что вот сейчас, несмотря на то, что я детский поэт, специально выйду и буду читать стихи для взрослых и обязательно за пьянство! Надо же развенчать свою неожиданно дурную славу. Ох уж эта внешность! «Какого вина, какого вина...» — вновь донеслось до меня со стороны кулис. Оказалось, мой мучитель за занавесом пробрался ко мне вновь и стал шёпотом скандировать своё предложение... Я взвыл... Появилось отчётливое желание совершить немотивированный поступок. Хотя мотив-то как раз был самый что ни на есть очевидный. И тут подоспела моя очередь выступать. Уже не задумываясь, я рассказал стихотворную притчу о том, что к маленькой девочке прилетел ангел и за её послушание предложил ей исполнить какое-либо её желание. Она конечно же заказала свою любимую игрушку,

а ещё попросила ангела сделать так, чтобы её папа бросил пить. Ангел выполнил её первое желание, а на второе у него не хватило сил. Он мог выполнить только одно желание. Увы. Тогда девочка отдала ему свою желанную игрушку, но с условием: пусть лучше папа бросит пить... Потом я долго стоял на сцене, наклонив голову в благодарность за бурные аплодисменты слушателей. Значит, проняло! Значит, действительно, есть она, сила проникновенного поэтического слова! Я был счастлив. Оттого, наверное, в душе я простил незадачливость ведущего, ведь это он подсказал мне тему, то есть о чём надо читать стихи. Короче говоря, я пребывал на седьмом небе. «А сейчас мы послушаем Каковину, поэтессу из нашего города», — услышал я сквозь гулкие удары пульса в своей голове... Сделав несколько шагов в сторону занавеса, я безумно расхохотался. Только сейчас до меня дошло, чего хотел от меня навязчивый помощник ведущего. Оказывается, он предлагал мне объявить выступление Каковиной! Она должна была выступать после меня! Мой смех вызвал явное недоумение у зрителей. Я постарался ретироваться со сцены, хотя по-прежнему не мог унять вспышки своего безумного смеха. Ещё бы, только вспомню, как же я метался по сцене... И вот сейчас в автобусе тоже я, можно сказать, в лицах проигрываю этот эпизод и не могу удержаться от смеха. Так что вы уж простите меня за эту несдержанность. Ох уж эта внешность, но что Бог дал, того, видно, уже не изменишь!

...В автобусе стало незаметно ни духоты, ни нервических подёргиваний самой газели, все пассажиры улыбались с той же умильной теплотой, что струилась из глубины глаз детского поэта...

Впереди показались огни большого города...

ДОРОЖНАЯ КАРТА

Есть всё же в характере нашего русского человека хорошая черта! Есть!

Постоянство называется.

Хорошая-то хорошая, куда с добром, но что из этого получается? Вот, к примеру, мы постоянно боремся. С вечными проблемами, будь они неладны. А ещё — с бедами, чур меня, не к ночи их поминать!

Но они от этого не хуже. В смысле — беды не хуже.

А их у нас, как известно, две. Две беды то есть.

Вообще-то, конечно, бед у нас побольше, но эти главные.

Одна из них вообще постоянная. Особенно если она вместе с инициативой. А как же.

Без инициативы да без энтузиазма даже социализма, как оказалось, построить невозможно. Мы-то это хорошо знаем. И помним.

Нас ещё тогда инициативно подбадривали: «Верной дорогой идёте, товарищи...» Так это с прищуром подбадривали, из-под фуражечки. И руку к козырьку... Хитренько так, вроде бы — благославляли...

Вот мы и шли. По выверенному маршруту.

А ещё раньше он же, но тогда ещё без прищура, сказал, что «мы пойдём другим путём».

Как сказал, так и сделал. Пошли другим путём. Вот теперь и блукаем. До сих пор.

Потому что без карты шли. Без дорожной. А жаль.

Недаром, видно, говорят, что от дурной инициативы самое лучшее средство — дурное исполнение. Это явно про нас.

Хотя теперь-то уже стало лучше. Чуть что — хлоп — вот тебе и дорожная карта. Иди, то есть живи и радуйся! Дорога-то верная! Опять.

Везде чем только не начинаем заниматься, так к одной беде сразу же добавляем и другую... Дорожную. Какие у нас дороги, знают все.

Какие дороги, такие и карты...

Даже когда «заправлены в планшеты космические карты...» Хотя здесь, может быть, меньше всего. В смысле раньше было — меньше всего.

А так наши карты маршрутные да дорожные выверять да выверять надо. От бед.

Говорят, если военные, к примеру, да на местности достают карты — это явный признак того, что сейчас начнут у жителей и прохожих дорогу спрашивать. Да и не только военные...

Вот, кстати, в медицине есть тоже своя маршрутная карта. Маршрутная или дорожная — там пока ещё до конца так и не разобрались. Но она уже есть. Её каждый раз по-разному называют, но смысл один и тот же.

Кстати, она глубокая по содержанию, ну как яма на дороге. Основательная и всепогодная. На все случаи жизни. Чьей жизни? Ну, конечно же — больного. Да и не только жизни, опять же не к ночи будет сказано.

Почему обязательно — дорожная? А кто ж его знает. Может быть, автомобилист какой предложил, почему бы и нет? В медицине ведь и такое бывает. В ней ведь кто только свои силушки не пробовал. Там, в медицине то бишь, пути-дороги всегда

неисповедимы. Главное, вовремя подсказать и направить...

Или, может быть, заранее знали, что беда получится, вот сразу так и называли «бедовой», пардон, «дорожной» картой. Провидение, наверное. Идея-то благая, а в итоге... Возможно — как всегда. Чем тебе не постоянство?

А ещё карта эта напоминает встречный план. Помните такой? Чем напоминает?

Да своим задором, а потом и результатом тоже. Хорошо ещё, что не встречный бой.

Свят, свят, свят...

Примерно так же ещё и у строителей бывает. Строим, строим, затем бросаем. Приходит новый строитель и первое, что вопрошает: «Какой дурак это вам строил?» Причём по-другому не бывает. Никогда. Как в медицине, только там «лечим, лечим». Пишем, пишем, а болезнь не хуже... Постоянство то бишь.

Одного врача спросили, что такое в медицине «дорожная карта». Он чистосердечно сознался: «Не знаю, я дальтоник, автомобиль не вожу. Могу лишь предположить, что одна из двух наших бед навязала нам другую».

Шуму было! Мозги промывали, наверное, чтобы зрение улучшилось. Потом спрашивают: «Ощутил?» Он отвечает: «Ощутил, хотя и не понял».

Теперь он окулистом и работает. По совместительству. Так-то он гинеколог. Специалистов же узких не хватает, вот он на стороне и прихватывает.

На стороне — это когда проводится диспансеризация. Ну, это вообще — отдельная песня.

В стиле ретро. Партия сказала: «Надо» — комсомол ответил: «Есть!»

Зато теперь он, в смысле — врач, хорошо знает, что такое «дорожная карта» и куда ведут все пу-

ти-дорожки. Знает то место. В смысле — изучил и усвоил.

Лишь бы чего ненароком не напутал. От излишков инициативы да этого самого — энтузиазма.

Этой бы инициативы и задора пациенту подсобить да побольше. И ещё — терпения.

А то как его по карте маршрутно-дорожной врач и обстоятельства запустят мало не покажется. Никому.

Сами запутаются и пациенты заплутают.

Потому-то врача узкой специальности можем отыскать разве что в одноклассниках да по интернету... Зато карта остаётся по-прежнему — дорожной.

Завели пути-дорожки...

Всё как в песне поётся: «Нам дороги эти забывать нельзя...»

Что-то здесь от нашего постоянного желания идти своим путём, не иначе...

Вроде бы и во благо, но, как всегда, эти две беды с нами...

Прижились, окаянные.

Постоянство, чтоб ему было пусто... и без нас.

Опора

Лёха Зацепин сорвался. Запил. Так-то он обычно для всех — Алексей, но как только сорвётся, так сразу — Лёха. Лёха — и не больше. Подобное с ним случалось и раньше, причём не один раз. Не так чтобы часто, но случалось. Больше того, оно было виной всех его бед по жизни.

Причём срывался он, когда, казалось, всё шло на лад, выстраивалась перспектива на будущее, появлялась надежда и достаточно прочная почва под ногами. Почва — будущего.

Тогда он начинал потакать себе и своим желаниям, более того — начинал поучать других, уверовав в себя и в свои силы. Хотелось уважения к себе. Безразлично хотелось.

Отсюда появлялась убеждённость в том, что он может себе кое-что и позволить. Расслабиться, к примеру. А почему бы и нет. Нервы-то у него тоже не железные, и чем он хуже других? А две-три рюмки не помешают, да и не навредят так уж сильно... Особенно если есть повод или продрог, к примеру. Ну, чтобы хворь какая не прицепилась... А потом и характер порой показать надо. А как же... Он что, мало где побывал или меньше других пережил? А потом, надо же и себя поуважать, и проявить этот самый характер. Это же тоже — для дела.

Да, была и семья, расстались, правда, давно уже...

Даже и не расстались вовсе, а ушёл он, причём сам ушёл. А что оставалось делать? Жена загуляла. Он в командировке был, а она взяла и загуляла. Длительная командировка у него в тот раз была, так уж получилось...

Ну, приехал, увидел, да кое-что ещё и рассказал; отвесил там кому следовало по заслугам и ушёл.

Ушёл, можно сказать, в никуда. Давно это было, но вот это самое «никуда», как только он сорвётся, оно сразу — тут как тут.

Сейчас-то он понимает, что та злополучная командировка была тоже попыткой вырваться из такого же «никуда», в которое он тогда попал, да и жена, наверное, прислонилась к другому не от хорошей жизни. Так вот оно всё и получилось, такой уж он по жизни — ершистый да неприкаянный. Всего в нём — не в меру. Если кого невзлюбит, то это уже навсегда, если к кому прикипит душой, то не может забыть и простить — тоже не может.

Потом-то он понимает, что был, как правило, не прав, но дело сделано. Увы.

Понимать-то это он понимает, а вот как зауважает себя, так и срывается с катушек. Со всех. И сразу.

Вот и на этот раз. Нашёл, можно сказать, свою половину по новой жизни. Жениться, правда, не женился, но жили вместе. И неплохо, кстати, жили. С её детьми, конечно, было непросто, особенно если он начинал налегать на воспитание, а так — ничего.

Даже машину купил. С работой вроде бы тоже всё ладилось. Его уважали и ценили. Причём не только коллеги, но и руководитель.

Ценил и многое доверял. Значит, было за что.

Он, Алексей, хоть и водитель всего-навсего, но рукастый и неплохо вообще разбирающийся в технических вопросах.

Мастеровой, одним словом. Но вот, поди же ты, дал слабину. Да ещё как дал-то.

На всю катушку дал...

...Ранним январским утром, по привычке укорачивая путь к гаражу, Алексей трусцой семенил прямиком, по едва уловимой тропинке. Ночь была морозной, без снега, видно, с вечера уже проходили здесь не один раз, так что бежать было удобно.

Впереди замаячила какая-то фигура, кто-то, видно, присел закурить. Это же хорошо, как раз и сгодится, а то Алексей вышел без зажигалки из дома, а с утра не покурить — как бы и не проснулся вовсе.

Фигура, однако, оставалась неподвижной всё время и дымком от неё не пахло.

Как то даже странно: мужичок весь какой-то скособоченный, без шапки, а морозец-то на улице славный.

Алексей с некоторой даже опаской приблизился к сидящему человеку.

— Мужик, ты чего?

На оклик ответа не последовало. От прикосновения рукой мужчина повалился навзничь.

— Да он же замёрз совсем!

Алексей инстинктивно отскочил в сторону.

Мужчина лежал ничком, не подавая признаков жизни. Он был, без сомнения, мёртв.

Первое, что пришло на ум Алексею, — звонить в милицию!

Дежурный по райотделу сонным голосом в самых общих чертах расспросил, где это всё находится, и изрёк:

— Жди на месте. Сейчас подошлю наряд.

Алексей запрыгал от холода, да и внутренняя дрожь тоже давала о себе знать.

Да, надо же и на работу сообщить: задерживается, значит, по причине крайних обстоятельств. В милиции же не зря сказали: «Ждать!» Значит, будем ждать, так, выходит, надо...

От сказанного не согрелся, но появилось чувство выполненного, можно сказать, гражданского и человеческого долга и обрётённой ответственности...

...Милиция приехала только через час. Несмотря на то, что они теперь стали полицией, расторопности это им не добавило...

Алексей уже к тому времени разговаривал со всем невнятно и его основательно трясло от холода.

Осмотр был оперативным, как и сам вердикт.

— Ничего особого. Замёрз, скорее всего — по пьянке. Жди, сейчас пришлём прокуратуру, это уже их дело.

Хорошо ещё, что огоньком разжился. Можно хотя бы покурить. А то — «жди здесь».

Вот уж тоже командиры нашлись. Так чего доброго и самого скоро милицейский наряд осматривать будет.

Прокуратура подъехала засветло. Факт зарегистрировали. Осмотрели быстро. Оттопыренными пальчиками покопались в складках одежды. Что-то там изъяли и Алексею:

— Жди, приедут на машине, отвезут его в судебку. В смысле в морг.

— Ну, уж, увольте! — Алексей взвился штопором в морозную тишину. — Я своё дело сделал. Ждал, дал показания, а теперь будьте здоровы!

В подтверждении своих слов он ринулся галопом к гаражу.

Там он, не раздумывая долго, достал из укромного места початую бутылку водки и хватанул прямо из горлышка обжигающую жидкость.

Хорошо хватанул. Минут через десять полегчало. Ещё добавил. Согрелся и уже хотелось поговорить, посетовать за бедалагу. Собеседники нашлись скоро.

...Вечером он был пьян. В смысле — совсем. На следующий день ничего не помнил. По крайней мере, начиная с гаража — память словно отморозило.

С того и пошло-поехало. Да ещё и эти дознаватели всё хотели выяснить, не его ли это дружок замёрз и не «помог» ли ему в этом он сам. В смысле — Лёха.

Ну да, замёрз этот бедолага по пьянке, причём, как оказалось, длительной. По жизни он оказался никому не нужным. Как сказали его родственники: «Достал он нас своими пьянками ...» Вот и результат.

А Лёха-то тут причём?

Ну да, он тоже не дурак выпить и даже на допрос как-то заявился с мутными глазами и с перегаром. Вот так уж получилось: на работе пообещали турнуть, причём грубо так пообещали, как паршивого котёнка. Поневоле тут запьёшь!

Он им: «Я же охранял труп по приказу прокуратуры!» А они ему: «Это тебе в прокуратуре посоветовали и в пьянство потом удариться?»

Да никуда он, Лёха, и не ударялся, а что выпил — ну так это чтоб не заболеть. Все так делают.

Да и не помогло оно вовсе. Заболел вот. Сейчас уже и не поймёшь, чем больше заболел: простудой или чем другим...

Короче говоря, плохо ему, Лёхе то есть...

Душа болит и всё такое прочее. Хотелось послать всех куда подальше. Лёха это умел делать. Начал со своих близких. Как думал, так и сделал. В смысле — послал.

Жить стало негде. Теперь уже — стало негде.

Родня встречает настороженно. Да оно и понятно: приходишь то денег занять, то по причине «переночевать негде».

От сожительницы ушёл. Вернее выгнала. Отобрала ключ, а вещи его выставила в коридор. Дескать, «какой пример ты показываешь детям». Ну да, как-то попытался их повоспитывать и вот теперь никому не нужен.

А сколько он им добра сделал? Эх, ничего-то они в жизни не ценят и не понимают! Сволочи, одним словом. Причём — все.

Ну, полоса у него такая пошла, но это же скоро пройдёт!

Он снова станет всем нужным и полезным. Прикрутить там что-нибудь, перенести или сантехнику выставить. В крайнем случае дрова будет колоть, он ведь никакой работы не боится!

А машина? Да он же знает её как свои пять пальцев!

Аварий не допускает, а что гаишники штрафуют, так они кого угодно обвинят во всех смертных грехах. Им только дай волю! Он бы их всех к ногтю прижал, вот уж истинное вороньё! Ещё и права отобрали. Гады! Всё требовали дыхнуть, ну и что — дыхнул. Обрадовались-то как, будто в лотерею выиграли. Гады!

Лёху занесло, он сбился с тропинки и упал в сугроб.

Чертыхаясь, стал выбираться на твёрдый наст. Снег обжигал лицо и руки, но не мог остудить Лёхиной страждущей души. Именно там, в глубине этой самой души, у него клокотал огонь и почему-то хотелось забыться и уснуть...

...Уснуть блаженно...

...Тепло-то как стало...

...Снилась ему мать она шла к дому по тропинке от колодца. Коромысло на плечах мерно поскрипывало в такт её шагам. Она улыбалась своей особой улыбкой, от которой Алексею всегда становилось уютно и хорошо... А ещё — надёжно.

— Лёша, Лёшенька, — отчётливо услышал он голос матери, — вставай, мой золотой, вставай, моё солнышко. Ты ведь у меня единственная опора и мой защитник...

Такими словами она всегда увещевала его в детстве, когда он падал и начинал плакать, не вставая на ноги... Плакал больше даже от обиды, чем от боли... Тогда, после этих слов, он обычно замолкал, собирался с духом и старался быть взрослым и сильным.

А как же, он ведь опора! А мать — это же святое, он же её защитник. Один ведь он у неё... Отца-то он своего, можно сказать, и не помнил, да и мать при нём старалась на эту тему не говорить...

Рано она ушла из жизни, уж такая, видно, безотрадная была её судьба. Коварная болезнь увела её за собой...

А теперь вот и опора покачнулась, хуже того — упала навзничь.

А мать всё равно, даже там, в своём далеке, надеется на него и помнит...

— Вставай, моё солнышко...

Он всхлипнул от умиления и вдруг очнулся. Образ матери исчез, и Лёша вдруг увидел себя в неестественной позе...

Той самой позе, в которой он на днях застал замёрзшего мужичка. Только на этот раз это был он сам — Лёша.

Отгоняя дурман, он встал сначала на колени, затем медленно поднялся во весь рост.

Над ним шумели подмороженными кронами вековые парковые деревья...

Они своим скрипом возвращали его в настоящее, в реальность, а она, эта самая реальность, ох как далека была от материнского коромысла. Далека и сурова.

Лёха прислонился к стволу дерева, по лицу его покатались слёзы...

Но на этот раз это были уже слёзы не обычной в таких случаях душевной слабости, а очищающая его сознание слеза раскаяния и будущего прозрения.

Он жадно вдыхал запах зимней рощи и вслушивался в ночную тишину, прерываемую лёгким, затихающим вдали древесным скрипом. Уходящим скрипом материнского коромысла...

...Вместе с ним уходил и Лёха, а нарождался Алексей...

СМОРОДИНОВЫЙ ЧАЙ

...**К**аким же всё-таки хрупким оказалось всё то, что ещё совсем недавно называлось «семейная пристань, семейный очаг». Кое-кто из близких называл это даже семейным счастьем...

Вот как раз счастьем-то оно, по большому счёту, никогда и не было. Ничего-то он, этот «кое-кто», не понимает или не понимал... В лучшем случае — не видел. Просто они не подавали виду... Счастьем оно не было даже в самом начале... Так уж получилось...

Возраст поджимал, друзья-подруги семьями обзавелись, надо было тоже решаться, вот и она — решилась...

Клара Константиновна зябко поёжилась, то ли от воспоминаний, то ли от того, что за окном стояла ненастная февральская погода и от этого было зябко и студёно. Даже через окно слышалось завывание вьюги...

«Дуют ветры в феврале, воют в трубы громко», — вдруг вспомнилось ей из раннего детства... она глубоко вздохнула, поправила одеяло на кровати, где лежал её больной муж и, стараясь быть бесшумной, прошла в соседнюю комнату, при этом лишь искоса взглянув на своё отражение в зеркале.

Да, ничего не скажешь, как же всё-таки она изменилась за этот месяц!

Ещё совсем недавно цветущая и уверенная в себе женщина, без сомнения, привлекательная своей

зрелой красотой, она враз как-то сникла взором и походкой...

«Ну и что, что не было этих самых чувств», — исповедальные мысли преследовали её повсюду. Что она, первая такая, что ли? А сколько же можно было их ждать? Ну да, были и раньше увлечения, интерес кое-какой, но чтобы это было большим и глубоким — так нет. Не случилось, вот и всё. С тем вот и жила...

...Познакомили их, как это часто бывает, родственники. Они же всегда лучше других знают, кому что надо. На первый взгляд, внешне — всё как полагается. Образование тоже приличное — высшее техническое. То, что далёк от её педагогических взглядов и интересов, так это не беда, а, может быть, даже и к лучшему. Это же совсем не главное.

Главное — оно само придёт. Потом.

Да вот что-то слишком медленно оно шло. Да и было ли оно вообще? А если было, то какое? Женского счастья она, по крайней мере, так и не дождалась...

Опыта до замужества у неё в этом вопросе не было никакого. А в замужестве — не познала. Как-то всё было пресно и обыденно. И это при её-то пылкой натуре!

Хотя пылкой-то, пожалуй, она была только в глубине души, а так — выдержанная, педагогически строгая к себе и окружающим. В то же время — умеющая дружить с подругами. Дружить до степени закадычности.

Но счастья в этом и жизненной удовлетворённости не испытывала. По крайней мере — полного.

Вот так оно и тянулось по времени и жизни.

После рождения дочери к мужу охладела ещё больше. Охладела и отдалилась. Всё в нём её или раздражало, или не устраивало.

Всё: и потребность курить почти постоянно, и вечная его покорная молчаливость, и полное безразличие к культурным ценностям. Да ещё абсолютная его невнимательность к её интересам и увлечениям.

Даже манера носить одежду в нём не устраивала и раздражала Клару Константиновну. Особенно приспущенные с живота брюки, как будто этот живот такая ценность, что его надо обязательно выпятить и ни в коем случае не перетягивать ремнём.

Так обычно носят брюки выходцы из Средней Азии и ещё — цыгане. В этом ей всегда казалась какая-то мужская примитивная удовлетворённость жизнью и собой. Отсюда появлялись внутреннее негодование и протест.

...О том, что в её жизни может появиться кто-то другой, кто будет ей ближе, чем муж, она никогда не задумывалась, хотя такой возможности для себя не исключала...

Вокруг неё всегда было много довольно интересных личностей, но она с раннего детства была воспитана с каким-то особым чувством дистанции, через которую никому не позволяла переходить. Не позволяла взглядом, словом, а порой и действием. Всё это давало свой результат.

То-то оно и плохо, как вынуждена была потом она сама себе признаться. Но именно так оно и было. До определённого времени.

Уже и дочь выросла, можно сказать, выучилась, ушла в свою жизнь, и вдруг оно пришло.

Пришло, как смерч, как ураган. Она потеряла голову в буквальном смысле.

И уже возраст-то у неё был, мягко говоря, не девичий, а вот надо же! Оно пришло!

Жила с мыслью о нём, о встречах, разговорах и возможном будущем. Она надеялась, что оно с ним,

именно с ним, будет общим. Будет радовать их так же искренне, как эта внезапная близость. Радовать всегда...

Но он, так стремительно ворвавшийся в её жизнь, почему-то в это совместное будущее её не звал...

Хотя в своих чувствах, скорее всего, был искренним, но вот в будущее — не звал...

Да оно и понятно: семья, дети, бытовые сложности... Это было и для неё важным, но не настолько... Она была готова на всё... По крайней мере, ей так казалось. Долго так казалось... Одним словом, потеряла голову и всё тут!

А ещё — постоянно ждала...

Потом привыкла любить на расстоянии, но окончательно вычеркнуть его из своей жизни не могла. Вот не могла и ничего уж с этим не поделаешь!

Отсюда — до мужа ли ей было, с его любимыми дачей, дикой смородиной, машиной...

У него особая жизнь, он сам по себе. Она сама себе, режиссёр по жизни...

От этих мыслей и воспоминаний Кларе Константиновне стало немного теплее на душе, и лишь усилением воли она вернула себя в настоящее...

Оно, это настоящее, как-то уж слишком отчётливо пахнуло на неё сиротством и одиночеством...

...В этом году они с мужем впервые за долгие годы поехали вместе в отпуск.

Зимой поехали в санаторий с лыжной базой и тёплым бассейном на улице.

Понравилось — необычайно. Мужу — тоже.

Здесь, на отдыхе, она стала к нему относиться терпимее, да и внимательнее. Неожиданно для себя, да и для него — тоже.

Это негласно оценили оба. Без слов, но обоюдно.

Вернулись домой бодрыми и весёлыми. Наконец-то!

И вдруг — болезнь... Вот уж напасть так напасть.

Ещё и ничем себя особым и не проявляла эта самая опухоль, была обнаружена, можно сказать, случайно, при осмотре. А вот, поди же ты. Дальше — хуже.

Признали, опухоль неоперабельная. От осознания безысходности, муж как-то сразу сник. И тут началось. Боли у него нарастали с каждым днём.

Есть, пить — сплошное мучение. Обезболивающие — их ещё надо по большому счёту — выходить, но и они помогали только временно, да к тому же к ним наступало привыкание.

Неужели — всё? Ничего невозможно сделать. Да как же это так получается?

Немногим больше месяца это продолжалось, а кажется всю жизнь перечеркнуло. Какие уж тут чувства, когда всё вокруг стало одним сплошным наказанием.

А может быть, это и есть наказание свыше?

Но тогда почему ему? Её грех, а страдает он. Вернее — страдал. Последние дни совсем перестал выходить из забытья. Только стонет и всё. Может быть, так ему легче?

Боже мой, как же он изменился! Узнать — невозможно.

Неужели его больше не будет?

Можно сказать, уже нет. Впал в забытьё. С таким трудом он это делает, уже сколько раз повышали дозу... Слабые они такие, что ли, эти самые наркотики или на самом деле — боли невыносимые?

Так за что же ему такое наказание? Какое холодное и безысходное слово — онкология...

Быстро прогрессирующая и неоперабельная опухоль. Так сказали медики...

Как это всё-таки ужасно. Вроде бы достижения в современной медицине, диагностика, высокие технологии, и вдруг такое... Ничего нельзя сделать... Только выявили и сразу — приговор... Всё в жизни сразу перевернулось... Прежние ценности вдруг стали такими малозаметными и отвлечёнными от самого главного — самой жизни...

...Его скоро не будет. Как это безысходно... Неужели же у неё всё-таки были к нему какие-то чувства? Она же сама себе не один раз отвечала на это вопрос. И даже не то что отвечала, а даже установку давала, ещё с самого начала давала — терплю...

...Сострадание — это чувство, наверное, не каждому дано, да и в себе-то она раньше его, по крайней мере, столько, не находила. Даже, кощунство какое, когда смертельно болела мать — и то в достаточной мере не находила.

Мать болела и тихо уходила из жизни.

С ней у Клары Константиновны были особые отношения. Как и каждый ребёнок, она, безусловно, любила свою мать, но вот простить её в глубине души не могла.

Понять, правда, понимала, особенно со временем, но вот простить до конца — не могла.

Мать её в молодости ради любимого человека оставила семью, оставила ребёнка, её, в то время восьмилетнюю Клару, оставила и уехала в далёкие края. Уехала за своим счастьем.

Клара воспитывалась в семье дедушки. Человек он был знаковый. Заслуженный и с твёрдыми жизненными взглядами и установками. Их, эти установки, он привил и внучке.

Поэтому-то она всегда была серьёзной, вдумчивой и ответственной.

Но вот в глубине души у неё пылал, наверное, тот же неукротимый костёр, что и у матери.

До поры до времени она не давала возможности ему разгореться, проще говоря, попусту разгореться — не давала...

Но вот несколько лет назад с ней это случилось или, может быть, пришло то, чего она ждала всю свою жизнь.

Ждала и вот дождалась.

Вот тогда-то она и поняла свою мать, которая к тому времени уже вернулась из своего «далека» и тихо жила в семье у дочери... Вернее — доживала свой век. Спокойно и ухоженно доживала, но без душевных откровений.

И ведь не раз тогда задавала себе вопрос Клара Константиновна: а если вот её вдруг он тоже позовёт за собой? Что тогда?

И к своему ужасу сама себе отвечала — пойдёт! Всё бросит, а пойдёт!

Но, увы, не дождалась...

А что будет с мужем, матерью, как посмотрит на это дочь?

Всё это конечно же было необычайно сложно, но она чувствовала, что, позови он её, она пойдёт. Всё бросит, а пойдёт!

...Но вот сейчас и матери уже нет, и с мужем, увы, — безысходность, и вдруг она поняла, что в ней что-то надломилось.

Она стала другой, все эти страдания близкого ей, хотя и нелюбимого человека её изменили. Наступило даже не раскаяние, а какое-то озарение.

Да, да, именно так — озарение, через душевные муки и внутренний разлад. Она стала другой.

...Похороны мужа и последующие дни Клара Константиновна воспринимала совершенно отрешённо, словно через затемнённую призму.

Не хотелось никого не видеть и ничего слышать. Работа тоже отодвинулась как бы на второй план. Прежние ценности сохранили лишь внешнюю значимость.

Она словно окаменела. По крайней мере — внутренне.

Женская отрада — слёзы никогда и раньше не помогали ей и тут она не находила в них живительной и очищающей силы... На душе было пусто...

...Стояла ранняя весна, с набухшим и потемневшим снегом, оттепелью и пронзительно ярким солнцем. Масляничная неделя...

Весёлые солнечные блики, словно перекликаясь между собой, озорно манили на улицу, в весну...

В другое время она искренне порадовалась бы этому проявлению жизни, напекла бы обязательно блинов с каймой, накрыла бы праздничный стол. Короче говоря, устроили бы «пир души» с традиционными блинами, да с красной икрой, с походом к друзьям, да на лыжах, и даже возможным катаньем на санях... Теперь всё это, казалось, ушло в далёкое и невозвратное прошлое...

...Этот телефонный звонок, такой долгожданный и такой необходимый ей раньше, на сей раз она восприняла как-то по-особому, даже для себя самой — по-особому...

Сухо поблагодарила за соболезнование и не стала дальше разговаривать.

Пусто, на душе было — пусто...

...Телефон звонил ещё несколько раз. Она знала, что это он...

Одним движением выключила телефонную трубку и отбросила её в сторону.

Его для неё больше нет. Со звонками и без них. Нет, и всё тут, и это — без сомнения и внутренней

борьбы. Так надо в первую очередь для неё, да и для самой жизни — тоже.

Она перекрестилась, медленно поднялась и пошла на кухню заваривать смородиновый чай...

Жизнь всё равно продолжалась, но уже с новыми ценностями...

Завтра она пойдёт в церковь...

Ух ты!

Вот уж, действительно, гримасы нашей жизни и рыночных в ней отношений!

По-своему, может быть, даже и не гримасы уже, а настоящий оскал. Рыночный. Да и не только у нас, а вообще. В смысле во всём. Среди людей и природы.

Эк, хватил! А природа-то тут к чему? Вроде того что — она-то, природа-то то бишь, причём?

Как это причём? Вот именно — притом! Как только в природе что-то случается, наводнение, землетрясение там или ещё чего, так сразу и гримасы. Среди людей и в отношениях между ними. Это уж как закон. Закон природы. Морозец, к примеру, ударил или там Новый год своевременно наступил — глядишь, и тарифы на коммунальные услуги тоже приободрились, в смысле — голову подняли. Буйную.

Зацвели, как чертополох. А от того конечно же и гримасы, да и не только. У людей. А уж если снегопад да несколько дней подряд, тогда вообще — туши свет.

Но хуже — если вдруг у природы многое там забирать начинают. В смысле — добывать и качать. Сразу у людей лихорадка развивается. Золотая. Это значительно хуже, чем просто — золотуха.

Мало добудут — дефицит. Много — дефолт. Вот так всегда и колеблется рынок, а с ним и наша жизнь.

А самое плохое, если дело коснётся полезных ископаемых, нефть там, газ, либо то и другое, да сразу. Тут уж полный этот самый, ну да, полный раскардаш начинается и одна сплошная гримаса.

Вот и на этот раз. Чего-то не заладилось у нас во всём.

Санкции, газ, нефть и эти неуправляемые доллар и евро. Вот уж оскалились так оскалились! Одичали совсем, в смысле — от рук отбились. Всё им нипочём. На команды не реагируют. Тем, кому бы и постоять на месте не помешало бы, так они как раз падают, как метеорит или ещё чего там, что падает не вовремя... А кому бы и поскромнее вести себя не помешало — они-то как раз, наоборот, голову и поднимают, прут, в смысле в гору прут...

А вместе с ними и всякая разная живность. В смысле — божья тварь. Ну да, и торговая тоже, в смысле околорыночная... Она себе тоже цену набивает. Причём — кто во что горазд. Вернее — кто на чём сидит. Кто на молоке, тот сметанку начинает сбивать и сливки слизывать, а уж кто на яйцах! Тут вообще!

На яйцах — это круто! Они сразу золотыми становятся. Одним словом, тварь — она и есть тварь. Хоть на нефти, хоть на яйцах. Хоть на куриных, хоть на перепелиных.

Кроме того, все сразу такими чувствительными становятся. Чуть тронь — сразу вопль. И посылают. В смысле — по адресу. На сайт. А как же! Это запросто, да и эффект-то какой!

Отвести душу можно по полной. Оторваться можно, на ком душенька твоя захочет.

И даже сдачи, если что, не получишь. Красота. Живи себе, в ай-ти, к примеру, и радуйся про себя! Тихо радуйся, сам с собою.

Я тут как-то на рынок завернул. Порадоваться, да и рыбки на уху прикупить.

Перволедеье же. Рыбаки наконец-то дождались сезона подлёдного лова. Приободрились, посбивались в стаи... Сейчас, поди, все прилавки завалили свежачком! Только держись! В смысле — держи карман шире. А как же.

...В торговых же рядах в тот день наблюдалось и торговое же между тем... радушие. Но рыба, казалось, об этом и не догадывалась. Рыба была всё больше из холодильников, мороженая да привозная. Вот тебе и Волга-матушка с её просторами да крутыми берегами! Рыболовецкий край!

Ну да ладно там деликатесы, с ними всегда было всё понятно: на дальний кордон ушла. Как всегда, ушла сама по себе и хоть бы хны, ни егерей, ни рыбаков не спросила...

Особенности русской рыбалки, ни дать ни взять...

Да и не больно-то хотелось деликатесов да разносолов там всяких. Мне бы окуньками подразжиться!

Но что это?

— А где же у вас окуни? — вопрос мгновенно застыл недоумением в воздухе и на лицах...

Пожимание плечами.

— Окунь? Так их с самого утра разобрали, да и было-то их — всего ничего.

— А что же такое с ними приключилось? — любопытство моё казалось наивным и до одури — беспредельным.

— Да нет, ничего особого, всё как обычно, просто окунь подорожал тоже, почти в два раза в цене подскочил.

— Морской?

— Ну, нет, что вы, наш, местный.

— Но почему? — вопрос, очевидно, зародился от душевной наивности и чрезмерной простоты.

— Так доллар же подорожал, а нефть упала... — розовощёкая продавщица само радушие и рыночная готовность всему дать оценку и всё тут же разъяснить.

Вот так вот запросто и доходчиво. Враз и обскакала хитросплетения нынешних цен.

От услышанного захотелось присесть.

— А он-то откуда об этом прознал?

— Кто?

— Да окунь этот разлюбезный.

Разговор перешёл в разряд немого с глухим.

— Так рынок же. Всё стало очень чувствительным, чуть что — и сразу здравствуйте-пожалуйте.

— Ух ты?! Кто бы мог подумать! Эдак-то пойдёт, то ведь и пчёлы могут ненароком про всё про это прознать. Надо бы заранее медком впрок запастись, пока не поздно! Бог с ними, с окунями, тут бы с пчёлками не прогадать!

И я быстренько заспешил к выходу.

Надо же, ух ты! Рынок, однако, и эта, как её, чувствительность, забодай её комар...

ПОЛЕ БРАНИ

-Ичтоб духа твоего здесь не было! Надоели вы, забулдыги, вусмерть!

Взъерошенного вида мужичок в буквальном смысле вылетел из проёма входной двери, которая тут же громогласно и захлопнулась. Морозный воздух усилил эффект хлопка и самой развязки...

Скользя стоптанными башмаками по лежалому снегу, он похмельно закашлялся, после чего стал озираться по сторонам, всем своим видом являя вопрос: «Где это я и как здесь оказался?»

Некоторое время назад, обретя себя лежащим на выдавшей виды кушетке, он, в доступной для его понимания форме, пытался вызвать к себе интерес, извергая при этом потоки брани и угроз.

Однако пробежавший мимо него медперсонал приёмного отделения больницы, очевидно давно свыкшийся с подобными «постояльцами», поначалу никак не реагировал на его пробуждение. Но когда он, чертыхаясь в словах, начал распускать руки, тётя Даша, санитарка гренадёрского роста и других достойных уважения пропорций, сгребла его в охапку и вышвырнула это барахтающееся существо на свежий воздух, сопроводив при этом соответствующим напутствием. После чего, взяв швабру, стала отчищать полы и кушетку от последствий пребывания в отделении очередного пья-

ницы, простосердечно высказывая сокровенные мысли и выводы своих коллег...

— Какой только умник догадался до такого решения, чтобы превратить больницу в лёжбище для забулдыг, демократы, не иначе, опять заботу проявили, чтоб им пусто было.

Швабра, очевидно, во всём солидарная с хозяйкой, при этом остервенело вгрызалась в выдавшее виды половое покрытие. Казалось, что тётя Даша подобным образом натирала холёное рыльце этих гореизъявителей «воли народа».

— Вот уж бестолочи, прости, Господи, всё подстраиваются под кого-то, всё хотят понравиться, ведь были же вырезвители, нет, на тебе — позаботились! Ликвидировали! Соблюли права человека... Цивильными стали, теперь превратили больницы в хлев, пустомели... Олухи царя небесного, прости, Господи, меня грешную...

После её слов и действий в отделении тем не менее розами по-прежнему не пахло.

Въелось, впиталось, и это уже надолго.

Ночь медленно приобретала черты раннего утра. Для приёмного отделения это означает напряжённую работу. До утра страждущие ещё как-то дома у себя терпят, а к утру — жди. По-другому — и не бывает.

«Скорая помощь» визгом тормозной системы и хлопаньем дверей, словно подтверждая слова действием, явила себя перед приёмным покоем.

Далеко не молодая возрастом фельдшер, громко стуча сапогами, ввела в приёмную комнату охающую при каждом шаге пожилую женщину.

— Доброе утро, принимайте гостей, — бодро, несмотря на усталое лицо, скоропомощной фельдшер привычно усадила пациентку и выложила сопроводительные документы. — Ваша больная, в смыс-

ле — профильная, сахарный диабет у неё, сахара за двадцать, ну и всё из того вытекающее. Мне распишитесь, вот здесь вот, пожалуйста, и я уехала, ещё масса вызовов, а с ней вот внучка и молодой человек останутся. Если что, вопросы к ним.

Напористая фельдшер своё дело, по всей видимости, знала в совершенстве, ситуацию оценивала в одно мгновение. Прихватив необходимые документы, она без промедления вихрем упорхнула в сонное марево субботнего утра.

Пациентка, продолжая охать, стала отвечать на обычные в таких случаях вопросы дежурного персонала. Убедиться в том, что она попала по адресу и с реальной необходимостью, большого труда не составило. Дальше уже был обычный в таких случаях процедурный обряд с оформлением документов и предписаний.

Молодые люди, сопровождавшие пациентку, расположились в сторонке, подчёркнуто милосердно переглядываясь между собой и ожидая завершения процедуры оформления своей родственницы, скорее всего — бабушки... Что ж, какая-никакая, а забота, и это красит...

— Кто забрал мою сумку? — воздух резанул визгливый возглас, вслед за которым с шумом раскрылась дверь, ведущая в больничный коридор, на пороге привидением появилась взлохмаченная, полуодетая женская фигура непонятного возраста и явно забубённого вида.

— Вот оно, чудо ещё, — дежурный врач, не переставая писать историю болезни, вполоборота повернулась на голос. — Очнулась, горе луковое, да никакой при тебе сумки и не было, привезли тебя полуголую, подобрали на улице, как только ещё не замёрзла. Разве можно так пить, ты на себя-то посмотри.

— А ты кто такая, что меня учить начала, сиди и пиши себе, — и почти без перехода: — Ну а ты чего уставилась? — это уже пациентке. — Хвораешь, так вот и постанывай себе потихоньку, нечего на меня zenки таращить, — стрельнув по сторонам заполошными глазами, пригвоздив на месте враз потерявшую дар речи бабульку, она разудало двинулась к молодым людям.

— Закурить есть? Чего молчите или жалко, так и скажите. Молодой, интересный, угостите даму сигареткой, — голосом придорожной шалавы она быстренько пояснила, кто есть кто в этом богоугодном заведении, нисколько не стесняясь в выражениях и умозаклечениях.

— Безобразия какое, — наконец-то очнулся молодой человек, — прогоните отсюда эту пьянчужку, — он возмущённо обратился к дежурному врачу. — Что они у вас здесь себе позволяют, а вы молчите и не можете их приструнить. Какой-то бардак, а не больница, — всё больше распалял себя юноша. — Я вот сейчас позвоню вашему руководству, а то и напишу вплоть до губернатора, что у вас здесь за порядки! Почему милицию не вызываете?

— Это ты меня милицией пугать вздумал? Болезный, ты кто такой вообще, отойди в сторонку, а то укушу. Спидом враз заболеешь, потом со своей кралей уродов нарожаете, — при этом она угрожающе двинулась к молодёжи, всем своим видом показывая, что именно так оно и будет.

Молодые люди сжались в комочек, лишь изредка при этом жалобно попискивая...

...Приход тёти Даши восстановил равновесие сил.

Она без лишних церемоний сгребла буянившую за волосы и выпшвырнула её в больничный коридор.

— Забирай свои манатки и дуй отсюда, а то я тебе без милиции рёбра пересчитаю, забудешь, как тебя и зовут.

Решительные действия санитарки восстановили пошатнувшиеся устои приёмного отделения, прерванная процедура оформления документов была возобновлена.

— О Господи, Господи, — только и могла вымолвить пожилая женщина, качая головой и беспомощно разводя руками. — Сколько лет я преподавала в школе историю, рассказывала детям про поле Куликово, поле, так сказать, брани, и никогда не задумывалась над тем, почему оно так называется, теперь вот только и поняла, что оно такое. Поле брани, такое вот откровенно грубое и бесчеловечное. Какой ужас, как это всё унижает, как можно до этого дойти?

— А я всё-таки напишу губернатору, пусть он разберётся и поможет медикам, нельзя же это так оставлять безнаказанно, это же больница! — молодой человек вновь обрёл себя и своё на какое-то время притихшее самолюбие.

— Ну и что из того, что вы напишите? Ну, пришлют комиссию, заставят наше руководство писать объяснительные, неодобрительно покачают головой, и всё останется прежним, — пожилая доктор голосом великого негодования и обречённой действительности попыталась вразумить собеседников. — Как вы там назвали? Поле брани? Так оно и есть на самом деле... Поле нашей деятельности стало бранным полем. Увы. Неужели это было кому-то нужным? Чтобы защитить права человека, оказалось, нужно было ликвидировать вытрезвители, это же негуманно и бесчеловечно — иметь такие организации, унижающие человеческое достоинство... Вот теперь всё стало на свои места. В смысле

достоинство — само по себе, а медицина, ну что уж тут говорить, это как у неё, у медицины, получится! Вот Куликово поле — оно точно было необходимым, а почему нашу профессию стали низводить до уровня грубой силы? Это как понимать? Спасибо, есть ещё у нас тётя Даша, а то как бы нам без неё быть? Совсем беда, — доктор расстроилась не на шутку. — Милиция приедет уже после того, как эта пьяная публика, мягко говоря, набедокурит, а нам-то каково каждый день с ними, алкашами, таким вот образом общаться... Раньше времени в милицию можешь и не звонить: не приедут, уже не раз пробовали. Они себе цену знают, даром, что ли, теперь же они — полиция! А если сил наших не хватит или тётя Даша уволится? Тогда как?

Пожилая учительница, скорбно качая головой, сухо попрощавшись с молодыми людьми, подняла свои нехитрые пожитки и тихонько пошла вслед за тётей Дашей в отделение. С ней она чувствовала себя защищённой. Хотя как-то, но защищённой...

Даже на этом поле брани... Поле брани с лёгким медицинским уклоном...

Отголосок прошлого

Ох, уж мне эти принцы да принцессы! Нет, конечно же на каждом шагу они в нашей жизни пока ещё не встречаются, но всё равно — бывает. Отголосок прошлого, но — бывает.

Вот Костя же Бугров, к примеру, пострадал от них, в буквальном смысле — пострадал.

Ни за что ни про что. Расстроился он.

Донельзя расстроился, а как же!

Он ведь в тот вечер был на юбилее. Ну, понимаете ли, такой корпоративчик симпатичный был, где все вроде бы друг друга знают, но, как оказывается, знают, но не очень.

У каждого ведь есть своя изюминка, в смысле — загадка. Вот и у Кости Бугрова тоже она была. Была и раньше, но какая-то уж очень незаметная, а тут — прорезалось. Можно сказать во всей своей красе. Раскрылся парень.

Женщины на него стали вдруг смотреть с интересом. Улыбаться стали при каждом его слове, приглашать на танцы стали. Наперебой.

Как только танцы объявили, мужчины вдруг куда-то сразу исчезли. Причём исчезли сразу, оба. Это так-то в наше время часто бывает. А Костя вот взял и остался. Ну, надо же поддержать коллектив!

Он, коллектив, хоть и небольшой, но дружный и в основном — женский. Вот Костя и остался. И не пожалел.

Вот тут-то оно и началось! Прорезалось!

Оказывается, он всё может! Петь, шутить и тому подобное — может. Может и лезгинку танцевать, да и в цыганском таборе — не из последних! Особенно когда скандируют: «Пей до дна, пей до дна!»

Короче говоря раскрылся, да и всё тут.

От того-то ему, сердечному, и жарко стало. Выскочил Костя в перерыве на улицу, хватанул морозного воздуха — и назад, в фойе, отдышаться чтоб.

Смотрит, а там из фойе лестница куда-то вниз ведёт. Заинтересовался.

Глядит, двери там какие-то красивые, солидные, а над ними портреты из позапрошлого века, ну, принцы там, принцессы. Все кудрявые, в париках. Как в картинной галерее. Величественные, наверняка из прошлого. А перед прошлым Костя благоговел.

Ну проявил интерес, слегка приоткрыл одну из дверей.

— Ба, да это же туалет! Вот те на! Культура, однако.

Костя от души порадовался за сферу обслуживания и, влекомый всё тем же интересом, да, пожалуй, и не только им одним, вошёл в одну из кабинок. По привычке закрылся.

...Женские голоса, буреподобно нарастающие в уютном помещении, заставили его насторожиться. Точно, сюда идут! Он затих.

Контрольный стук в дверь, смех, женские откровения вызвали у Кости сердцебиение в стиле недавно исполненной «цыганочки».

Он сжался, как мышонок, и даже дышать стал через раз.

Вот попал так попал! Туалет-то женский!

О том, чтобы гордо, не обращая ни на кого и ни на что внимания, выйти из своего убежища — не

было и речи. Засмеют, а этого бы Костя не пережил, уж это точно.

Между тем среди женщин разговор пошёл как раз о нём.

Смех, шутки, в которых чаще всего слышалось: «На бесптичьи и попугай за петуха сгодится». А также что-то там про рака с рыбой...

Костя вознегодовал, покрылся лёгкой испариной и, чуть только смолкли женские голоса и затих стук их каблучков, выскочил из своего убежища.

...Вокруг было по-прежнему тихо и умиротворённо. Он вышел в коридор и изучающе уставился на портреты, безлико венчающие дверные проёмы.

— Чего выставились? Ну, и кто из вас тут он, а кто она? — обратился он к художественным творениям. — В смысле как же вас истуканов различить — в париках, кудряшки, как у баранов, глаза подведённые, даже если ты и принц, то явно с нетрадиционным уклоном. Пойди, разберись! — Костя дрожал от негодования. — Вот и знай потом, в какую тут дверь можно входить, а где тебя никак не ждут! Тьфу! Срамота, а не культура! Пережиток прошлого, вот вы кто после этого! Э-э-х!

Расстроился, одним словом, наш голубчик Костя Бугров.

Сразу пропал у него душевный подъём и задор. Исчезла из поступков загадка, петь и танцевать — расхотелось, осталась только душевная потребность — выпить.

До чего, однако, довели хорошего парня эти принцы да принцессы! Сами из прошлого, а парня довели сейчас, в наши дни.

Вот так-то!

СИБИРСКИЙ ВАЛЕНОК

Ну, слава Богу, кажется, началось. Нет, на самом деле, с чего-то ведь надо начинать возрождение русского языка. Великого, кстати, и могучего! Коль год литературы объявили, значит, действительно, началось! Полегчает, наверное, языку. Новые книги появятся, да и читать их будут с интересом, как читали раньше, до интернета. Отсюда и ценности возродятся.

А то ведь до чего дожили. Мне вот Валерка Огурцов рассказывал, его жена постоянно пилила, что он как был «сибирским валенком», так им и остался. В смысле ничего не читает, новых слов не запоминает, ну, кроме «фени» и мата, конечно. Стыдно за него, одним словом, перед детьми и соседями, стыдно за его дремучую неотёсанность. Вот он и стал приобщаться, да и жена ему, надо откровенно сказать, в этом активно подмогнула.

Слова-то он изучил, а вот смысл в них находил не сразу, как их применять по жизни, никак не мог уяснить, но уже пользовался с успехом. При случае прямо с утра.

Как-то раз он открыл холодильник, посмотрел внимательно на содержимое и сурово изрёк:

— Что-то ты, хозяйка, ситуацию не мониторишь, кто-то, тут, никак, офшорно поработал, знать, эмбарго на нас наложили или ещё чего, придётся тебе

это всё онлайн объяснить, — и он зачем-то начал закатывать рукав рубашки.

— А причём тут кто-то? — бойко ответствовала хозяйка. — Ты и автор этого проекта, у тебя же с банкингом вечная напряжёнка, отсюда и эмбарго. Да и со скринингом совсем худо стало, обязанностей своих не выполняешь, так себе — не дальше лифтинга, в лучшем случае — до пирсинга, хоть бери да в холдинг уходи, к настоящим мужикам. За советом или как получится. Захирел ведь совсем. Можно сказать, полный дефолт наступил. Раньше-то всё с санкциями боролся, а теперь — куда там, один дефолт и сплошная ипотека остались.

— Ладно, не ворчи, лучше занимайся своим клинингом потихоньку, а то швабра вон совсем без программы зависла, — продолжая бурчать себе под нос, Валера, чувствуя правоту слов супруги, потянулся в шкаф за фуражкой.

— Я в паркинг, там обещали субсидию выдать в лизинг, а потом уже, может, и будет шопинг, если в драйвинг не сорвусь или вдруг, не дай Бог, кластер пойдёт в масть, — дальше Валера перешёл на привычный язык и от того почувствовал истинное облегчение.

А тут как раз и год литературы подошёл, вот это Валере прямо в кон!

Подфартило, не иначе!

Так-то, глядишь, и жизнь наладится с её забываемыми по содержанию языковыми ценностями и их глубиной.

ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР

Некоторых пор я не берусь за написание рассказов, связанных с воспоминаниями.

По принципу: «если можешь не писать — не пиши».

И не только потому, что хочу избежать повторений и избитых фраз, но и чтобы оградиться от излишней сусальности в рассказах.

Но сегодня, вернее — сейчас, случай особый...

На днях я иду на юбилей. 75-летний юбилей командира дивизии. Умышленно не пишу слова «бывшего», несмотря на то, что он давно уже пребывает в другом воинском, служебном и житейском звании. Так оно, наверное, и должно быть.

А почему этот случай особый? Всё от того, что есть люди, в которых горит неугасимый костёр задора и жизненной энергии. Горит всю жизнь, вне зависимости от возраста и звания.

...В Афганистан я прибыл в январе месяце. Прибыл на должность командира медицинского батальона мотострелковой дивизии.

По прилёту, прямо на аэродроме я был представлен командиру дивизии. Да не одному, а сразу двум. Сдающему эту должность и — принимающему её.

Представился, как положено, получил напутствие — «вращать в должность без промедления» — и на том всё.

Далее — я вырастаю, привыкаю, знакомлюсь, короче говоря, адаптируюсь ко всему и вся.

В том числе и к требованиям и особенностям жизни и быта в условиях боевой обстановки.

А они, условия то бишь, диктуют свои установки, в повседневной жизни в том числе.

Ну, вот хотя бы одно из них: я должен как командир медицинского батальона, то есть командир воинской части, по понедельникам докладывать командиру дивизии о положении дел в части, загрузке лечебных отделений ранеными и больными рано утром. Ну, как рано — в четыре часа утра.

Это означает, что к тому времени самому надо всё уяснить, просмотреть, прозвонить в отделения, а затем уже и докладывать.

Короче говоря, ночь пропала.

...Командир дивизии возвратился из Кабула только лишь через неделю.

Прежний комдив убыл к новому месту службы без традиционных прощаний и тому подобного. Время и обстоятельства были таковыми.

...В ближайший понедельник я, памятуя о том, что командир дивизии, как мне рассказывали, и без доклада уже всё знает, везде побывал сам лично, поэтому я досконально всё изучил и бодрым голосом попросил телефониста соединить меня с комдивом...

...Глухой, прокуренный и глубоко сонный голос в трубке:

— Слушаю...— и далее мой уверенный доклад... а затем: — Ты сколько мыла съел?

Я опешил.

— Не понял?

— Который час?— голос с трудом скрывал внутреннюю ярость. Я её почувствовал.

— Четыре часа...

— У тебя в батальоне что-то случилось?

Я напрягся ещё больше.

— Никак нет, всё в обычном порядке...

— А раз так, то какого дьявола ты мне звонишь в четыре часа утра, ты что, ошалел, что ли, или мыла объелся?!

— Извините, товарищ командир, но я мылом не питаюсь, — обида невольно вырвалась у меня наружу, — я выполняю распоряжение по утреннему докладу, согласно распорядка...

— Скажи тому, кто отдал это распоряжение, что он... — далее телефонная трубка, жалко пискнув, упала на рычажок, тем самым подтверждая окончание утреннего доклада.

...Потом уже я для себя уяснил: новый командир — новые порядки, а прежний — прежний службу правил на свой лад. Можно сказать, на свой, почти что суворовский лад.

За сутки он мог объехать все воинские части гарнизона, побывать в самых его «злачных» местах, лично проверить службу войск, особенно — ночью, изучить жизнь, быт и условия пребывания военнослужащих, посетить общежитие офицеров, нагрянуть в женское общежитие, причём — в самое неурочное время... А уж потом, да уж про это «потом» мне тоже многое порассказали. Мало не покажется никому. Короче говоря, держал в тонусе всех. Денно и ночью.

Вот таким он был, таким и я его познал, хотя, конечно, больше по рассказам своих сослуживцев и добрым воспоминаниям. Но если уж быть честным до конца, добрыми-то эти воспоминания становились потом, когда начнёшь понимать, что за этой неугомонностью стояло чувство глубочайшей ответственности за своих подчинённых, за что ему отдельная признательность и понимание.

Прошло много лет, а вот эта неутомимость и даже неуёмность человека особенно и запоминаются. Вот таковым я его знал и знаю уже в мирной жизни.

Он практически не изменился. Это от внутренней энергии и неутомимости характера.

А ещё — это воинская внутренняя закалка.

Вот к нему-то, к человеку с этими поразительными качествами, я и пойду на его знаковый юбилей...

Кстати, о закалке.

Когда я прибыл на новое место своей уже гражданской работы, в качестве руководителя, то бишь главного врача больницы, то сразу же начал знакомство с обхода лечебных отделений и служб больницы. Интересовало всё, но начал я обход с технического этажа. Так меня учила жизнь и мои прежние отцы-командиры...

Одним из первых сотрудников, кто встретился мне во время обхода и знакомства оказался пожилой мужчина неопределённого возраста и с устойчивым запахом только что принятого алкоголя.

— Кто это такой? — задаю вопрос заместителю по хозяйственной части.

— Наш сантехник, наш ветеран и вообще, — в голосе заместителя любезность и расположение...

— Уволить и доложить об исполнении, — на изумлённый взгляд в мою сторону поясняю: — Он пьяный, и это несмотря на то, что ещё только утро. Так что уволить и доложить.

Далее обход пошёл своим привычным административным чередом. Вопросы, ответы, удивления и записи указаний. Так всегда было положено, так меня учили.

В конце рабочего дня — подведение итогов. Впечатление от знакомства с новым хозяйством далеко не самое лучшее. Хозяйство во многих отношениях запущенное, ветхое и нуждается в срочных и действенных мерах.

Заместитель по хозяйственной части удручена не меньше меня, но обращается с неожиданной просьбой:

— Прошу меня выслушать и правильно понять, я совсем не собираюсь никого оправдывать, но тот сантехник, которого вы приказали уволить, пожалуй, единственный человек, который знает все водоводы, тепловоды и канализационные сети во всей больнице, — заместитель, явно волнуясь, зачастила скороговоркой: — работает здесь более тридцати лет, участник войны, — она при этом не к месту заулыбалась, — всегда безотказный, но вот водится за ним такой грешок, это я про выпивку. Как сам объясняет, выпивать он пристрастился ещё с войны, с фронта, тут уж ничего не поделаешь, пресловутые сто грамм фронтовых, всё дело как раз в них... Привычка...

— Сколько же ему лет? — задаю вопрос с явным интересом и уже без излишней суровости.

— Да восемьдесят, без малого. Кстати, пьяным его на работе никто не видел ни разу. Он, как правило, выпивает рюмку водки с утра и на том — всё, а потом к вечеру ещё одну. Зато весь день пребывает в одном и том же состоянии, кстати, работоспособном состоянии. В любой колодезь может забраться, причём независимо от времени года, говорит, «условия — как на фронте». На нём, можно сказать, наше ветхое сантехническое хозяйство-то и держится. Вы уж простите его. Мы с ним поработаем, и он исправится, — она вновь лучезарно улыбнулась при этом.

— Да уж, исправится, как бы не так. И не надейтесь. А вот то, что он фронтовик и до сих пор работает, конечно же меняет дело, — делаю над собой усилие: начинать работу на новом месте с отдачи распоряжений и тут же их отменять — не самый лучший подход в работе. Но тут случай действительно — особый. — Я с вами согласен, на таких вот людях многое и держится. Это люди особого склада, да и закалки тоже. Я отменяю своё решение.

...Ещё многое потом, что, без сомнения, можно было отнести к самоотверженному и созидательному труду, мы получили от этого человека... Человека с боевой, но неоднозначной закалкой. Пережил он и глубокую утрату, ушла из жизни его супруга. Переживал тяжело, но во многом оставался прежним, хотя здоровье его после этого явно ухудшилось. Уволился он с работы только после 85-летнего юбилея. Но в больницу по-прежнему приходил. Приходил в гости, видно, скучал по делу. Иной раз к нему обращались и за консультацией по хозяйству. Знаток он был редкостный... Помогал — безотказно.

Как-то раз мне передала от него привет старшая медсестра.

— Спасибо, как он там?

— Да, как всегда, навеселе, щипается, как и прежде, охальник такой... — при этом она далеко не без кокетства захлопала ресницами... — Да... тут невольно можно позавидовать старому воину.

— Вы уж не обижайте его, — я намеренно уткнулся глазами в рабочие документы...

...Вот такая уж неутомимая натура была у нашего воина.

Чем-то, кстати, между собой они схожи — нынешний юбиляр и этот фронтовик-сантехник...

И ещё одна знаковая картина в моей памяти живёт своеобразным символом жизнелюбия и внутреннего задора...

Как-то мне, в то время военно-медицинскому начальнику, то бишь чиновнику от медицины, предложили выполнить почётную миссию: надо было поздравить со знаковым юбилеем женщину, которая в своё время стояла у истоков создания летних пионерских лагерей и вообще — организации отдыха детей из семей военнослужащих.

Было это ещё в далёкие тридцатые годы, на заре многих славных дел, а теперь она юбиляр.

Чествование этой достойной женщины проходило в помещении детского сада, куда мы с сослуживцами и подарками прибыли в конце рабочего дня.

Нас встречала стройная, по-преподавательски строгая, с высокой и изысканной причёской, но уже немолодая женщина. Как оказалось, это была дочь нашей именинницы.

Надо отметить, что сама именинница тоже была на высоте.

Поздравления, подарки и всё такое прочее, что в этих случаях полагается, было сделано от души, тепло и искренне. Потом был капустник и праздник души...

...Звонок из дома от моей жены раздался довольно неожиданно, но, как оказалось, вполне обоснованно.

— Ты где?

— На юбилее.

— И что же вы там делаете?

Вот уж святая простота что можно делать на юбилее?

— Готовлюсь танцевать прощальный вальс с именинницей.

— А ты не скажешь, который сейчас час? — вкрадчивый голос жены хранил не только выдержку и понимание, но и явный намёк на возможные сложности или, как сейчас говорят, санкции.

— Двадцать три... да, конечно, многовато, извини, незаметно как-то всё пролетело...

— И сколько же лет нашей имениннице?

— Девяносто...

— Тогда долго не задерживайся.

В трубке раздались умиротворённые гудки отбоя.

Вальс мы в тот вечер танцевали, несмотря на позднее время, вдохновенно и от души... От души — неутомонной...

Именинница была в туфлях на высоких каблуках, как и положено, для вальса, тем он, этот удивительный вальс, в тот чудный вечер особо и запомнился. С той поры прошло уже без малого двадцать лет, а вальс — запомнился... Кстати, на каблуках она, именинница, была тогда на протяжении всего вечера. А то как же! Знай наших!

При этом в глазах её с прежним задором сияли отблески пионерских костров среди синих ночей.

Нынешний юбиляр, как мне кажется, в глубине своей души хранит тот же самый пионерский задор, что я в прошлый раз прочитал в глазах у бывшей пионервожатой...

Не знаю, будет ли он тоже танцевать вальс на своём дне рождения, но то, что будет «цыганочка» в его, именинника, вихревом исполнении и обязательно с выходом — не сомневаюсь...

Потому как — он такой.

Да и все, о ком я здесь писал, люди неуёмной внутренней энергии и неукротимого жизненного задора.

Тем-то они мне близки и дороги. В глубине души я и сам, пожалуй, такой же. А порой — и не только в глубине...

Короче говоря, взвейтесь кострами, синие ночи...

Да, к тому же — ещё не вечер...

Содержание

<i>Анатолий Улунов. Пульс времени</i>	<i>3</i>
Колокольный звон	9
Приёмьш Славка.....	20
Прощёное воскресенье	31
Не умирай, любовь.....	43
Наши	50
Не руби моего коня	59
Служу России.....	65
Родина-мама.....	71
Другой фронт.....	79
Уха	88
Мыкыта	96
Бобочка	105
Вознаграждение	114
Завтра будет по-другому.....	122
Ботаник	132
Курьёзный случай	140
Дорожная карта.....	146
Опора.....	150
Смородиновый чай.....	158
Ух ты!	167
Поле брани	171
Отголосок прошлого	177
Сибирский валенок	180
Ещё не вечер	182

Литературно-художественное издание

Анатолий Дмитриевич Улунов

ДРУГОЙ ФРОНТ

Рассказы

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

***Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину***

Руководитель проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Александр Громов

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 30.03.2015. Формат издания 84х108/₃₂.

Объём 10,08 печ.л. Гарнитура Georgia.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru